ШКОЛА СПРИНТ

Костёр

11
НОЯБРЬ
1969

12

Костёр

Уголок бібліотечного архіваріуса

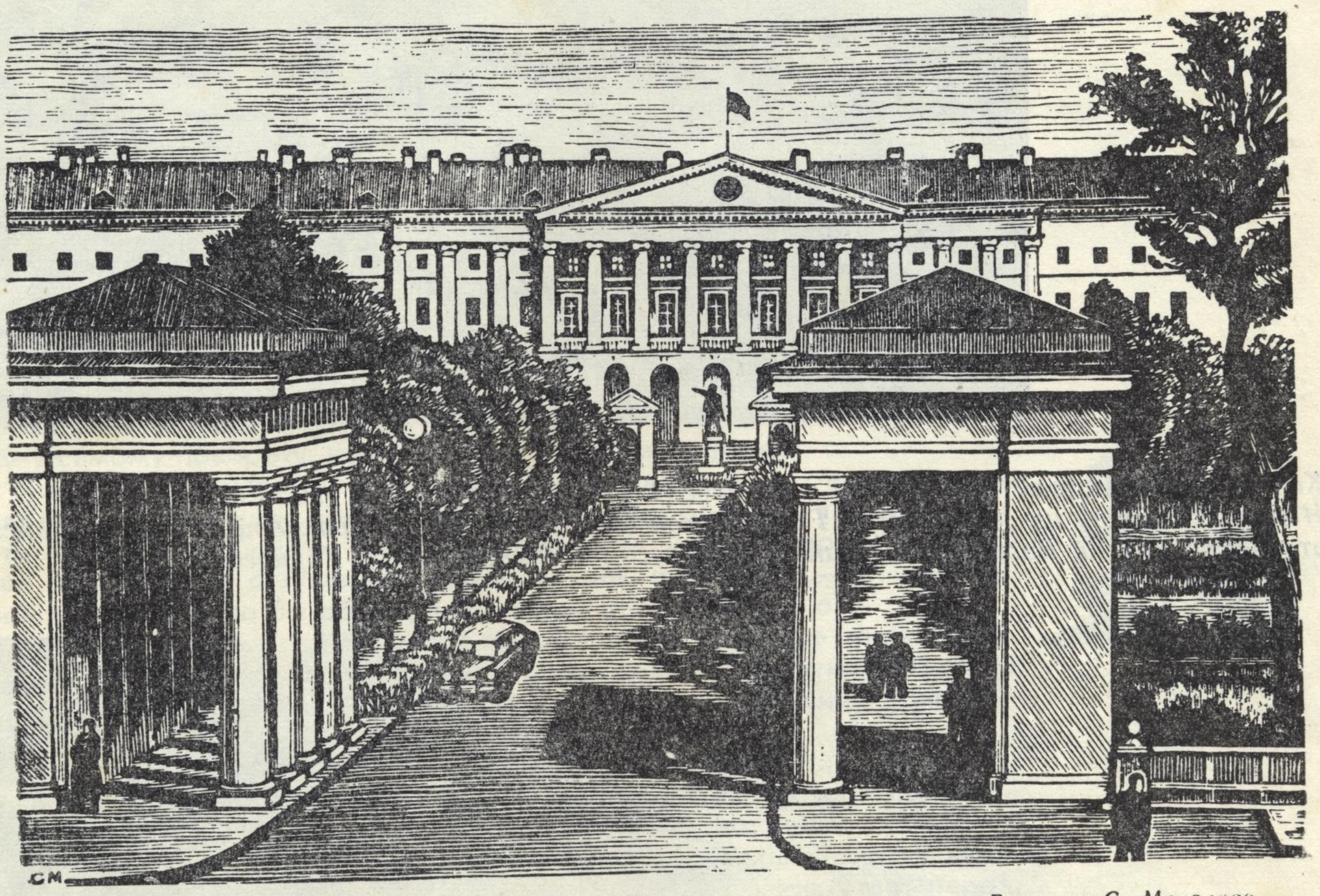
ПАМЯТНИК КОМСОМОЛЬЦАМ. Ленинград.

Скульптура В. Гордона и В. Ткаченко. Фото Б. Уткина

Костёр

11
НОЯБРЬ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Гравюра С. Мочалова

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Совет друзей 2

Ленинский почтальон
очерк Е. ВИСТУНОВА 6

Обида
повесть ИЛЬИ ДВОРКИНА 9

Моя будущая профессия 22

О музыке „легкой“ и о музыке „серьезной“
глава из книги Д. КАБАЛЕВСКОГО 24

Кто купит Теда Брейдена?
комментарий Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА 28

Вот придет Тасенька
рассказ Е. ШЕРЕМЕТЬЕВОЙ 32

Страна Поэзия 36

Делай, как я!
фотоурок школы «Спринт» 38

Стихи А. Милна
в переводах Н. СЛЕПАКОВОЙ 42

Эмиль из Лённеберги
повесть АСТРИД ЛИНДГРЕН 44

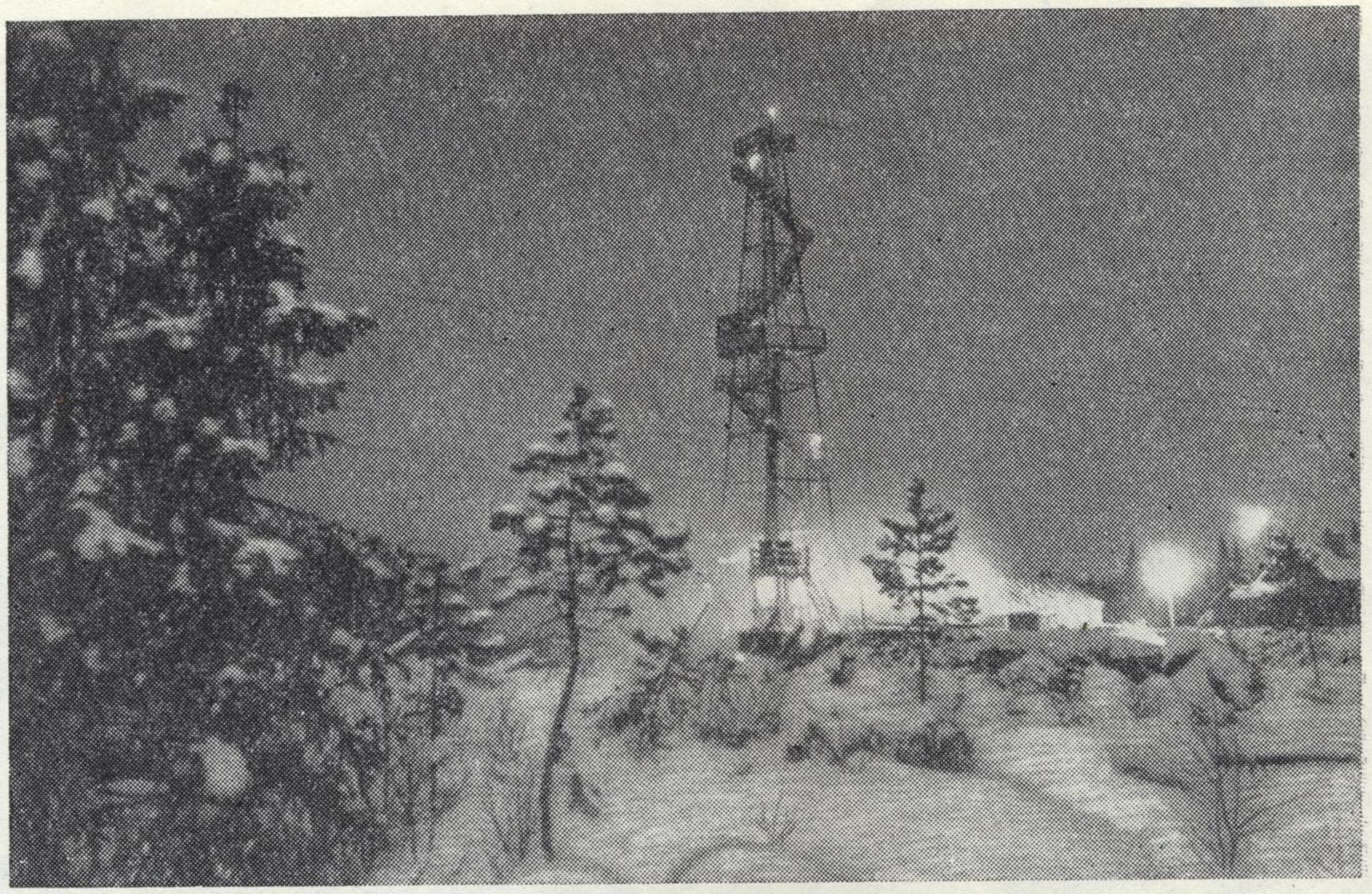
Морская газета 58

Сказки Ованеса Туманяна 60

„Уголёк“
журнал для малышей 61

Шахматы 63

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Как стать геологом? Где учатся на геолога? Что нужно знать и уметь геологу? Игорю Шевелеву из села Черное Горьковской области и Свете Гуриковой из Нижнеудинска отвечает Николай Васильевич Иванов, профессор Ленинградского Горного института.

Горные факультеты есть в политехнических институтах многих наших городов: в Москве, Ленинграде, Свердловске, Красноярске, Томске, Орджоникидзе, Днепропетровске, Алма-Ате.

Но стать студентом горного факультета еще не значит получить право называться геологом. Хороший специалист это не тот, кто заучил «от сих» и «до сих», а тот, кто с первого курса привык самостоятельно овладевать знаниями. Геологу не обойтись без хорошего знания физики, математики, химии. Но не менее важно и другое.

Помню, однажды на Кольском полуострове, наш отряд возвращался из маршрута в палатку. Вдруг небо замутилось, нас окружил густой туман, повалил снег, в трех метрах ничего не стало видно. Руководитель отряда продолжал вести людей вперед. Я шел со всеми, внимательно приглядываясь к рельефу, и по каким-то мелочам определил, что идем мы неправильно, нам нужно спускаться, а мы поднимаемся... Начальник отряда мне не поверил. Я не стал спорить. Мы прошли так час, другой. Метель не стихала, люди устали. И вдруг увидели: вышли к леднику. Тут все растерялись. Как отыскать палатку в этой пурге среди гор? Тогда руководство отрядом принял я. Вскоре мы вышли к ручью. Настроение поднялось — вот он, наш ручей. Палатка-то стояла на ручье. А я вел отряд вдоль ручья вниз, внимательно сверяясь с картой. И скоро понял, мы идем по другому ручью. Даже определил, по какому именно. Теперь нетрудно было даже наметить прямой путь к нашему ручью. Вскоре мы к нему и вышли. Да еще к тому самому повороту, возле которого стояла палатка.

Помогла мне выдержка. Ведь если бы я стал спорить с начальником отряда в неподходящее время, если бы мы поссорились и я заставил бы пойти людей за собой, не имея доказательств моей правоты, если бы повел вопреки их ощущению, да еще — не исключено — и сам бы ошибся! — все могло бы обернуться полной растерянностью...

Полевые условия предъявляют геологу очень сложные требования. Тут мало одних специальных знаний и даже умения ориентироваться на местности. Геолог должен уметь и кашу сварить, и пуговицу пришить, и палатку натянуть, и костер развести в сырую погоду.

В поле часто оказывается так, что старших товарищей рядом нет. Принимать решение надо самому, самому искать выход из создавшегося положения. И случается, от твоего шага, твоего решения зависит итог трудного полевого сезона, итог целого года работы. Поэтому надо уметь делать правильные выводы, а потом держать за них ответ перед другими людьми.

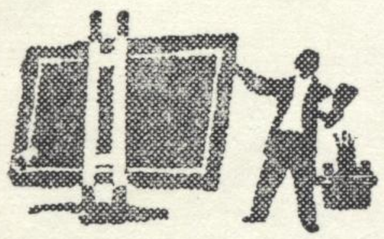
Лет тридцать назад, когда в нашей стране ощущалась нужда в олове, в Карелии нашли месторождение олова. Пригласили меня проверить и уточнить запасы. Обследовав шахту, я убедился, что линзы оловосодержащего минерала невелики и скоро сойдут на нет. Стояла осень с проливными дождями, шахты затапливало. Я не видел смысла спасать их.

Однако другие специалисты не согласились с моими выводами. Что делать? Приехали на месторождение. Спустились в наполовину затопленную водой шахту. По пояс в ледяной воде, с молотком в руках доказывал я тогда свою точку зрения, основывал, защищал ее. И защитил!

Есть еще одно очень важное требование, которое предъявляет геологу его профессия, его работа в полевых условиях. Геолог должен быть настоящим товарищем. Должен в любую минуту прийти на помощь своему спутнику.

Я всегда с благодарностью вспоминаю одного своего друга. Теперь он профессор, заведует кафедрой, а когда-то был просто Саша Ягжин, студент. Однажды он спас меня от верной гибели.

Вечером, после большого маршрута, наш отряд возвращался в лагерь берегом сибирской реки Кан. До лагеря оставалось уже немного, когда тропинка круто пошла вверх, а берег отвесным скальным обрывом спустился в глубину реки. Мы остановились. Продолжать путь берегом, тропинкой и карабкаться на кручу? Все очень устали. Я предложил: преодолеть участок вплавь. Первым пустился вплавь, подняв вещи над головой, Саша Ягжин. Он собирался посмотреть, как далеко за поворотом тянется обрыв, и если недалеко, — дать нам знак. Вскоре раздался сигнал, и я, раздевшись, вторым погрузился в воду. Миновал первый поворот, впереди — еще один. Плыву и вижу — все мои вещи — каждая по отдельности — плывут по реке. Расстегнулась пряжка ремня, и все рассыпалось. Я кинулся спасать свои вещи, в брюках-то все документы! Нырнул за брюками — уплыла рубашка. Наконец, собрал все в охапку. И чувствую — сил больше нет, не хватает дыхания: у меня тогда находили порок сердца. Подгреб к берегу, надеясь удержаться за скалу. А скала скользкая от водорослей... Тут подоспел ко мне Саша. Он увидел в воде один ботинок — я не успел поймать его, и поспешил ко мне на выручку. Я уже с головой погрузился в воду... Тут меня подхватил Саша.

Считают, что геологом может быть только крепкий, очень здоровый, спортивный человек.

В молодости у меня обнаружили порок сердца и посоветовали перейти на спокойную, сидячую работу. Я послушался. Через некоторое время врачи признали, что это не помогает мне — на поправку дело не шло. И предложили выехать в поле.

Поехал я тогда в Хибины. В первый день прошел километров около тридцати, да еще с рюкзачком. Выдохся, думал, назавтра не поднимусь. Но день за днем физический труд, свежий северный воздух, работа, которая целиком захватила меня, — сделали свое дело. Я почувствовал себя крепче и лучше. Так что и от выдержки, от воли кое-что зависит.

Возможно, многих из вас ждут встречи с геологами. Причем не просто с геологами, а с самыми лучшими, самыми талантливыми, которые станут вашими учителями в вузах.

Моим учителем в институте, а затем в аспирантуре был Семен Васильевич Кумпан. Ученый огромной эрудиции, необычайных знаний, опыта, редкостно тонкий, умный, чуткий человек. Никогда ничего не навязывал своим ученикам. Главное, что стремился развивать в нас, — самостоятельность. Случается, бьешься над каким-нибудь вопросом, а он словно и не замечает, как тебе туго, потом, будто ненароком, расскажет при тебе какой-нибудь случай: вот, рассказывает, в Кустанае мы делали то-то, одни считали, что поступить надо вот так, а другие — вот так, а на деле оказалось... Ты над этой историей призадумаешься и увидишь, что ведь и у тебя получается что-то похожее — и вот уже путь, по которому следует искать дальше, намечается... Семен Васильевич был специалистом по углю. А я стал специализироваться по руде. Может быть, ему это было неприятно, но он мне не мешал, не пытался сделать из меня угольщика, он никому не мешал искать свой путь в науке и идти своим путем. И внимательно, осторожно, незаметно помогал в поисках. И за все это я очень благодарен своему учителю.

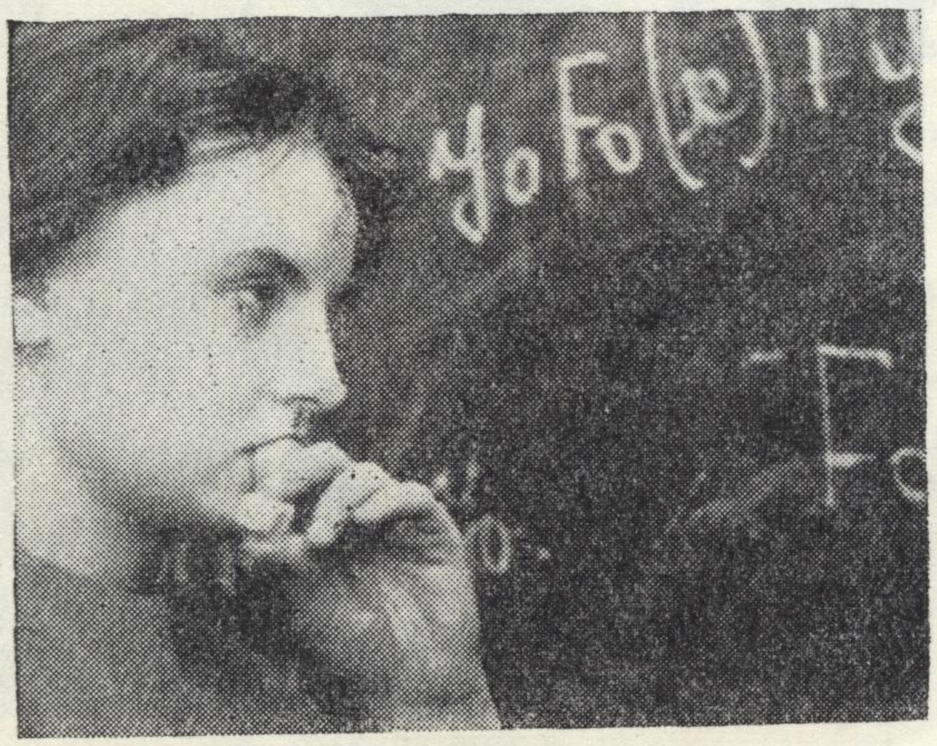

Но не ждите, что свой опыт и знания эти люди поднесут вам на тарелочке. Вам самим придется немало поработать.

А будете ли вы сами настоящими геологами, зависит от вас самих. Вы заметили, что, говоря о том, что нужно геологу, я говорил о таких качествах, которые нужны каждому человеку, каждому специалисту, — воля и выдержка, умение самостоятельно мыслить, умение обосновать свое мнение и отстоять его, быть хорошим товарищем.

Записала беседу Л. Глебова

Публикацией
ЭТОЙ НИГДЕ РАНЕЕ НЕ НАПЕЧАТАННОЙ ПЕСНИ МЫ ОТМЕЧАЕМ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СТУДЕНТА

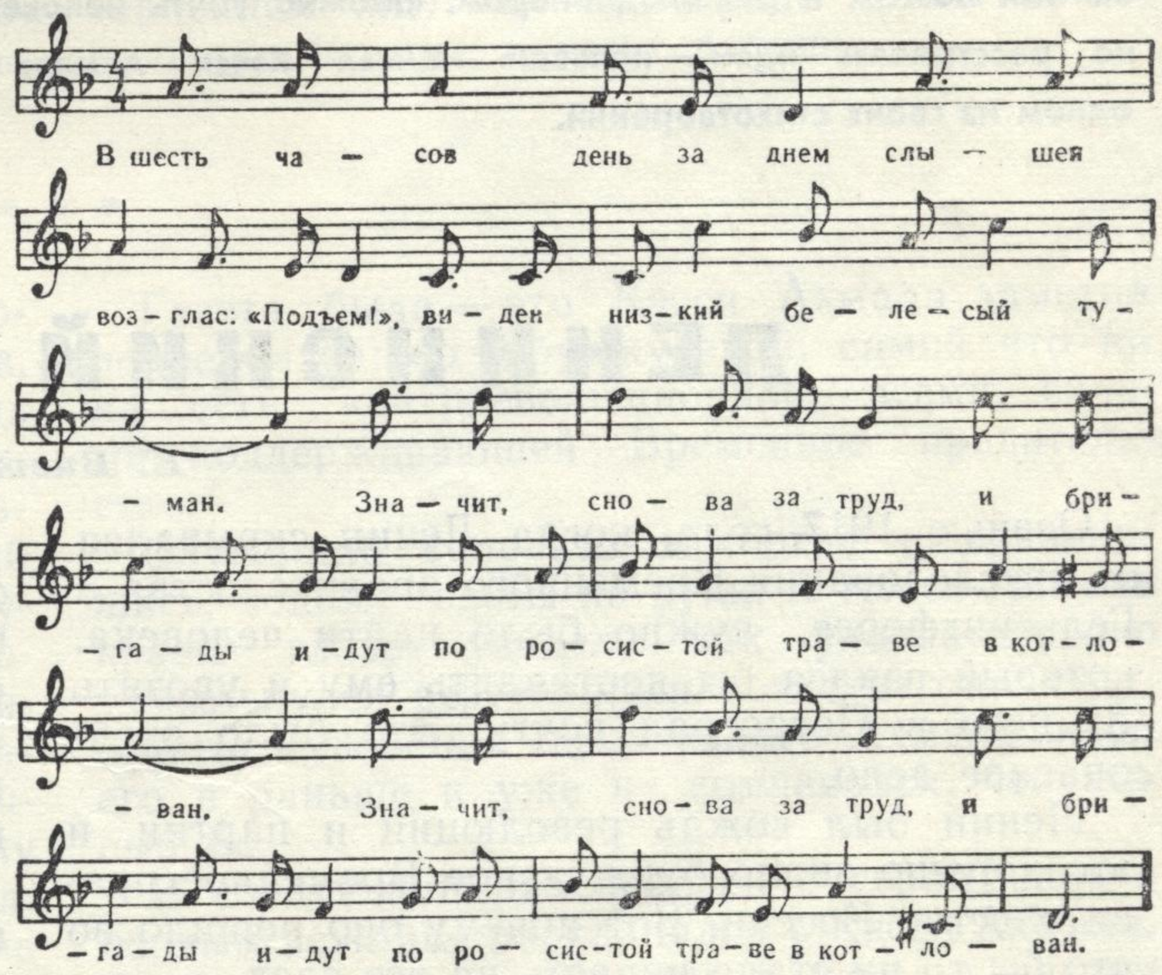
Сложил ее наш сверстник Юра Голубенский, а пели мы все.

Двадцать лет назад, летом 1949 года, мы, университанты разных курсов, работали в Ефимовском районе Ленинградской области, строили межколхозную гидроэлектростанцию.

Тогда еще не было сложено песен о покорении целины. Но мы считаем сейчас, что все они, те, что вы знаете и поете, возникли из этой, первой, нашей. Так же как и сама целина, и студенческие трудовые отряды, и шефство комсомола над стройками наверняка выросли из того нашего малого строительства на речках Лиди и Тихвинке.

Может быть, дочитав до третьей строфы, вы удивитесь слову „корейских", и, может быть, стоило бы сейчас заменить это слово на „вьетнамских", — но мы не стали ничего менять. И так ясно, что время идет, а наша общая Вахта мира продолжается.

Разучите Песню строителей! Пусть она станет и вашей песней!

В шесть часов день за днем
Слышен возглас: „Подъем!",
Виден низкий белесый туман.
Значит, снова за труд,
И бригады идут
По росистой траве в котлован.

И студенты идут
В наступленье на грунт.
Пусть июльское солнце палит,
Пусть кирка нелегка,
Пусть немеет рука, —
Здесь до вечера песня звенит!

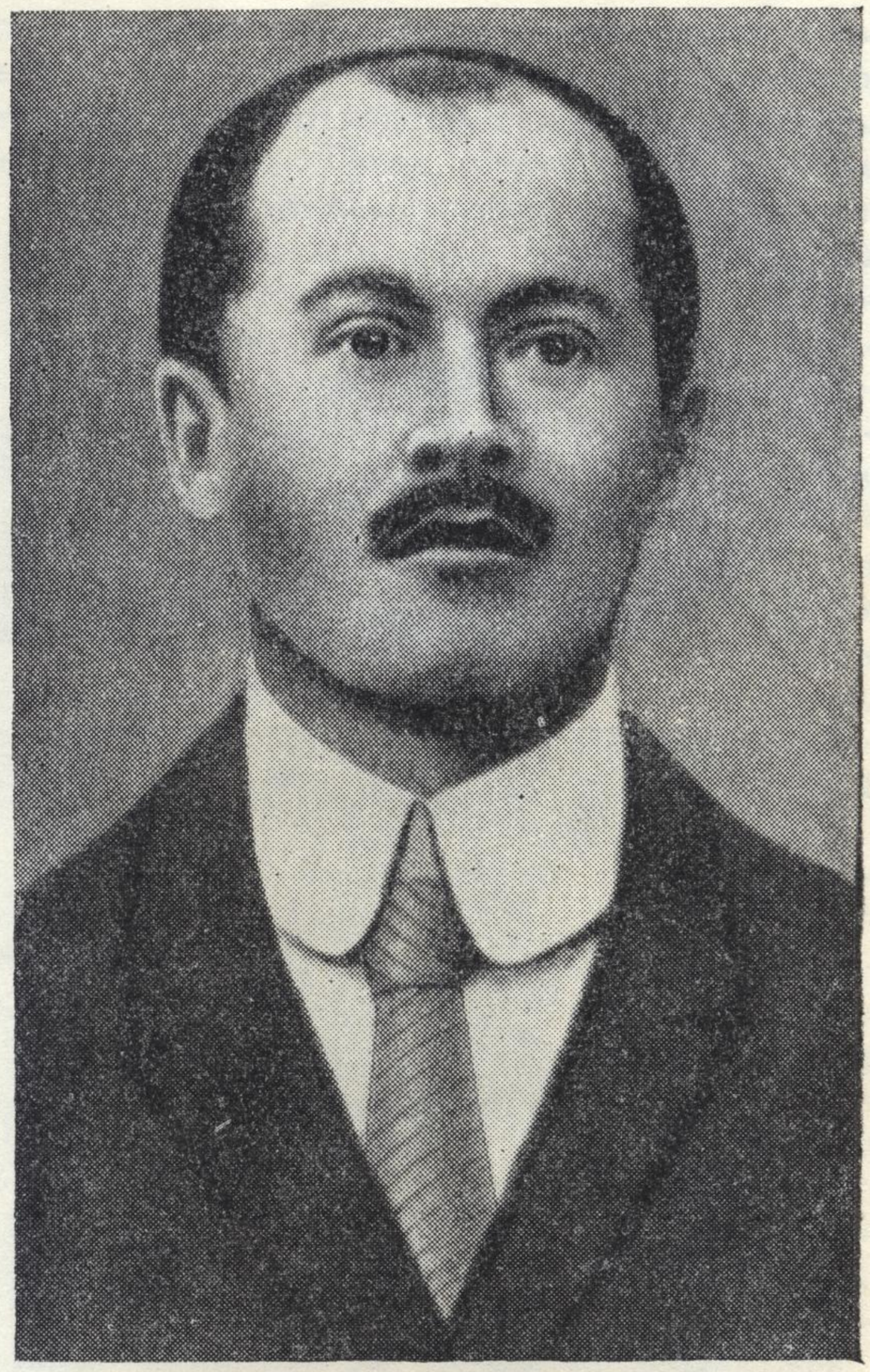
Знает каждый из нас,
Что на стройке сейчас
От окопов корейских вдали
Люди лучших бригад
Вахту мира стоят,
Защищая судьбу всей земли.

Это лето пройдет,
И в обратный поход
Нас проводит желтеющий лес.
Нашей песне труда
Подпоют провода
Комсомольской студенческой ГЭС!

В стране, где он жил, долгие годы его имя было под запретом, и одно упоминание о знакомстве с ним могло привести в тюрьму, стоить жизни. Даже самые близкие этого человека — жена и дочь — не смели рассказывать о нем, показывать его письма, вслух вспоминать о том, как он, рискуя жизнью, тайно перевозил ленинскую почту из Гельсингфорса в Петроград.

Его звали Кэсси Ахмала. В 1917 году он работал в почтовом вагоне поезда, который курсировал между столицей Финляндии Гельсингфорсом и Петроградом. А по призванию он был поэтом и революционером. «Можно убить человека, но расстрелять идеи — нельзя!» — писал Кэсси Ахмала в одном из своих стихотворений.

ЛЕНИНСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

Е. Вистунов

Осенью 1917 года, когда Ленин скрывался от преследования Временного правительства в Гельсингфорсе, нужно было найти человека, который взялся бы доставлять ему и увозить от него в Петроград почту. Это было очень опасное дело.

Ленин был вождь революции и партии, и это хорошо знало буржуазное Временное правительство России. Вот почему оно решило во что бы то ни стало напасть на его след.

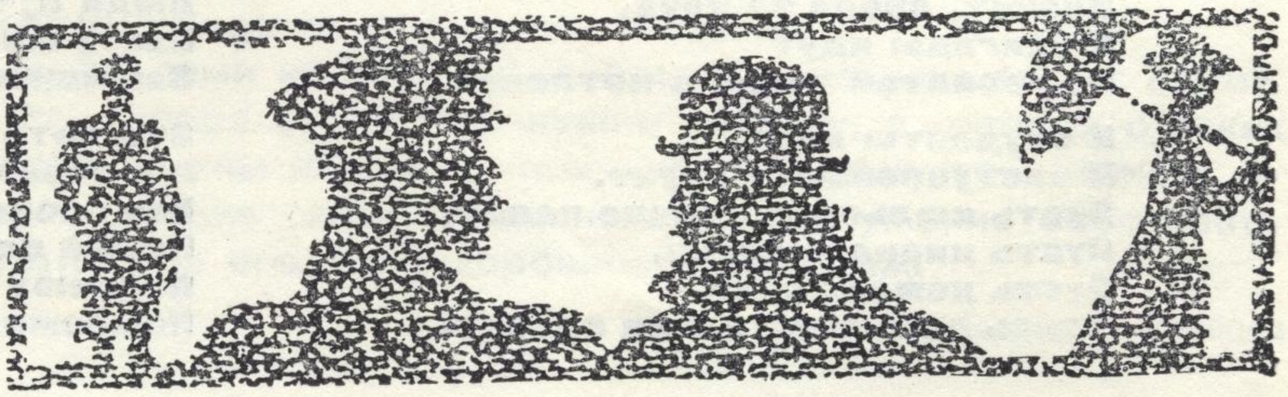
Когда Владимир Ильич скрывался еще в Разливе, близ Сестрорецка, контрреволюционная газета «Речь» писала:

«Предстоящий процесс большевиков.

Следствием собран огромный материал... Не позднее 21—22 августа... предварительное следствие по делу большевиков закончится и немедленно же будет приступлено к составлению обвинительного акта».

Буржуазные газеты сообщили, что группа офицеров Временного правительства поклялась поймать Ленина или покончить самоубийством. Подробно рассказывалось о сыскной собаке (и всячески расписывались ее необыкновенные способности), которая обязательно найдет Ленина.

Но обнаружить Владимира Ильича было не просто. Его надежно укрыла в подполье партия большевиков, его оберегали от ищеек Временного правительства самые проверенные,

самые надежные люди, преданные революции. Вполне понятно, что и ленинским почтальоном мог быть только очень преданный партии человек, готовый умереть, но не выдать тайну ответственного поручения.

Густав Ровио, бывший питерский рабочий, член партии с 1905 года, на квартире которого жил в Гельсингфорсе Владимир Ильич, вспоминал: «Я сообщил Ленину, что у меня есть вполне надежный товарищ, железнодорожный почтальон... и при помощи его я смогу наладить нелегальную почту, лишь только получу указание, куда письма в Питере должны доставляться».

«Вполне надежный товарищ» — это и есть Кэсси Ахмала. По рекомендации Густава Ровио он стал тайным ленинским почтальоном.

В то самое время, когда агенты Временного правительства рыскали по Петрограду и по всем железным дорогам, ведущим к городу, тщетно пытаясь найти Ленина, Кэсси Ахмала встречался с посыльными партии и брал у них небольшой плотный пакет.

* * *

Стучат на стыках колеса поезда, покачивается почтовый вагон. На стеллажах в вагоне разные посылки с сургучными печатями, кипы газет, в мешках — корреспонденция. Работа почтальона не трудная — посматривай за вагоном да на больших станциях сгружай часть своего бумажного груза. Но Кэсси Ахмала ни минуты не спит. Еще бы! Ведь у него в дальнем углу вагона, в самом укромном месте лежит пакет, который в сто, в тысячу раз ценнее всех этих тяжелых посылок с сургучными печатями. У него там — он даже лишний раз не смотрит в ту сторону — особая почта. Густав Ровио ему сказал: «Партия надеется, что ты не подведешь. Что бы ни случилось, этот пакет ты должен оберегать любой ценой».

«Даже ценой жизни, — ответил ему Кэсси Ахмала. — Знаю, не беспокойся!»

Стучат колеса. Покачивается вагон. Все ближе и ближе к Петрограду. Туда, куда спешат и ленинские письма. Кэсси Ахмала их не читал, но он знает: каждое ленинское слово с нетерпением ждут в Петрограде члены Центрального Комитета, ждут рабочие.

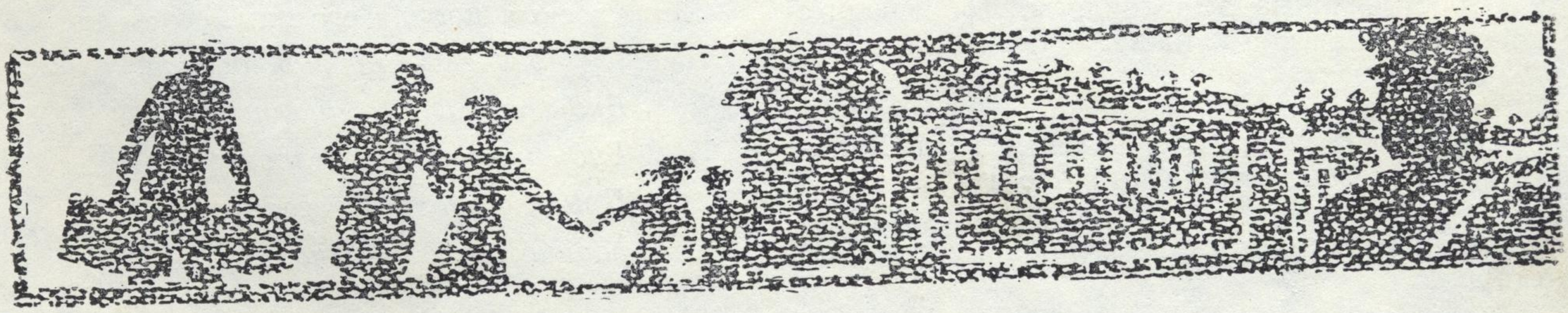
* * *

Особенно опасным местом на пути в Петроград и Гельсингфорс была станция Белоостров, наводненная шпиками и сыщиками. Здесь ведь проходила граница — пункт проверки документов, досмотра груза. Кэсси Ахмала разработал тактику: в Белоострове он каждый раз нарочно долго передавал почтовым служащим корреспонденцию, требовал от них соблюдения малейших формальностей ее приема. «Как с газетами обращаешься?!» — закричал он однажды на пожилого работника почтового ведомства, небрежно положившего кипу газет на грязный перрон. И еще злее добавил: «Небось тоже за большевиков — иначе бы не стал бросать всеми уважаемую газету в грязь».

Газета была — это Кэсси Ахмала заметил по ее названию — буржуазной, самой что ни на есть контрреволюционной, всеми силами поддерживающей Временное правительство.

Служащий виновато заморгал и, извинившись, поднял газеты на руки. А Кэсси Ахмала краем глаза увидел, как удовлетворенно ухмыльнулся вертевшийся возле вагона худосочный мужчина в сером пальто. Ахмала видел его и раньше и уже не сомневался, что это сыщик.

В следующий раз человек в сером пальто первым вежливо раскланялся с Кэсси Ахмала, улыбнулся как знакомому, и когда к вагону

подошел офицерский патруль, он успокаивающе сказал: «Не тратьте время — это наш человек».

* * *

В начале 1918 года в Финляндии вспыхнула пролетарская революция. Во многих городах страны власть перешла в руки рабочего революционного правительства.

Но силы оказались неравными. С помощью дивизий империалистической Германии финской буржуазии удалось задушить пролетарскую революцию. В жестоких боях за нее погибли многие славные сыновья и дочери Финляндии, погиб вместе с ними и ленинский почтальон Кэсси Ахмала.

«Можно убить человека,
Но расстрелять идеи — нельзя!»

Его расстреляли белые при взятии Выборга. Последние его слова были: «Да здравствует революция!»

И радостной и грустной оказалась наша встреча в Хельсинки с дочерью Кэсси Ахмала.

Хилкка Ахмала работает международным обозревателем газеты «Кансан уутисет». Она

С тех пор Ахмала проезжал Белоостров, словно пустынный полустанок — спокойно, уверенно.

* * *

нас пригласила к себе домой, показала бережно сохраненные ее матерью документы отца, книжки его стихов, семейные фотографии.

Она была совсем маленькой, когда в Выборге, во дворе почты прогремели выстрелы палачей. И о подробностях она узнала много позже.

— Вы сами можете догадаться, какой была смерть моего отца, — глухо говорит она. — Вот его удостоверение, билет члена социал-демократической партии, профсоюзный билет. Все они проколоты. Видно, враги боялись отца даже мертвого — после расстрела кололи штыками.

Хилкка замолкает, заново переживая прошлое. Но характер у нее отцовский; она тут же берет себя в руки и неожиданно предлагает нам:

— Хотите, я прочту вам стихи отца?

«Получил я от Севера с детства
Непреклонную волю в наследство.

. . . . . .

Враг насилья, привык я недаром
Отвечать на удары ударом...»

Мы слушаем, а на столе лежат проколотые штыками документы.

«Предъявитель сего разъездной почтальон Финляндского почтового ведомства Густав Густавович Ахмала, 28 лет, состоит на службе в почтовом вагоне, курсирующем между Гельсингфорсом и Петроградом. 3 мая 1917 года».

И на другой стороне:

«Сим свидетельствуется, что на обороте сего лицо, как служащее в почтовом ведомстве, действительно имеет право беспрепятственно разъезжать от гор. Петрограда до гор. Гельсингфорса и обратно. Что подписью с приложением печати удостоверяется. 11 сентября 1917 года».

* * *

Простреленные партбилеты, обагренные кровью солдатские книжки.

Удостоверение ленинского почтальона Кэсси Ахмала — в одном ряду с ними.

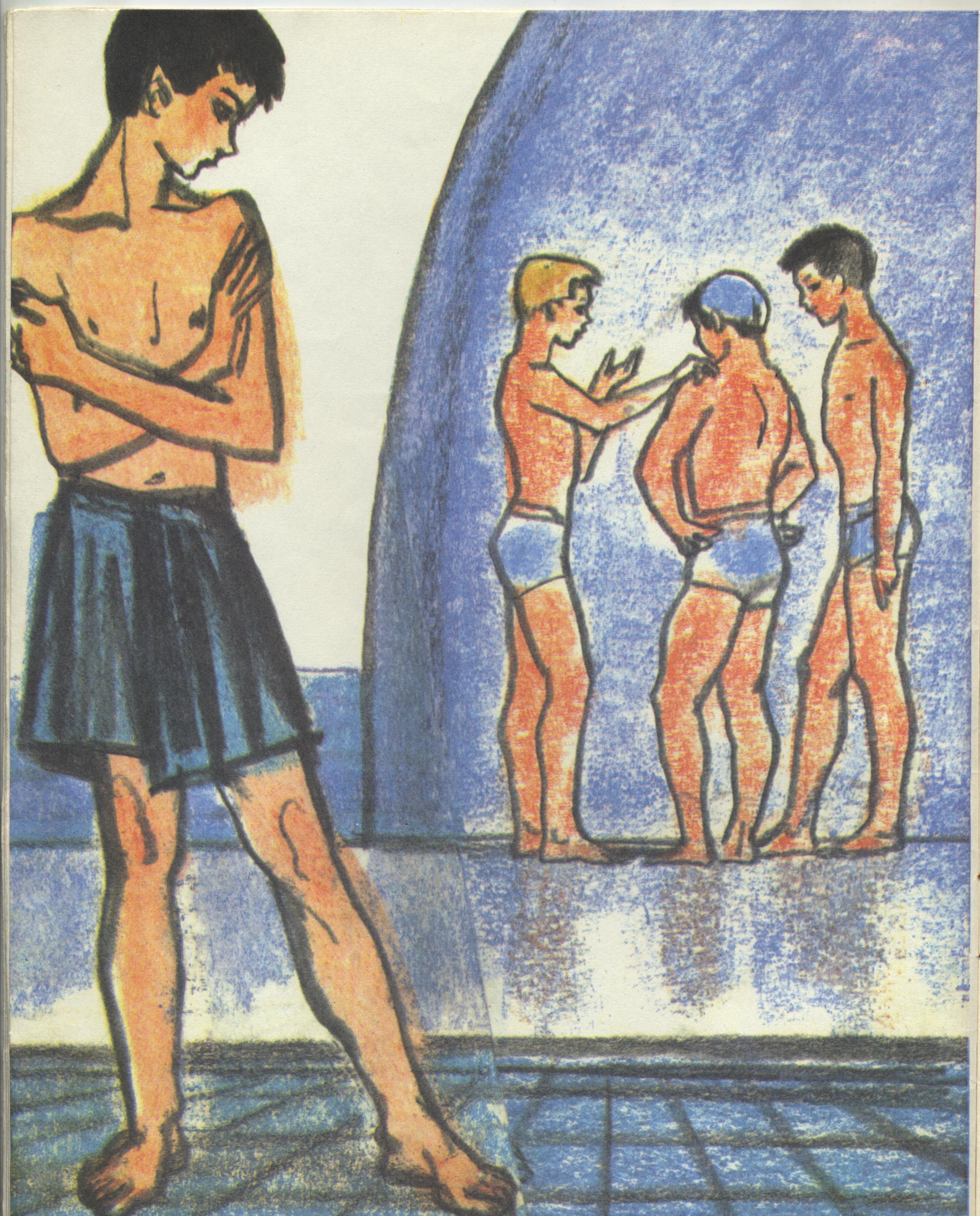
Много лет спустя после смерти, когда Хилкке исполнилось пятнадцать лет, мать передала ей письмо отца. Оно хранилось запечатанное как отцовское напутствие в жизни, как его завещание.

Хилкка сама прочла его нам.

«Моей единственной дочери.
Будь, как и я, социалистом.
Будь настоящим человеком.
Принеси своей истерзанной
родине свободу и счастье...»

Симъ свидетельствуем,что а оборотѣ сего
лицо,какъ служащее въ Почтовомъ Вѣдомствѣ,
дѣйствительно имѣетъ право безпрепятственно
разъѣзжать отъ гор.Петрограда до гор.Гельсинг-
форса и обратно.
Что подъ[illegible]съ приложеніемъ печати удос
товѣряется.

1917 г.

Обида

ПОВЕСТЬ

Илья Дворкин

Рисунки М. Майофиса

I. Психологический опыт

Школа из белого кирпича. Кирпич этот называется силикатный.

Школа стоит на пригорке — новенькая, как все вокруг.

Парты блестят свежей черной краской, сиденья оранжевые, как апельсин, еще не обтертые, шершавые.

А классные доски из коричневого линолеума.

В общем, школа как школа.

Только в классе все незнакомые между собой ребята, все новые, будто ты снова первоклассник. Потому что все сплошь новоселы. И все приглядываются друг к другу.

Одиннадцать мальчишек и восемь девчонок. Все девятнадцать приглядываются, а делают вид, будто никто никого не интересует, будто они сами по себе, будто каждый — самый главный в классе, самый умный и самый сильный или самая красивая.

Но Митька-то Линев знает, что так не бывает.

Пройдет несколько дней и сразу станет ясно — этот закоренелый отличник, а тот любитель сдуть задачку, а та бегает быстрее всех, но зато плакса, а вот этот обжора.

Но пока еще ничего не известно и очень интересно разглядывать всякого исподтишка и разгадывать, что он за человек.

Митька сидит за партой один.

Мальчишки сели с мальчишками, девчонки с девчонками. А он оказался один. Митька сидит у окна на третьей парте в третьем ряду.

Самое лучшее место — и вперед не выскочил, как какой-нибудь зубрила, и не на камчатке.

Впереди него сидят две девчонки — одна черненькая, пострижена как мальчишка, с маленькими розовыми ушками, а вторая с толстыми короткими косичками врозь, такого серенького цвета, который называется русый.

На первом же уроке, это была арифметика, на Митькину парту шлепнулась скатанная в шарик записка:

Здорово! Ты в нашем доме живешь, ага!
Я видал, как вы приехали вчера после нас.
Наш кот вашему коту даст, если драка.
Потому что у вас сибирский, а наш рыжий Рыжка.
Меня зовут Серега. Привет с камчатки!
Хочешь, я к тебе сяду?

Угол у записки был загнут, прижат скрепкой. Когда Митька его отогнул, то прочитал:

Кто сюда заглянет, у того язык завянет.

Митька оглянулся и увидел за последней партой мальчишку, который часто подмигивал ему сразу двумя глазами.

Мальчишка был белобрысый и ушастый, с царапиной на щеке. А рыжие глаза его весело и отчаянно поблескивали.

Имя ему очень подходило. Поглядишь — и сразу скажешь — Серега.

Серега еще раз подмигнул и высунул язык.

Митька улыбнулся.

Сразу было видно, что этому Сереге лучше палец в рот не класть, и еще было видно, что парень он хороший — не вредный и не хлюпик, а драчливый, как козел.

Так решил Митька и угадал. И надо сказать, что угадал единожды, потому что с другими он ошибся.

Поглядел на девчонку, ту, что впереди него. Серенькую — глаза голубые, кроткие, ну, думает, такую пальцем тронь, сразу жаловаться побежит и слезы будут катиться из глаз как стеклянный горох.

Митька так это все четко представил, что никак не мог удержаться и провел на перемене психологический опыт.

Никаких недобрых чувств он к девчонке не питал. Это была чистая наука, научный опыт.

Он приколол к парте тремя кнопками девчонкину тетрадь, вернее, не всю тетрадь, а заднюю стенку обложки.

Начался урок ботаники.

Молоденькая учительница рассказывала так интересно, что Митька и думать забыл про девчонку.

Но вдруг раздался треск и он увидел, что девчонка с недоумением вертит свою тетрадку по арифметике, а на обложке три длинные узкие дырки.

Девчонка увидела кнопки на парте с клочками скрученной в пружинку бумаги, что-то сообразила и обернулась к Митьке.

— Ты? — тихо спросила она, и глаза у нее уже были не кроткие, а прищуренные и настороженные, как у снайпера.

Митька молча ее разглядывал.

— А ну, говори! Я видела, как ты возле моей парты вертелся!

— Ну, я, — так же тихо, но добродушно отозвался Митька, — жаловаться побе...

Но окончить он не успел.

Девчонка с быстротой необыкновенной подхватила с парты учебник ботаники и звонко, гулко, на весь класс влепила им Митьке по макушке.

Митька залился краской и изо всех сил вцепился руками в парту, чтоб руки сами по себе не съездили этой козе по шее. А девчонка уже кротко и безмятежно глядела на учительницу.

Учительница растерялась. Она нервно теребила тоненькими пальцами платочек и переводила взгляд с Митьки на девчонку. Наконец она спросила:

— Девочка, как тебя зовут?

— Надя Королева.

— За что же ты, Надя Королева, ударила

этого мальчика по голове, так больно и так громко?!

— За дело, — коротко и убежденно ответила Надя Королева.

— Но как же можно... как же можно драться... ты же девочка!

— Они у меня узнают, какая я девочка, — едва слышно, под нос себе, но все же так, что все расслышали, пробормотала Надя.

Учительница не нашлась что ответить, еще мгновение молчала, раздумывала, потом сказала:

— Ну... садись.

Надя Королева удивленно вскинула на нее глаза и продолжала стоять. Потом сказала:

— Вообще-то меня полагается из класса выгнать.

Тут уже не только учительница, а и Митька, и весь класс замерли, пораженные.

— Но... но ты же, наверное, больше не будешь так поступать? — спросила учительница Надю.

Надя Королева подумала малость, тяжело вздохнула и тихо ответила печальным голосом:

— Да нет... Наверное, буду.

— Все равно садись и не мешай мне вести урок, — уже раздраженно сказала учительница и смяла платочек в кулаке.

Вот чем окончился Митькин научный опыт, каким позорным для него провалом и победоносным триумфом для Нади Королевой — девчонки с обманчивой внешностью.

И потому Митька решил на время отказаться от скоропалительных психологических опытов.

II. Надпись в лифте

В лифте была такая надпись: «Танька — дура».

Митька спускался со своего пятого этажа и вдруг увидел эти слова, безжалостно и грубо выцарапанные на блестящей полированной стенке новенького лифта.

«Безобразие какое, — подумал он. — Такую замечательную стенку испортил! Лучше бы на доме написал. Нет, и на доме жалко... Ну уж если тебе не терпится сообщить людям такую важную новость про эту Таньку, если тебе совсем невтерпеж, взял бы и на асфальте, на тротуаре кирпичом, большими буквами — и видно всем и лифт целый! А так... Просто сам дурак и уши холодные», — возмутился Митька.

Но через минуту он уже позабыл об этой надписи. Он вышел из парадного, задумавшись о своих важных и довольно грустных делах, и в это время кто-то осторожно коснулся его плеча.

Митька вздрогнул от неожиданности и обернулся. Перед ним стояла незнакомая, худенькая девчонка чуть пониже его ростом.

Лицо у нее было бледное, а может быть, просто казалось таким из-за очень черных, коротко остриженных волос. Продолговатые серые глаза, удивительные глаза в золотых искорках, глядели на него с печальной жалостью.

Все это Митька разглядел в одно короткое мгновение, а в следующую секунду он понял, что девчонка не совсем незнакомая, что она учится с ним в одном классе и сидит рядом с той самой лихой Надей Королевой. А не узнал он ее потому, что сейчас на ней, вместо форменного платья, был полосатый пушистый свитер.

— Ты чего? — спросил Митька.

Девчонка молча разглядывала его все с тем же странным выражением лица. Митька забеспокоился. Он даже оглядел себя украдкой — все ли пуговицы у него застегнуты.

«Может, у меня лицо вымазано», — мелькнуло у него в голове.

— Почему ты молчишь? — снова спросил он.

— Зачем, ну зачем ты сделал эту гадость? — тихо спросила девчонка.

— Да понимаешь... это был опыт, — забормотал Митька. — Думаю, побежит она жаловаться или нет... ну, подумаешь, тетрадку кнопками... разве это гадость?

— Какую тетрадку? Ах, ты про это... Нет, это еще не гадость.

Митька совсем растерялся. Он почувствовал, как катастрофически глупеет под взглядом этой девчонки. Он ничего не понимал.

— Что ты от меня хочешь? Я больше ничего... Честное пионерское.

Нос у девчонки брезгливо сморщился.

— Тебе не стыдно давать честное пионерское? Я-то думала, у тебя достанет смелости хотя бы мне признаться! Фу, противно! Я же никому ничего не сказала.

Девчонка повернулась, собираясь уйти.

Но Митька схватил ее за руку и снова повернул к себе лицом.

— Да чего ты ко мне пристала? Ты, может, сумасшедшая? Что я такого сделал, а ну, говори?

Девчонка холодно и четко проговорила:

— Ты сам прекрасно знаешь, не притворяйся. Ты написал про меня «Танька — дура». Мне-то наплевать, что ты обо мне думаешь, но ты, как дикарь, испортил новый лифт!

Митька оторопел. Митька задохнулся от возмущения. Он стоял, хватая ртом воздух, и непреодолимое желание дать этой самоуверенной Таньке хорошую затрещину переполняло его.

Но отец всегда, сколько Митька себя помнит, внушал ему, что бить девчонок — это уж самое последнее дело, и Митька кое-как сдержался.

Он только сжал руку девчонке чуть повыше локтя, сжал так, что губы у нее скривились от боли, придвинул свое лицо вплотную к ее лицу и прошипел:

— Ты дура и есть! Самая настоящая дура! Лифт испортил! Да я тебя и знать не знаю, я и имя-то твое первый раз услышал. Скажи спасибо, что не получила вот это, — Митька покрутил перед ее носом туго сжатым кулаком, потом оттолкнул девчонку и зашагал прочь.

Он уже обогнул угол дома, когда услышал позади легкий топот.

Девчонка снова дотронулась до его плеча.

— Ну, чего тебе еще надо? — заорал Митька.

— Послушай... ты не сердись... я теперь вижу, что это не ты.

— Спасибо! Я прям-таки счастлив, — Митька расшаркался.

— Ну, перестань. Не паясничай. Я ведь и вправду думала, что это ты написал. Я ведь никому не сказала, хотела поговорить, потому что это же ужасное свинство...

— Но почему ты меня... Мы что, давно знакомы? И ты меня хорошо знаешь?

И тут Митька осекся.

— Это потому, что я Надькину тетрадку? — тихо спросил он.

— И потому тоже, — так же тихо ответила Таня. — И еще потому, что я ни одного мальчишки пока не знаю, а ты в одном подъезде...

— Так что ж, если в одном...

Митька умолк. И тут Таня тихо сказала:

— Знаешь, у тебя были очень страшные глаза, очень сердитые. Я думала, ты меня ударишь.

— Еще чего, — пробормотал Митька и нахмурился, но ему очень понравилось про страшные глаза.

— Ты мне так сжал руку... У меня, наверное, будет пять синяков.

— Извини, — буркнул Митька и опустил голову.

Он опять почувствовал, что теряется под ее взглядом.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Дмитрий. Митей дома зовут.

— Красивое имя. Ми-тя. Красивое.

— Скажешь тоже... Имя как имя.

— Не-ет, красивое.

Некоторое время они шли молча, искоса поглядывая друг на друга.

— Ты знаешь, Митя, когда ты вышел из подъезда, я подумала, что у тебя случилось какое-то несчастье, такой ты был печальный. Я еще подумала, что ты из-за этой дурацкой надписи, что ты жалеешь. У тебя беда какая-нибудь?

Митька остановился удивленный, внимательно поглядел на Таню, и вдруг ему показалось, что он знает ее давно-давно, всегда знал.

И еще ему показалось, что это уже было когда-то.

И эта странная девчонка, которая, как колдунья, может чувствовать, какое у тебя настроение, и они когда-то уже вот так стояли на ветру и глядели друг на друга, и разговаривали.

Он потряс головой, но странное чувство не проходило. И Митька неожиданно заулыбался во весь рот, потому что ему вдруг стало хорошо-хорошо, просто даже замечательно. И захотелось все ей рассказать про свою беду.

Вернее, даже не про беду, а может быть, вовсе про счастье — зависит от того, как завтра все обернется, потому что несколько дней назад Митька соврал.

Пока длился суматошный день в новой школе, в новом классе, он почти забыл про это, но теперь на него опять накатили разные невеселые мысли.

Он соврал.

Но все дело в том, что он, может быть, вовсе и не соврал. Вот какое дело.

Он и сам запутался.

А выяснится все только завтра. И Митька боялся, что до завтра он не доживет, а помрет от волнения и неуверенности уже сегодня.

Все это Митька пробормотал так сбивчиво и непонятно, что Таня только покачала головой.

— Погоди, погоди, ничего разобрать не могу. Ты соврал?

— Соврал!

— А говоришь, не соврал.

— Может быть, и не соврал, я не знаю.

— Но так же не бывает, Митька!

— Бывает.

— Слушай, ты можешь мне все по порядку рассказать?

Митька задумался. Потом неуверенно сказал:

— Ну... не знаю... попробую.

И вот что Таня узнала от Митьки.

III. Завтра на старт!

С Колей Прохоровым Митька познакомился в южном городе Сухуми на водной станции. Митька приехал туда на каникулы к бабушке и дома появлялся только для того, чтобы перекусить да выспаться.

Все остальное время он был на море.

Он обуглился на солнце, как головешка, волосы выгорели, стали пестрыми — полоса черная, полоса рыжая — и торчали от соленой воды сосульками.

— Ты погляди на себя, — чучело да и только. Ты же ж скоро ракушками обрастешь от этого моря, будь оно неладно, — говорила бабушка. — Мать приедет, скажет, что я тебя специально голодом морила, чтоб скелет для музея сделать.

— Не скажет, — смеялся Митька и говорил бабушке про ультрафиолетовые лучи, которые такие полезные, что просто ужас. И еще говорил о броме, йоде и других замечательных, очень нужных человеку веществах, которые есть в морской воде.

Бабушка умиленно вздыхала, добрела, гладила Митьку по голове.

— Ишь, сколько всего вычитал, чертеня! Не переспоришь тебя, — говорила она.

Коля Прохоров поразил Митькино воображение при первой же встрече.

Вот это был человек!

Когда Митька увидел, как Коля плавает, сердце его тоскливо заныло от зависти.

Он глядел издали, как Коля прыгает с вышки, легко крутит двойное сальто, летит ласточкой, и щучкой, и козликом, а вынырнув, плывет к мосткам бурным великолепным кролем.

Потом поднимается по шаткой лесенке, блестящий на солнце, высокий и сильный, как морской бог.

Митька никак не мог отважиться подойти к нему, обожал издали, и только узнав, что Коля тоже приехал из Ленинграда, решился.

Все оказалось просто и не страшно.

Коля протянул ему руку, улыбнулся так, что белые зубы пустили солнечных зайчиков, и сказал:

— Здравствуй, земляк. Меня Коля Прохоров зовут. А тебя?

— Митька.

— Ну и прекрасно. Я видел, как ты плаваешь. Шустрый ты лягушонок. Только почему ты, питерский человек Митька, извиваешься при этом, как змей? Кто тебя учил?

— Никто. Я сам, — тихо ответил Митька.

— Хочешь, я научу тебя плавать по-настоящему? — спросил Коля.

Митька ничего не ответил, только так поглядел, что Коля засмеялся, щелкнул его легонько в лоб и сказал:

— Решено.

Коля учился в институте, и у него был первый разряд по плаванью. А выше уж только мастер спорта!

Так что поучиться у него было чему.

И самое главное — он любил учить, делал это с удовольствием.

В конце лета, перед отъездом, Коля ласково притиснул Митьку к твердому своему горячему боку и серьезно сказал:

— У тебя, Митька, получается, а дальше будет еще лучше. Это уж точно, я знаю. Тебе надо всерьез плаваньем заняться. Приедешь в Питер, позвони. Я обязательно помогу.

Он оставил Митьке номер своего телефона, записанный на спичечном коробке.

И уехал.

А на следующий день случилось ужасное несчастье — бабушка растапливала во дворе летнюю печку — мангал и сожгла коробку.

Митька от горя чуть не заболел.

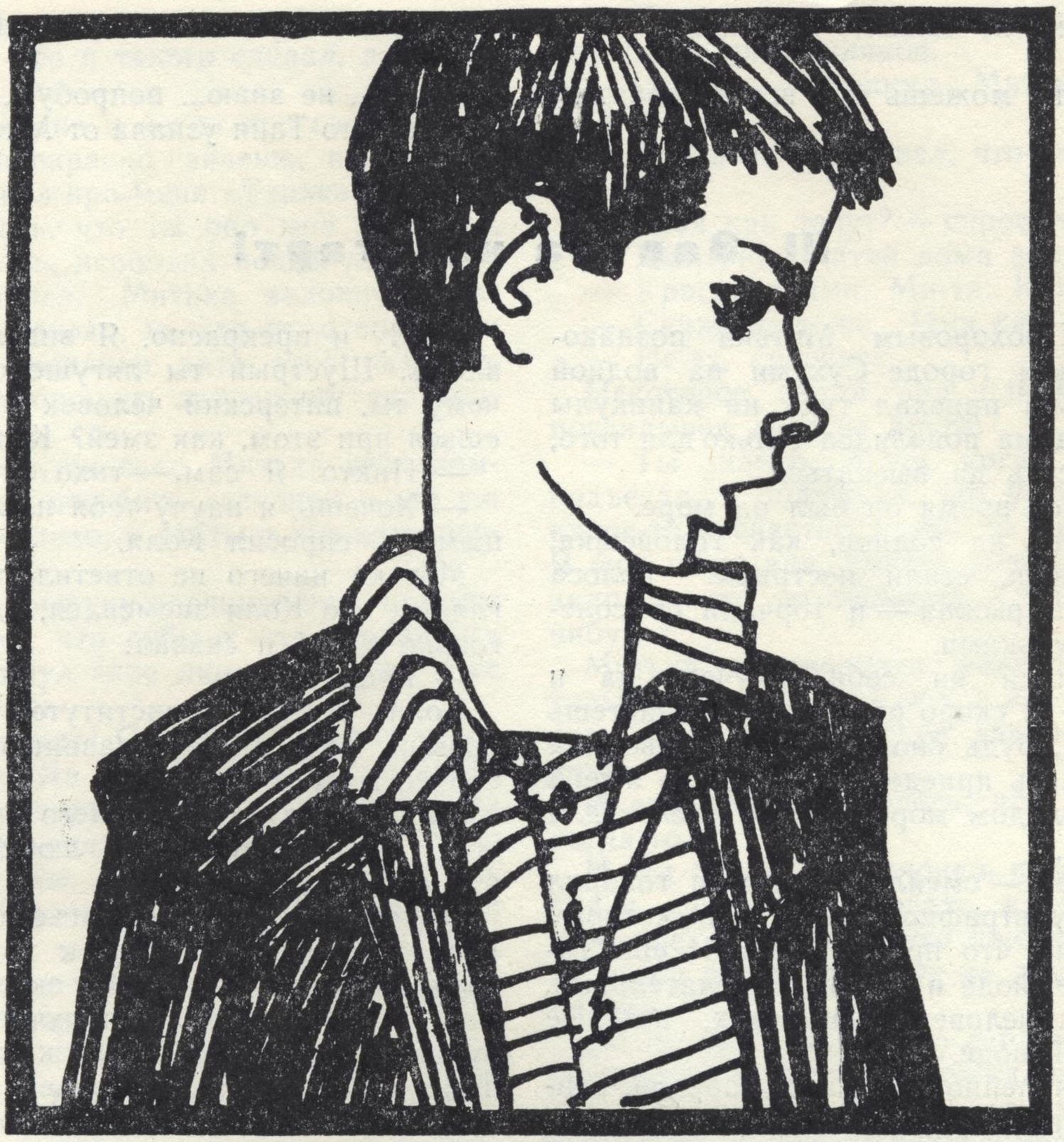
А бабушка глядела, как он убивается, и плакала, и ругала себя всякими словами. А что толку?

— Ну хоть две цифрочки, хоть одну, хоть букву первую ты запомнила? — выпытывал Митька у нее.

А бабушка только горестно разводила руками.

— Внучек, миленький, да увидь я, что на той клятой коробке накарябана какая ни на есть цифирь, может, и не сожгла бы!

Митька и себя терзал, что не взглянул на коробок. Он тогда зажал его накрепко в кулаке и глядел только на Колю. Ужасно ему жалко было, что тот уезжает. Сразу и город, и море, и небо будто выцвели и тоже захотелось домой.

Приехав в Ленинград, Митька пытался отыскать Колю Прохорова.

В телефонной книге значилось сорок три Прохоровых.

Митька позвонил всем. Иногда попадались и Коли, и каждому приходилось долго и подробно объяснять, кто он такой и почему звонит. Но это все были не нужные Митьке Коли, лишние. Его Коли не было.

Он исчез, растворился в многомиллионном городе.

Видно, Коля жил в коммунальной квартире и телефон записан не на его имя.

«Может быть, он вообще уехал из Ленинграда? — уныло думал Митька. — А что? Очень даже просто — окончил институт и укатил. Сейчас все уезжают. На Север или куда-нибудь к верблюдам».

Раз десять Митька приходил в бассейн.

И каждый раз ему говорили, что набор окончен.

А однажды намекнули, что вообще ему уже поздновато начинать заниматься плаваньем. Староват.

Сколько Митька себя помнил, он всегда страстно мечтал поскорее вырасти, а тогда, в бассейне, он впервые пожалел, что ему двенадцать лет, а не десять или даже девять. Так что оставалась единственная надежда — Коля Прохоров.

Потом начались хлопоты с переездом на новую квартиру. Забот разных появилась целая куча, даже о Коле некогда было подумать.

Потом немножко обжились, стало поспокойнее. И вот вчера, перед самым началом учебного года Митька снова пошел в бассейн. Если уж там бывает набор, то когда же, как не в сентябре?

Он поднялся в раздевалку, снял куртку... и нос к носу столкнулся с Колей Прохоровым.

— Митька, ты ли это?! — изумился Коля.

От неожиданности Митька онемел.

Он стоял, опустив руки, и хватал воздух открытым ртом, как рыба на песке.

— Коля... Колечка... — только и смог вымолвить он.

— Что с тобой, Митяй? Тебе нехорошо? — забеспокоился Коля.

Митька вцепился в него изо всех сил, еще не до конца веря, что это живой человек Коля Прохоров, а не привидение, которое сейчас возьмет и вдруг растает, испарится.

— Мне так хорошо, что и сказать нельзя, — прошептал он и вдруг попросил, — только не исчезай.

— Куда? — Коля огляделся.

— Ну, в это... в воздух... Не растаивай, пожалуйста...

Коля осторожно пощупал Митькин лоб, покачал головой.

— Ты почему не звонил? — спросил он.

— Сорок три.

— Что сорок три?

— Сорок три раза звонил.

Коля опять потрогал Митькину голову. Уже серьезно.

Пришлось все ему рассказать.

Коля слушал и хмурился.

— Значит, говорят, поздно? — спросил он зловещим голосом. — Ну, это я еще выясню, кто пацанов таким способом отшивает. А сейчас пошли!

Дальше все было нереально. Митька куда-то шел по винтовым, закрученным в узкую спираль лестницам, что-то говорил, что-то отвечал, — все, как во сне.

И только один разговор запомнился ему ярко и четко: седой сутулый человек в легком белом костюме и резиновых шлепанцах положил ему на плечо длинную загорелую руку и спросил:

— Так, значит, ты уже занимался плаваньем, не новичок. И на время, разумеется, плавал?

«Вот оно, — подумал Митька и весь съе-

жился, — теперь и не примут, узнают, что не плавал, и не примут, попрут как миленького».

Сердце у него упало. Он поглядел в темные, удивительно молодые на морщинистом лице глаза тренера, и губы сами по себе прошептали:

— Плавал.

— За сколько же ты сотку ходишь?

Перед Митькиными глазами мгновенно встала выученная давно на зубок доска с таблицами, висевшая в вестибюле бассейна. Справа — таблица рекордов, слева написано, за какое время надо проплыть разные дистанции на первый, второй, третий разряды.

— Одна минута семнадцать секунд, — сказал Митька и тут же ужаснулся своему неслыханному нахальству — это время было лучше третьего разряда для взрослых.

Но было уже поздно, сказанного не воротишь. Тут уж или признаваться, каяться, или гнуть свое.

— Ну? Молодец! — сказал тренер. — Тогда зачислим тебя в группу разрядников.

Коля подозрительно поглядел на Митькины полыхающие огнем уши и незаметно ущипнул его за руку.

А тренер продолжал:

— Послезавтра у нас соревнования на первенство гороно. Открытие сезона. Будешь выступать.

— Он же больше месяца не тренировался, Анатолий Иваныч. И вообще... так сразу... — запротестовал Коля.

— Ничего страшного. Как проплывет — так и ладно. Если за одну семнадцать ходил, то в третий-то разряд уложится всяко, — ответил тренер, — а у меня в команде младших мальчиков человека не хватает, баранку поставят. Так что лучше уж какой ни на есть результат, чем никакого. Ты меня, братец, прямо скажем, выручил. Не забудь справку от врача.

И он пританцовывающей походкой ушел по своим важным тренерским делам.

По улице шли молча. Потом Коля сказал:

— Ну, гляди, Митька! Я за тебя поручился. Теперь хоть лопни, а слово держи. Приду за тебя болеть.

Коля вскочил на трамвай и укатил.

IV. Еще посмотрим, какой я трус!

Митька замолчал и огляделся — он даже не заметил, когда начался дождь. Все вокруг стало расплывчатым, белесым.

Таня поеживалась, видно, ей было холодно.

«Вот, заговорил человека до смерти, болтун, — подумал Митька, — может, ей все это вовсе и не интересно, может, она только из вежливости слушала, не перебивала. Конечно, из вежливости. Больно ей надо...»

— Я тоже, — тихо сказала вдруг Таня.

— Что тоже? — не понял Митька.

— Тоже обязательно-обязательно приду за тебя болеть.

Митька испугался.

— Что ты! Что ты! Не надо, очень тебя прошу, а вдруг... Не надо!

— Нет, приду, — Таня даже ногой топнула. — И ты обязательно всех победишь, вот увидишь.

— Гадалка ты, что ли, — пробормотал Митька.

— А у меня бабка колдунья, — Таня засмеялась, — и я тоже колдовать могу. Приду и наколдую тебе, вот увидишь. Сейчас пойду и узнаю у бабки специальное такое колдовство, чемпионское.

— Да, тебе-то, конечно, смешно, а мне вот... А что, если взять и не пойти, а? Точно! Заболел, скажу. А уж потом, когда потренируюсь, тогда пожалуйста. А то пришел человек, а его — раз! и сразу в котел с кипятком, сразу на это... на гороно аж? Ведь правильно я говорю? Ведь верно ведь?..

Митька вдруг до того испугался, что ему и вообще-то плаваньем заниматься расхотелось.

Вот ведь — даже дома ничего не сказал, а тут этой посторонней почти девчонке взял и все выложил. Теперь придет, увидит... Потом в школе позору не оберешься, сама же всем раззвонит.

Митька в этот момент ужасно раскаивался в своей откровенности и почти ненавидел Таню за то, что она на эту откровенность подтолкнула.

Потом он немножко опомнился.

«При чем здесь она, — подумал он. — Она меня за язык не тянула, сам все растрепал. Эх! Неужели же я трус?! Врун да еще и трус! Вот это да!»

Он даже растерялся. Поднял глаза на Таню. Она глядела ему прямо в лицо.

— Если ты сделаешь это, Митька, я тебя

на всю жизнь запрезираю как последнего труса, — сказала она, — и ты сам себя презирать станешь. Ерундовая у тебя сделается жизнь, Митька.

— Ладно, — буркнул Митька, — посмотрим еще, какой я трус.

Он повернулся и почти побежал от нее куда глаза глядят.

V. На старт!

Удрать бы!

Митька встал со стартовой тумбочки, сделал несколько шагов к двери с табличкой «Душевая» (из бассейна можно выйти только через душевую), но тут же стремительно вернулся и снова сел, обняв острые коленки.

Он поглядел на трех своих соперников.

Они спокойны и уверенны.

Трое ладных загорелых мальчишек в одинаковых шерстяных трусиках с белыми поясками — форма.

Митька стыдливо подтянул свои сатиновые широкие трусы, такие неспортивные, нелепые здесь, в бассейне, и залился краской.

Это было просто ужасно, что он, как оказалось, забыл в предотъездной суете свои плавки на старой квартире. Вчера весь дом перерыл и не нашел.

Когда в микрофон объявили фамилии участников очередного заплыва и Митька, с замирающим сердцем, подошел к своей крайней слева тумбочке, на трибунах захихикали.

А трое мальчишек презрительно оглядели его и отвернулись. А один, кажется, даже фыркнул.

И Митька почувствовал себя таким несчастным, смешным, неуклюжим, что чуть не заплакал.

Трусики висели нелепыми складками почти до колен, и ноги от этого казались тонкими и голенастыми.

Митька присел на тумбочку и застыл.

Он поднял голову к трибунам. Незнакомые мальчики, девочки смеются, размахивают руками, кричат.

Вдруг его как током дернуло — Таня, а рядом... О! Уж он ей это припомнит! — рядом Надька Королева!

И тоже смеются, о чем-то болтают, как ни в чем не бывало.

«Им-то что, — тоскливо подумал Митька, — ишь, смеются!»

Его колотила нервная дрожь.

Митька еще не знал, что так всегда бывает перед стартом. И даже взрослые, опытные спортсмены, будь они чемпионы-расчемпионы, тоже боятся. Все. Всегда. Перед любыми соревнованиями.

Этому состоянию и название подходящее есть — предстартовая лихорадка.

Четверка пловцов делала последний поворот. Последние двадцать пять метров. Они приближались, а с ними вместе приближалось неотвратимое мгновение, когда Митьке надо будет встать на тумбочке и застыть перед десятками оценивающих чужих глаз — одних равнодушных, других враждебных, и только одна пара глаз, Митька знал это точно, дружеская.

Одна только Таня болеет за него всей душой, желает, чтоб он победил или хотя бы был не хуже других.

«Ну уж, фиг — «не хуже»! Она-то уж точно только за победу. Чудачка! Видит же, с какими ребятами тягаться надо! Хоть это оправдание. А все-таки здорово, что она пришла, просто здорово. Скорее бы, скорее!» — мысли Митькины скакали, путаясь. Он почувствовал вдруг тягостную слабость в ногах.

«Что это?! — с ужасом подумал Митька. — А вдруг я встать не смогу?»

Он снова взглянул на трибуны и увидел Колю Прохорова.

Еще один друг.

Коля кивнул, поднял над головой сжатые ладони.

Митька улыбнулся ему бледной вымученной улыбкой и отвернулся.

В это время репродуктор ожил и произнес железным голосом четкие угловатые слова:

— Приготовиться участникам следующего заплыва.

Трое мальчишек почти одновременно поднялись на стартовых тумбочках. Митька чуть помедлил, но сделал то же.

— Внимание! — прогремел репродуктор.

Митька присел на полусогнутых ногах, откинул руки назад и застыл.

И в это мгновение вдруг совершенно успокоился. Он почувствовал, как напряженное тело наливается упругой силой, становится легким и послушным.

— Скорее! Ну же! Скорее! — Митька шептал так громко, что ближний к нему мальчишка даже повернул голову.

— Марш!!! — рявкнул репродуктор.

Митька сорвался с места, врезался в воду и, еще не вынырнув, под водой, бешено заработал ногами. Так учил его Коля. Потом по-

датливая вода расступилась и Митька изо всех сил рванулся вперед.

Конечно, будь он хоть чуточку поопытнее, он бы знал, что силы надо уметь распределять, что их может не хватить, но Митьке и в голову не приходили мысли ни о каких распределениях. Вперед! Изо всех сил!

Еще издали он увидел стремительно приближающуюся стенку бассейна и выставил руку.

Поворот!

И снова вперед, вперед, вперед!

Но вдруг Митька почувствовал беспокойство.

Ему показалось, что он один в бассейне.

«Что случилось? А вдруг я раньше времени сорвался со старта? Это называется фальстарт. Что же делать-то?»

И тут он, к неописуемому удивлению и негодованию тренера и публики, остановился и обернулся назад.

Трое других, ровно, голова к голове, только подходили к первому повороту.

Митьку оглушил шум. Трибуны ревели, визжали. Он заметил на бортике тренера. Он тряс поднятыми руками.

«Обогнал!» — изумился Митька, поглядел вперед на пустынные гладкие дорожки и сорвался с места.

Второй поворот... Третий...

И тут на последних финишных метрах произошло что-то странное.

Еще недавно такая податливая, послушная вода стала густой и вязкой. Как смола облепила тело.

А в желудке вдруг стало жечь, будто огнем. Митька еще чаще, сильнее замолотил руками и ногами, но ему показалось, что он совсем не двигается с места.

Он уже слышал шум всплесков справа. Но поглядеть туда не мог — он дышал под левую руку и плыл по крайней дорожке. «Догоняют. Все, — подумал Митька. — Я больше не могу».

Он из последних сил заработал руками, глотнул вместо воздуха воду, закашлялся. И в тот миг, когда он готов был остановиться,

задыхающийся, ослепленный усталостью, рука его коснулась стенки бассейна.

Финиш!

Ноги его дрожали. Митька прислонился плечом к гладкой зеленой стенке и закрыл глаза.

На трибунах орали, хлопали, топали ногами.

«Чего это они? — подумал Митька. — Я же доплыл. Доплыл ведь, а? Я же первым доплыл!»

Кто-то тронул его за плечо. Митька поднял голову и увидел тренера.

Тот стоял на коленях на бортике бассейна, перегнувшись к Митьке.

— Ты чего остановился, чудак? Секунды две потерял.

— Думал, фальстарт. Какое время? — спросил Митька и весь напрягся, ждал.

— Нормально. Одна минута шестнадцать и две десятые секунды.

Митька подпрыгнул в воде, что-то заорал непонятное и ликующее и вдруг встал вниз головой, только ноги торчали над водой.

— Вот чудак-парень, — тренер покачал головой.

Митька взлетел по лесенке на бортик, смешно подтянул мокрые трусики, шмыгнул носом.

На трибунах засмеялись, но Митька не обиделся. Он сам засмеялся.

Тоже делов-то — трусы! Велика важность, не в трусах дело.

Он поднял голову и улыбнулся. Всем — Тане, Коле Прохорову, Надьке, всем-всем.

Пусть себе смеются. Они не обидно смеются, а как надо, с понятием.

VI. Испытатель

Прошло два месяца.

Митька ходил в бассейн через день.

Он уже носил на куртке такой значок: бегун на синем поле, а внизу цифра II. Значок второго спортивного разряда.

Ни у одного пятиклассника в школе не было такого значка. Второй взрослый разряд — это вам не кот начихал.

Только у очень немногих старшеклассников были такие.

Теперь ему смешно было вспоминать и свои терзания и свои нелепые трусы на первом соревновании.

Мама купила ему прекрасные японские плавки — полосатые, просто загляденье. И Митька уже почти не выделялся среди ребят своей группы.

Почти, — потому что он был все-таки помладше других и самый на вид щуплый, даже нельзя сказать — щуплый, а просто потощее других.

Анатолий Иванович смеялся, говорил, что Митька еще не успел накопить мяса, а о жире и говорить нечего — кости, туго обтянутые кожей, да под ней витые веревки мышц, шмыгают, как юркие мыши.

Вообще-то по сложению своему Митьке полагалось бы плавать брассом.

Почему-то так уж получалось — тощие и длинные — брассисты, а поплотнее, пообтекаемей — кролисты.

Но Анатолий Иванович говорил, что нет правил без исключений и еще, что у Митьки талант от бога.

Он, конечно, не Митьке это говорил, а какому-то незнакомому пожилому дядьке, который пришел как-то на тренировку и внимательно разглядывал всех цепкими, колючими глазами. Неприступный такой дядька. Толстый — настоящая глыба-неулыба.

А потом их построили, и этот дядька подходил к некоторым и бесцеремонно ощупывал, оглядывал. Митьку тоже ощупывал. Больно ухватил его за плечо, помял, потом ткнул жестким пальцем в живот и хмыкнул.

«Во дает! — неприязненно подумал Митька. — Будто коней покупает, только что в зубы не глядит».

Митька видел, что и Анатолию Ивановичу это не больно-то приятно, он чуть заметно морщился, но не возражал — видно, дядька этот был каким-то плавательным начальством.

Потом тренер и начальство отошли и о чем-то долго говорили, и вот тогда-то Митька — уши топориком — и услышал про талант от бога.

Дядька чуть-чуть скривился и ответил:

— Тощ уж больно твой талант.

Анатолий Иванович рассмеялся.

— Были бы кости, мясо нарастет. Возраст у парня такой — так и тянется к солнышку. Что твой бамбук.

Потом они отошли дальше, и как Митька ни старался, ничего больше не услышал.

Но и того, что он слышал, было достаточно: Митька изо всех сил старался сдержать себя, не показать другим, что его просто распирает от гордости.

После прихода этого важного дядьки группу разделили.

Митьку и еще шестерых продолжал тренировать Анатолий Иванович, а остальных — новый тренер, молодой парень.

И Митька сразу почувствовал перемены. На семерых им дали целый бассейн, четыре дорожки, а раньше всей группой тренировались на двух.

И нагрузки заметно возросли — плавать стали больше: и с доской. и одними руками, и просто так, и на время чаще.

Сперва Митька радовался этому — он вообще готов был не вылезать из бассейна хоть целый день.

Но через некоторое время, недели через три, что-то случилось.

Он стал выходить из воды вялым и нерадостным.

Если раньше он приходил домой и набрасывался на еду, к великому маминому удовольствию, как молодой волк, то теперь есть вообще не хотелось, а хотелось сразу лечь спать.

Митька чувствовал себя очень усталым, но изо всех сил старался не показывать этого, старался не отставать от других.

Он уже не с таким удовольствием, как прежде, прыгал в воду, а даже с какой-то робостью. Но когда, как обычно после тренировки, Анатолий Иванович спрашивал каждого про самочувствие, Митька старательно улыбался и говорил — прекрасно.

Первой это Митькино состояние заметила Таня. Она часто приходила в бассейн поглядеть на Митькины тренировки, садилась наверху, на трибунах и глядела, а потом они вместе шли гулять.

— Ты, Митька, как дельфин, блестящий такой и фыркаешь, как дельфин, я их с парохода видела, когда мы с папой из Одессы в Батуми плыли. Я и сейчас, когда сижу на трибунах, часто думаю, будто я снова на пароходе, а вы там внизу — дельфины. И знаешь, так иногда здорово забываешься, кажется, будто все по правде, даже хочется кинуть вам кусок булки.

Таня смеялась, и Митька тоже смеялся — ему было приятно.

Ребята спрашивали — что за девчонка сидит? Сестра?

— Ага, сестра, — отвечал Митька, и ему с Таней очень нравилась эта выдумка.

Один раз он даже чуть не дал по шее Свирину, семикласснику, который решил проводить Таню домой и даже в кино приглашал.

Митька тогда сам удивился тому, как рассвирепел, будто Таня и вправду его сестра. Свирин даже обиделся:

— Что я ее съем, что ли, — говорил он, — просто лишний билетик есть.

— Вот и пригласил бы меня, — ехидно ответил Митька.

— Еще чего! Ишь, гусь лапчатый! — оскорбился Свирин.

И вот теперь Таня внимательно оглядела скучного Митьку и спросила:

— Слушай, ты какой-то странный стал. Ты, Митька, не заболел ли?

— Да нет, — нехотя ответил Митька, — сам не знаю. Чего-то спать все время охота, даже в воду лезть не хочется.

— Ну да?! — Таня так удивилась, что даже споткнулась. — Тебя же из воды за уши не вытащишь! Нет, ты, наверное, заболел.

— Не заболел я! Вчера медосмотр был. Просто... просто я здорово устал, Танюха, — выдавил из себя Митька. И вдруг его прорвало, он заговорил торопливо и горячо. — Понимаешь, что-то со мной случилось, будто это не я, коленки, как тряпочные. Ты знаешь,— он понизил голос. — я даже боюсь в воду лезть. Что-то со мной случилось, сам не понимаю.

— Митька, ты должен сказать Анатолию Ивановичу, — твердо сказала Таня.

— Ты что?! — испугался Митька. — Хочешь, чтобы меня из бассейна поперли? Во дает — Анатолию скажи!

— Митька, чудак, ты же плавать не сможешь! Чем дальше, тем больше будешь уставать. А что тогда на соревнованиях будет? Обязательно скажи!

—Еще чего! Как-нибудь само пройдет. Не буду я ничего говорить.

— Тогда я скажу!

— Да ты... да ты... — Митька задохнулся от злости, — только попробуй!

— А что будет? — спросила Таня, и глаза у нее настороженно сузились. — Поколотишь?

— А что? За такое и по шее можно дать. Какое твое дело?

—А я думала, мы друзья, — тихо сказала Таня и пошла от Митьки прочь.

Митька догнал ее, тронул за рукав.

—Ну, не сердись, — сказал он, — конечно же, мы друзья. Только... только я боюсь.

А через день посреди тренировки раздался свисток, Анатолий Иванович велел выйти Митьке из воды, поманил его к себе пальцем.

Тренер даже побледнел от гнева.

— Ты что же это, Линев? — тихо спросил он. — Что же ты меня обманываешь? Думаешь, я тебя просто так каждый день спрашиваю о самочувствии? Ты хочешь и себя и хорошее дело угробить?

— Какое дело? — растерянно спросил Митька.

— А такое — проверяется новый метод тренировки. Ты его проверяешь. Ты вроде испытателя, а врешь. Представляешь, если бы летчик-испытатель врать начал? Сколько бы потом пилотов угробилось на его самолете?

— Да я ничего... Я ведь не знал.

— «Ничего»! Ты погляди на себя — губы серые! Ешь плохо?

— Плохо, — сознался Митька.

— Плавать расхотелось? В сон клонит? — продолжал расспрашивать тренер.

Митька пожал плечами и отвернулся.

«Выгонят», — обреченно и как-то равнодушно подумал он.

— Все ясно! Две недели к бассейну близко не подходить! — Анатолий Иванович нахмурился, помолчал. — Может быть, придется тебя с соревнований снять, — задумчиво сказал он и добавил: — А жаль.

— Как же так, — вяло запротестовал Митька, — столько тренировался... Что же теперь делать?

— Сам виноват. Сказал бы раньше, другой бы режим тренировок получил, все было б в порядке. А теперь гуляй. Что делать? Да мало ли что — на лыжах катайся, на каток ходи. Только в бассейн — ни-ни. А потом поглядим.

Голос у Анатолия Ивановича был уже помягче, но... все равно это было очень плохо. Митька долго-долго одевался. Непривычно было сидеть одному в пустой раздевалке. «Предательница, — думал он, — вот свяжись с девчонкой. Все они предательницы».

Митьке хотелось разозлиться на Таню, он распалял себя всякими словами, но... почему-то разозлиться по-настоящему никак не удавалось.

Он вышел из бассейна, побрел домой.

«Все равно разговаривать не буду, — подумал он и тут же засомневался, — а может, не стоит? Может, она правильно сделала?»

Он постоял немного, потом махнул рукой.

— А, ладно! Поглядим! Ну их всех. Я спать хочу.

Окончание следует

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПРИ ВФДМ)

МОЯ БУДУЩАЯ ПРОФЕССИЯ

На обращение СИМЕА принять участие в конкурсе (опубликованное в «Костре» № 6 1969 года) откликнулось более двухсот человек. И главным образом девочки, мальчиков всего двадцать человек. Ребята назвали 25 профессий, которые им по душе.

Ира Лазарева из Якутии видит себя геодезистом. «Ведь приходишь туда, где не ступала еще нога человека, где все против тебя: и тайга, и ветер, и скалы!» А через несколько лет здесь может вырасти новый город.

Надя Горская из Старого Оскола намерена стать физиком и «создать микросолнце, которое устремило бы свои лучи к Антарктиде, к ее величавым льдам, и там, где сейчас вечная мерзлота, зацвели бы сады и стали жить люди».

Для Тани Романий из Бобруйска «самое большое и светлое — книги». Она хочет работать библиотекарем.

Лену Пономареву привлекает история, потому что эта наука тесно связана с борьбой за мир.

Володя Пушкарев из села Целинное Алтайского края готовится стать пограничником. Он обучил свою овчарку «разным приемам, которые необходимы на границе».

Надя Колтышева из Березовского будет печатником. Ведь «без газет, книг и журналов мы даже не знали бы, что делается на земном шаре».

Наташа Шевчук из села Ново-Крупское Краснодарского края мысленно уже водит межпланетный автобус «Земля — Марс». Она нажимает кнопку, и необычный автобус с детьми, стариками и взрослыми «летит среди звезд и космических животных».

Надя Черных из Приморского края мечтает разводить пушных зверей, «чтобы все дети и взрослые ходили бы в меховых шубках и шапочках с соболиными воротниками».

Люда Фельдшер — будущий садовод — постарается приблизить время, когда «наша Земля превратится в цветущий сад».

Таня Погорелова из Каховки выбрала «самую мирную и очень важную в жизни страны профессию связиста».

Коля Пиянзин как будущий шофер, а Саша Шапиро как журналист хотят помочь борьбе вьетнамского народа.

Воспитывать, передавать свои знания мечтают многие.

Дина Кумак из села Кузьминцы хочет научить ребят «любить голубое небо и солнце, каждую былинку, цветы, деревья, землю».

Лена Жакова из Тимашевска думает украсить жизнь людей музыкой, научить их понимать прекрасное.

«Любить мир, музыку, живопись, учить любить и ненавидеть», так понимает призвание педагога Аня Мамонтова из поселка Голышмаково.

Около четверти всех участников конкурса — будущие педагоги, вторая большая группа собирается посвятить себя медицине.

Есть и такие, кто еще не выбрал своего пути в жизни. Одна девочка колеблется — то ли стать геологом, то ли балериной. Что ж, у нее еще есть время для раздумий.

Наконец, есть и такие, кому неясно, в какой области они будут работать. Но все — без исключения — думают о такой будущей профессии, которая принесет людям радость и пользу. А это самое главное.

— Конец года, пора сообщать ребятам ответы на вопросы, — решили капитан Быстроходов и боцман Румпель, посмотрев на календарь.

— А вот кто занял первые места, писать подождем, — сказал боцман. — Придут все письма, и мы в декабрьском номере...

— Ни в коем случае! — возразил капитан. — Разве вы забыли: в новогоднем номере заканчивается наша приключенческая повесть, и по ней мы будем ждать ответов морских знатоков. Ведь повесть с секретом!

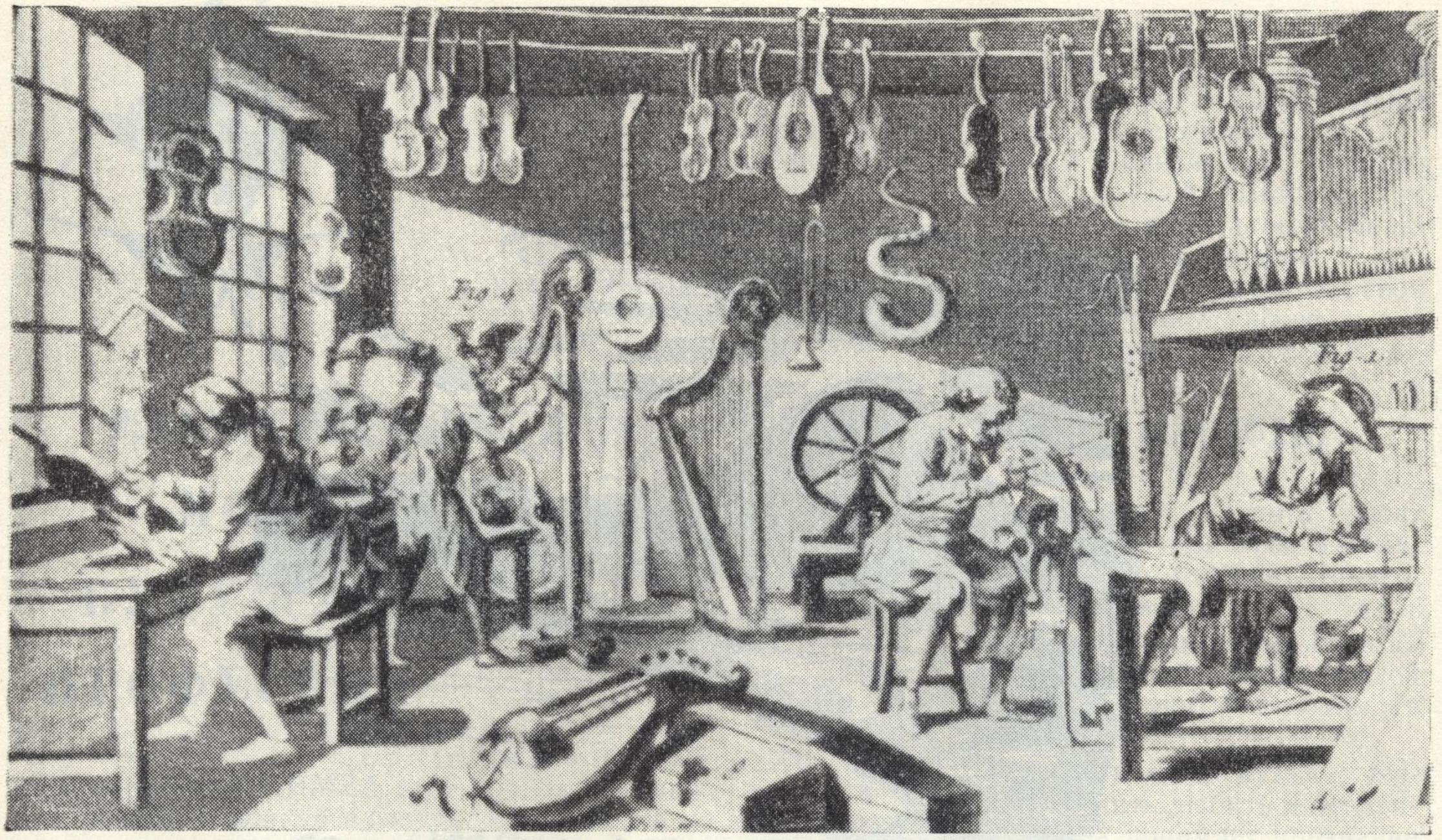

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Владимир Орлов

Догорела вдали
Заря.
Отдыхайте, мои
Моря.
Засыпайте
В зеленой чаше,
Я разглажу
Морщины ваши.
Спите, горы мои,
В тиши —
И большие
И малыши.
Я до вас дотянусь
Руками,
Я укрою вас
Облаками.
Отдыхайте,
Мои ветра.
Вам в дорогу
Лететь с утра.
Постелю я вам
В чистых травах,
Убаюкаю вас
В дубравах.
Предрассветной
Росой звеня,
Спит земля моя,
Спит земля.
Спят поля мои
И деревья,
Города мои
И деревни.
Стала сонной
Речная речь...
Значит, можно
И мне прилечь.

Гравюра В. Андреева

„Мастерская музыкальных инструментов". С французской гравюры XVIII века.

О МУЗЫКЕ „ЛЕГКОЙ" И О МУЗЫКЕ „СЕРЬЕЗНОЙ"

Дмитрий Кабалевский

Глава из книги

ДВЕ ОШИБКИ

Мы очень привыкли к этим словам — «легкая» и «серьезная» музыка. А попробуйте-ка ответить, что такое легкая музыка и что такое музыка серьезная? Думаю, что это не так уж просто вам удастся. А может быть, и вовсе не удастся. Но вы не смущайтесь — это в самом деле не простой вопрос.

Музыка, литература и все другие искусства неотделимы от жизни человека, являются

„Мальчик, играющий на двойной флейте". Роспись на древнегреческой вазе. VI век до н. э.

МУЗЫКА И ВЫ

«Прощайте, годы детские, прощай, родная мать! Мы, школьники советские, уходим воевать», — поют на сцене герои оперы «Семья Тараса». Эту оперу написал Дмитрий Борисович Кабалевский.

И сюиту про веселых комедиантов написал тоже он. Помните? На площадь старинного городка въезжает пестро раскрашенный фургон, и звучит из него зазывное: «Придите и послушайте комедиантов смех, и наши злые шуточки — да! — шуто-шуто-шуточки порадуют вас всех!»

А под задумчивый и чуть грустный вальс Кабалевского «Школьные годы» вы не раз, конечно, кружились на ваших праздничных вечерах.

Дмитрий Борисович — автор нескольких опер и симфоний, множества иных музыкальных сочинений, и о каждом можно разговаривать много и долго. Но я хочу сказать о другом.

Несколько лет назад Кабалевский приезжал в Ленинград. Я позвонила ему:

— Здравствуйте, Дмитрий Борисович! Пожалуйста, расскажите ленинградским ребятам по радио о том, как вы писали артековские песни!

Надо сказать, что эти песни тогда только вышли из печати и детские хоры и ансамбли их часто пели.

Кабалевский тотчас согласился. Он пришел в радиостудию и сел к микрофону.

Он говорил о том, что композитор, который хоть раз побывал в Артеке, никогда не будет писать непонятной, заумной музыки. Рассказывал, как малыши позавидовали: «У старших есть «Лагерь дружбы», а мы без песни!» — и пришлось специально для них сочинить задорную польку. Вспоминал, как была написана колыбельная «Спокойной ночи» — чтобы артековцы быстрей засыпали.

А когда он закончил свое выступление, оказалось, что магнитофон-то не включен! Его забыли включить — до того все техники, операторы, звукорежиссеры заслушались!

Случай редчайший на радио и не очень веселый — ведь из-за нас Дмитрию Борисовичу пришлось повторять все сначала. Но как угодно, а я не могу строго судить своих коллег: такой уж это удивительный у Кабалевского дар — дар рассказчика.

Говорит он просто, а за словами будто звучит сама музыка. И оркестр, и рояль, и скрипка. И сложные музыкальные премудрости вдруг становятся совсем простыми и понятными.

Заветная мечта Кабалевского — сделать всех ребят музыкально образованными, научить их любить и понимать серьезную музыку. Вот почему там, где сочетаются слова «дети» и «музыка», всегда рядом стоит имя Кабалевского.

Обсуждает ли Всесоюзный съезд композиторов вопрос о музыкальном образовании школьников, — Дмитрий Борисович выступает с горячей, яркой речью.

Появился ли новый детский хоровой коллектив, — Кабалевский поддержит его своим советом.

Нужен ли детям музыкальный театр, — «конечно же, непременно нужен», — говорит Дмитрий Борисович и помогает его организовать.

В этом году тридцатого декабря Кабалевскому исполняется шестьдесят пять лет. Его радиобеседы о музыке слушают миллионы — а теперь вот эти беседы пришли и на страницы «Костра». И это замечательно!

Светлана Тихая, музыковед

важной ее частью. Поэтому в искусстве отражается все, абсолютно все, чем живет человек. И не только один человек, а целые народы и даже все человечество. Нет в настоящем искусстве ничего, что не было бы так или иначе связано с человеком, с его жизнью. И нет в жизни человека ничего, что не нашло бы своего отражения в искусстве.

А из чего состоит человеческая жизнь? Что в ней главное — «серьезное» или «легкое»? Ну, конечно, «серьезное»: неустанный труд, увлеченные занятия, большие мысли и глубокие чувства, верная дружба и чистая любовь, большая радость и такие же большие печали, события, вторгающиеся в жизнь человека, и события, потрясающие весь земной шар, борьба за свободу и справедливость, борьба за счастье, борьба за мир... Вот это все и служит источником большого, серьезного искусства, становится его содержанием, его смыслом.

Но ведь есть в жизни человека и другая сторона. Есть улыбка и смех, шутка и веселье, есть отдых и развлечения. Тут-то и возникает легкое искусство: юмористические рисунки и карикатуры, забавные рассказы и веселые стихи, развлекательные кинофильмы и эстрадные представления...

Возникает тут и легкая музыка.

Музыка оказывается нашим незаменимым другом, когда мы хотим развлечься после утомивших нас дел, повеселиться, собравшись на вечер в школе, в клубе или просто дома на дружеской вечеринке. Без музыки мы не можем ни потанцевать, ни попеть. Музыка создает особо праздничную атмосферу зимой на катке, летом на спортивной площадке, в пионерском или в туристском лагере.

Но всякая ли музыка окажется здесь на месте? Конечно, не всякая — это ясно каждому.

Вот захотелось потанцевать — для этого нужна специальная «танцевальная» музыка. Тут нам ни Бах, ни Бетховен не помогут. Не помогут и Глин-

„Волынщик". С гравюры А. Дюрера. XVI век

ка с Чайковским, как бы мы ни любили их музыку, как бы ни восхищались ею. В балетных и оперных спектаклях на эту музыку ставятся прекрасные танцы, но это ведь совсем не те танцы, которые мы с вами сегодня танцуем.

А в туристском походе захотелось спеть песню — в любом походе, даже на простой прогулке всем всегда почему-то петь хочется! — тут тоже ни Моцарт, ни Мусоргский не помогут. Нужны какие-то особые, свои, туристские песни. И они обязательно должны быть легкими, чтоб в пути легко пелись, и обязательно современными, чтобы каждое слово было понятным, сегодняшним, чтобы мелодия тоже дышала нашим временем.

Нужна легкая музыка и в цирке. Здесь она должна быть жизнерадостной, молодой и упругой, как упруго, молодо и жизнерадостно само цирковое искусство. Нужна легкая музыка и в любом эстрадном концерте, — без нее окажутся скучными самые блестящие номера эстрадного искусства.

Наше время создало даже совсем новую область легкой музыки — джаз. Выйдя из недр народной негритянской песенности, джаз уже оторвался от своего первоначального народного истока и в разных странах мира стал приобретать свою особую национальную окраску. Джаз подчинил себе почти всю область легкой танцевальной музыки. Впрочем, этим он не ограничивается. Подобно тому, как в свое время музыка вальса из танцевального зала вторглась на концертную эстраду, превратившись одновременно из легкой танцевальной музыки в серьезную симфоническую, так сегодня джаз пытается, и иногда не безуспешно, занять положение в качестве серьезной музыки в концертных программах. Будущее покажет, насколько эти попытки окажутся плодотворными.

Из легкой музыки вырастает, наконец, и высшая, самая богатая и развитая ее форма — оперетта. Ведь главное в оперетте, ее «душу» и составляет обязательно легкая, обязательно веселая и жизнерадостная музыка!

Вот видите, как много причин, объясняющих широкое распространение легкой музыки! Но есть здесь еще причина, и мне очень хочется, чтобы вы серьезно над ней задумались. Эта причина премного способствует тому, что легкая, развлекательная музыка распространяется гораздо шире, чем, если так можно выразиться, она имеет на это право. Причина эта заключается в том, что, отражая «легкие» стороны нашей жизни, причем отражая их в самой легкой, общедоступной

„Музыкантша". Гравюра Ф. Буше по рисунку А. Ватто. XVIII век

форме, она далеко не всегда содержит в себе большие мысли и глубокие чувства.

Следовательно, и для того, чтобы воспринять, усвоить такую музыку, от нас чаще всего не требуется ни напряжения мысли, ни напряжения душевных сил. «Развлекательность», «ритмичность», «внешняя красивость», «легкость» (а по сути — облегченность чувств и мыслей) — вот основные качества этой музыки, которую легко слушает, легко поет и под которую легко танцует любой, даже совсем музыкально неопытный, не просвещенный человек.

В этом, конечно, заключено и большое, неоспоримое достоинство легкой музыки — ее широчайшая доступность. Но не зря говорит народная мудрость: недостаток есть продолжение достоинства. И многие люди, встречаясь с легкой музыкой чуть ни на каждом шагу, начинают думать, что это-то и есть самое главное и самое лучшее в музыке. И привыкнув к этой мысли, начинают противиться всякой другой музыке, в слепоте своей и не догадываясь, что эта «всякая другая» музыка и есть настоящее музыкальное искусство!

Как же избежать этой пагубной ошибки? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, попробуем подойти к нему с другой стороны. Ведь встречается иногда и другая ошибка, другая крайность, когда человек очень любящий серьезное, великое музыкальное искусство, пренебрежительно относится к легкой музыке и даже иной раз вовсе ее отрицает. Это тоже плохо, потому что всякая односторонность, всякая ограниченность обедняет человека, его духовный мир.

Такая крайность встречается, правда, редко, потому что человек, знающий и любящий серьезную музыку, как правило, понимает толк и в музыке легкой, развлекательной.

Сегодня утром, когда я писал эту главу, мне принесли свежую почту. В одном из конвертов музыкальный руководитель пионерского лагеря «Орленок» переслал мне несколько писем, которые получил от пионеров, побывавших летом в «Орленке» и слушавших там его беседы о музыке.

Передо мной письмо, написанное пионеркой Людмилой Ш. из города Рославля Смоленской области. Словно знала она, что я сижу сейчас над самой трудной главой своей книжки, и решила помочь мне, поддержать веру в своих будущих читателей. Вот посмотрите, что она пишет: «Сейчас я часто спорю с нашими ребятами о музыке. Стараюсь доказать им, что надо любить классическую музыку, что она дает гораздо больше человеку, чем эстрадные песни и джаз. Но все равно человек должен слушать и то, и другое. Ведь он должен и веселиться, а то слишком скучно будет в мире».

Молодец Людмила! Очень хорошо, очень верно написала!

Окончание следует

КТО КУПИТ ТЕДА БРЕЙДЕНА?

ТАКОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕ ПОЯВЛЯЛОСЬ, НО ОНО ВПОЛНЕ МОГЛО ПОЯВИТЬСЯ

„Ищет работу: солдат с 14-летним стажем, полностью сохранивший боеспособность. **Отличный парашютист** (911 прыжков, из них 695 затяжных). **СПЕЦИАЛИСТ ПО ДИВЕРСИЯМ,** поджогам, террористическим актам. Имеет **БОГАТЫЙ ОПЫТ ВОЙНЫ** в джунглях Южного Вьетнама и Конго. В совершенстве владеет **ТЕХНИКОЙ ДОПРОСА ПЛЕННЫХ.** Сохраняет верность и преданность **каждому своему хозяину,** пока следующий не предложит **более высокую плату.**

Обращаться по адресу: США, Сан-Франциско, Бродвей, 301, почтовое отделение 711, Теду Брейдену".

«Я был наемным убийцей», — горделиво заявляет Джефф Мунн — один из собратьев Теда Брейдена — со страниц английской газеты «Ньюс оф Уорлд».

В интервью с корреспондентом этой газеты Джефф Мунн сказал:

— Мы заинтересованы лишь в том, чтобы убивать людей и получать за это деньги. Все остальное — пустые разговоры.

Тед Брейден еще сравнительно молод и полон сил, но уже успел прожить жизнь, богатую приключениями. О своей профессии пусть лучше расскажет он сам.

«Мой бизнес заключается в том, чтобы охотиться на людей и в случае надобности — а то и без всякой надобности — убивать их».

Здесь и дальше цитируется подлинное письмо Брейдена приятелю. Оно опубликовано в американском журнале «Рэмпартс».

Брейден прошел соответствующую подготовку в Форт-Беннинге, штат Джорджия. Инструкторы там были с богатым опытом.

«...Нам внушали, что допрос удобнее всего производить на летящем вертолете. Собрать человек пять пленных и поочередно беседовать с каждым. Кто молчит — того сбрасывать вниз. Тогда у других быстрее развязывается язык...»

Из оружия предпочтение отдавалось винтовке АР-15 калибра 5,6 *мм*.

«Ее пули летят со скоростью 1000 метров в секунду и когда вонзаются в тело, теряют устойчивость и начинают как бы кувыркаться. Если такая пуля попадет вам хотя бы в руку, можете считать себя конченым человеком».

Когда Брейден получил назначение в Южный Вьетнам, военные действия там только начинали разворачиваться. Время от времени в американской печати появлялись негодующие репортажи о «зверствах партизан-вьетконгов». Корреспонденты сообщали, что «вооруженные до зубов головорезы в традиционных партизанских пижамах черного цвета» врываются в дома мирных жителей, грабят и убивают.

Эти репортажи не были сплошным вымыслом — напротив, они изобиловали правдивыми деталями. Вот только «вьетконги», как на-

зывает буржуазная печать южновьетнамских патриотов, были здесь совершенно ни при чем.

«...Нас переодевали в их форму и приказывали совершить налет на деревню. Это называлось «психологической войной». Начальство считало, что, действуя таким образом, мы сможем вызвать у населения ненависть к партизанам и привлечь его на свою сторону. Помню, наш командир, капитан Коллинз, сказал както: «Мы завоюем сердца этих рисоедов, даже если сначала придется перерезать всем им глотки...»

Отряд, в котором служил Брейден, был известен под названием «Питомцы ада» и находился в распоряжении Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Хозяева из ЦРУ Брейдену все меньше нравились.

«Они лишь приказы отдавали, а вся черная работа доставалась нам. В конце концов мне надоело таскать каштаны из огня для этих джентльменов, тем более, что вырвать у них прибавку было все равно что достать луну с неба...»

Окончательное решение сменить хозяина созрело в ночь под рождество 1966 года.

«...Я сидел в сайгонском баре «Каравелла» и с грустью думал о том, что старею, но не становлюсь богаче. Вдруг слышу за соседним столиком идет разговор. Кто-то рассказывает, что в Конго наш брат — охотник за людьми — получает по крайней мере втрое больше...»

Брейден получил кратковременный отпуск, уехал на родину. Весело провел время, а когда настал срок возвращаться, «перепутал» самолет и оказался не в Южном Вьетнаме, а в бельгийском порту Антверпене. Обзавестись фальшивыми документами не составило труда. На вербовочном пункте железорудной компании «Юньон миньер де о Катанга» ему положили для начала две тысячи долларов в месяц и направили на «курсы усовершенствования» в конголезский город Нагалиса.

«По прибытии к месту назначения я сразу же почувствовал, что в воздухе пахнет ЦРУ. Одного из парней, дежуривших на аэродроме, я узнал — он был связным у нас в Форт-Беннинге. «Тс-с, — сказал он мне, — мы здесь называемся дорожно-ремонтным отрядом компании «Уэстерн интернейшнл».

«Ну и ну, — подумал я, — надо было отправиться в другой конец света, чтобы попасть к тому же хозяину...»

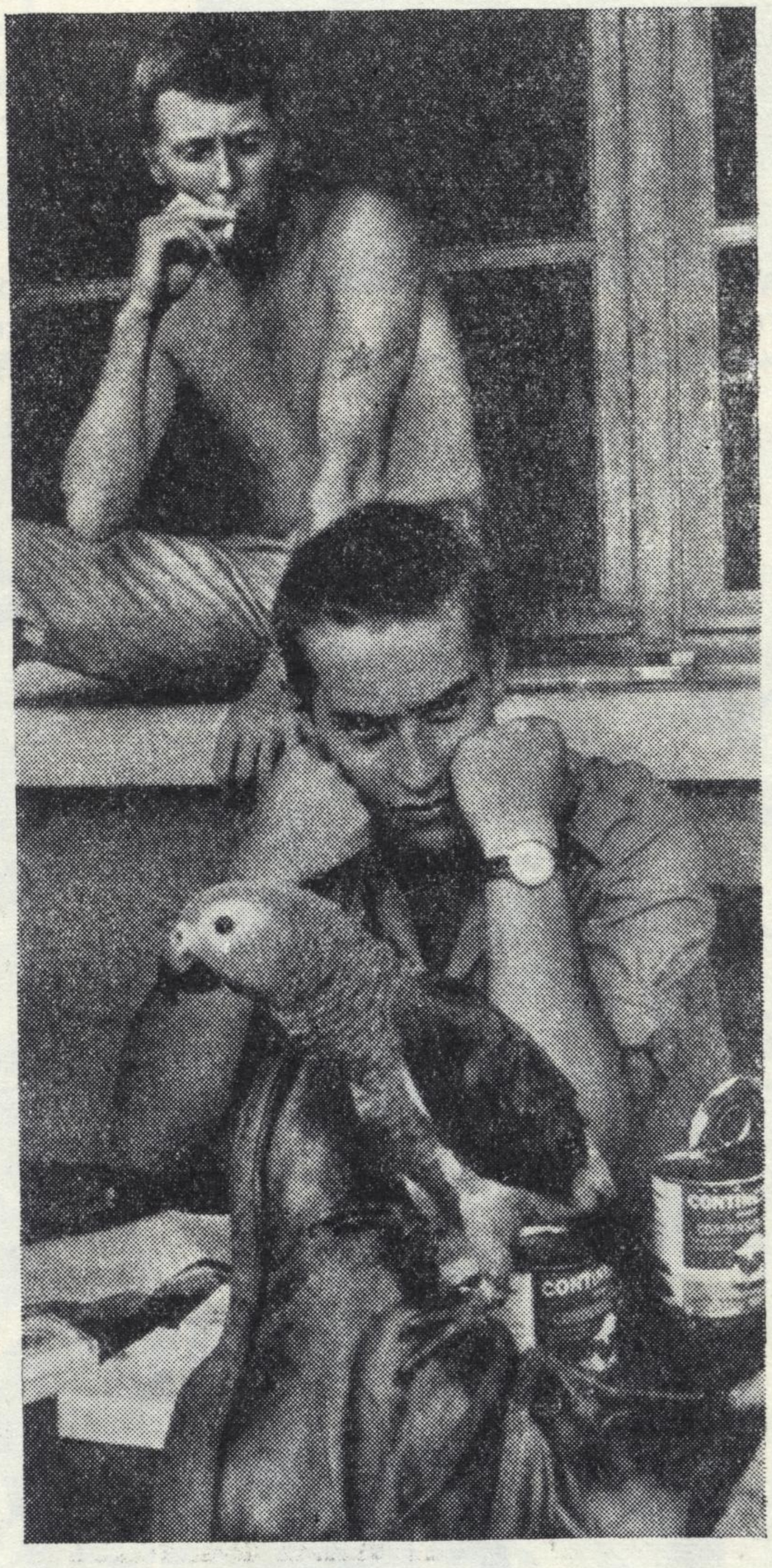
На «курсах» Брейден чувствовал себя как рыба в воде.

«Я словно вновь очутился в Форт-Беннинге: та же программа, та же тактика, те же инструкторы... Даже на оружии, которое мы изучали, стояла метка: «Сделано в США», хотя поставляли нам его бельгийские контингенты войск НАТО...»

Учения происходили в условиях «максимально приближенных к действительности».

«Мы совершали набеги на деревни, предварительно получив указание: «Все, что движется и имеет черную кожу, должно стать вашей мишенью...»

Помню, в городе Накилица изрешетили пулями 200 человек, а в соседнем городишке 499. Среди нас были американцы, англичане, немцы, белые родезийцы и южноафриканцы. Почти все имели дело с правосудием, не раз

Белые наемники в Конго из отряда бывшего эсэсовца Зигфрида Мюллера.

В перерывах между грабежами и убийствами на душе так тоскливо и пусто!..

Фото из «Фрайе вельт»

сидели в тюрьме и вообще прошли, что называется, огонь, воду и медные трубы. Некоторые из наших ребят отрезали убитым уши, которые потом бальзамировали и продавали в качестве сувениров американским летчикам по 20 долларов за штуку».

Вообще в Конго, по словам Брейдена, у белых наемников не было недостатка в дополнительных источниках дохода.

«Особенно удачными операциями считались такие, в ходе которых удавалось распотрошить какой-нибудь банк или золотой прииск».

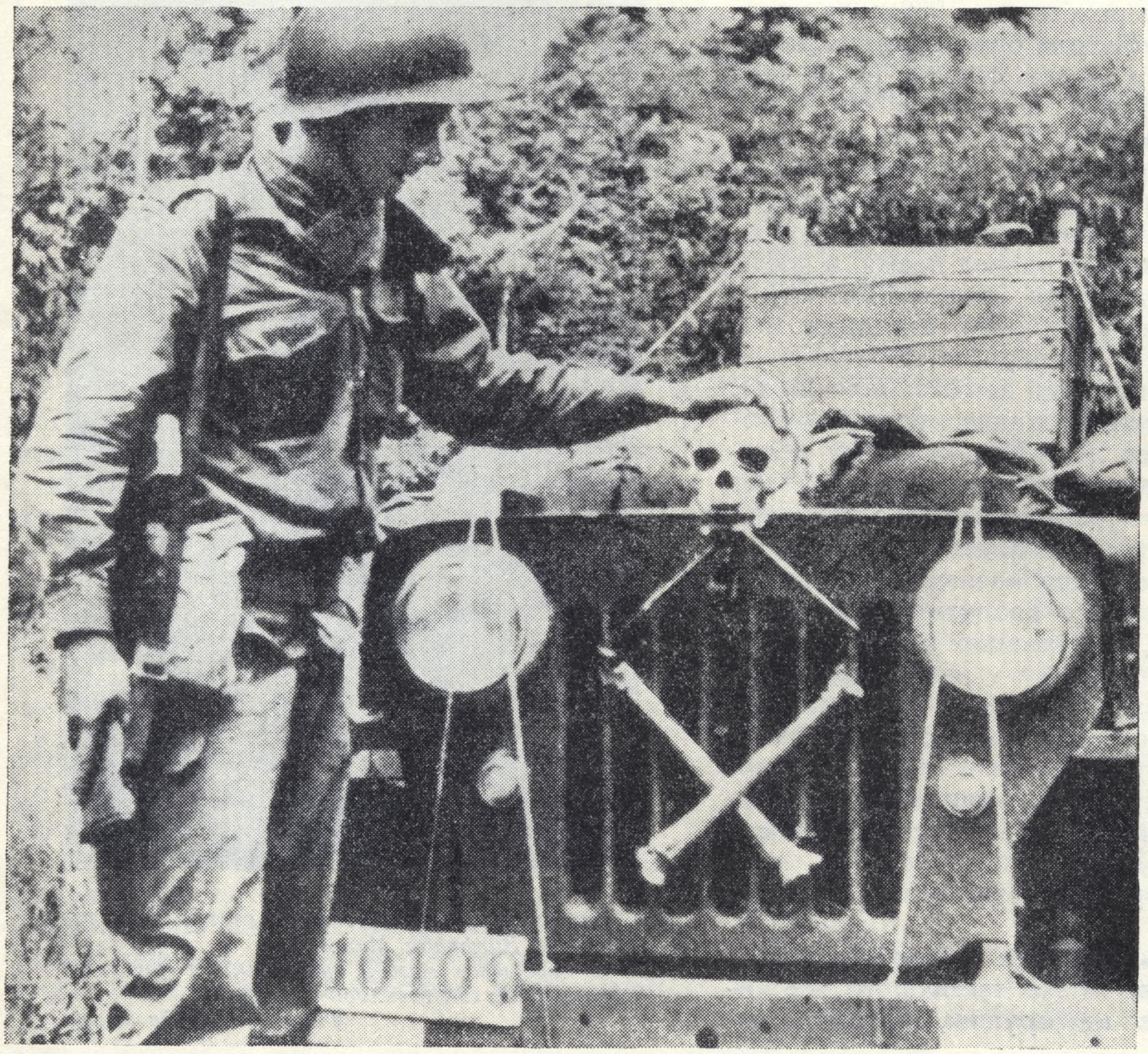
Словом, все шло как по маслу, пока не грянула беда.

В тот день Брейден прибыл на джипе в город Кисангани вместе с командиром конголезских наемников полковником Питерсом. Подъехали к лучшему отелю, вошли в вестибюль.

«Идем как ни в чем не бывало, вдруг откуда ни возьмись возле меня появляются четверо в штатском и суют под бока свои 38-калиберные кольты. И заявляют, что им все про меня известно и что я арестован по обвинению в дезертирстве из армии Соединенных Штатов.

Полковник Питерс только плечами пожал: «Обидно, говорит, парень, терять такого орла, да сам понимаешь, здесь ЦРУ — главный хозяин». И пошел своей дорогой. А меня приволокли в комнату № 13, сфотографировали со всех сторон, обыскали, раздели, нацепили старый арестантский халат и крепко-накрепко привязали к кровати. Я знал, что такое «допрос третьей степени», — поэтому, не теряя времени, сразу же во всем признался...

Несколько месяцев продержали меня без суда в крепости Форт-Дикс. Я уж думал, что обо мне забыли, как вдруг приходит однажды в мою камеру некий субъект и спрашивает, согласен ли я снова работать на ЦРУ. «Соглашайся, — говорит, — иначе в Штатах нигде не сможешь устроиться, — мы об этом позаботимся». «Что ж, — отвечаю, — пусть будет по-вашему». И про себя думаю: «только бы на свободу выйти — там уж как-нибудь не пропаду!»

БРЕЙДЕНУ В САМОМ ДЕЛЕ НЕ УГРОЖАЕТ ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ. ПОКА СУЩЕСТВУЮТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ МОНОПОЛИИ И ВЕДУТСЯ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ, ЕМУ — КВАЛИФИЦИРОВАННОМУ ПАЛАЧУ И УБИЙЦЕ — НЕ ГРОЗИТ БЕЗРАБОТИЦА.

Охотники за черепами позируют. Конго, наши дни. Фото из журнала „Фрайе вельт“

СТРАНИЦА ЭТА МОЖЕТ ДАТЬ ПРОСТОЙ ОТВЕТ: ЧТО ЕСТЬ „ВЫСОКАЯ ПЕЧАТЬ“ И ЧТО — „ОФСЕТ“

Ночь летит над Ленинградом:
Сквозь чугунные ограды
Светит белая луна;
У Варшавского вокзала,
У Обводного канала
Наступает тишина.

От канала недалеко
Старый дом стоит высокий.
В этом доме с давних пор
В типографию сдавался,
Набирался, и верстался,
И печатался «Костер».

...В черном небе звезды блещут,
В черной речке волны плещут,
Больше красок будто нет —
Черно-белый стройный город
Под рукою у гравера
Появляется на свет:
Черно-белая гравюра,
Черно-белые фигуры,
Черно-белая гора,
Черно-белый дом на взморье,
Черно-белый парк у моря,
Черно-белый свет костра...

Только кончится работа, —
Изумительное что-то
Начинается тотчас:
Фото делает фотограф,
Травит цинк мастак-цинкограф.
Раз! — клише готово. Раз! —
И получен четкий оттиск.
Раз! — коротенькую подпись
Линотип в момент набрал.

Так — умело, быстро, ловко —
Много лет на «Соколовке»
Наш печатался журнал.

ЗА ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД «КОСТРОМ» ЛИНОТИПИСТЫ «СОКОЛОВКИ» ОКОЛО 25 МИЛЛИОНОВ РАЗ УДАРИЛИ ПО КЛАВИШАМ ЛИНОТИПОВ, ЦИНКОГРАФЫ ОБРАБОТАЛИ БОЛЬШЕ 15 ТЫСЯЧ КЛИШЕ, ПЕЧАТНИКИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ОКОЛО 10 ТЫСЯЧ ТОНН БУМАГИ.

**И, усвоив твердо это,
Обращаемся с советом
Мы к читателям «Костра»:
Где б ты Мастера ни встретил —
В «Соколовке» ли, в «офсете» ль, —
Прокричи ему «ура»!**

Ночь прошла над Ленинградом,
И у Горьковского сада
Прозвучал курантов бой.
Грузовик промчался красный
С надписью «Огнеопасно»
И троллейбус голубой.
Там, у сада, недалеко,
Новый дом стоит высокий.
И отныне — с этих пор —
Здесь, на фабрике офсетной,
Ярко-разно-многоцветный
Будет выходить «Костер».

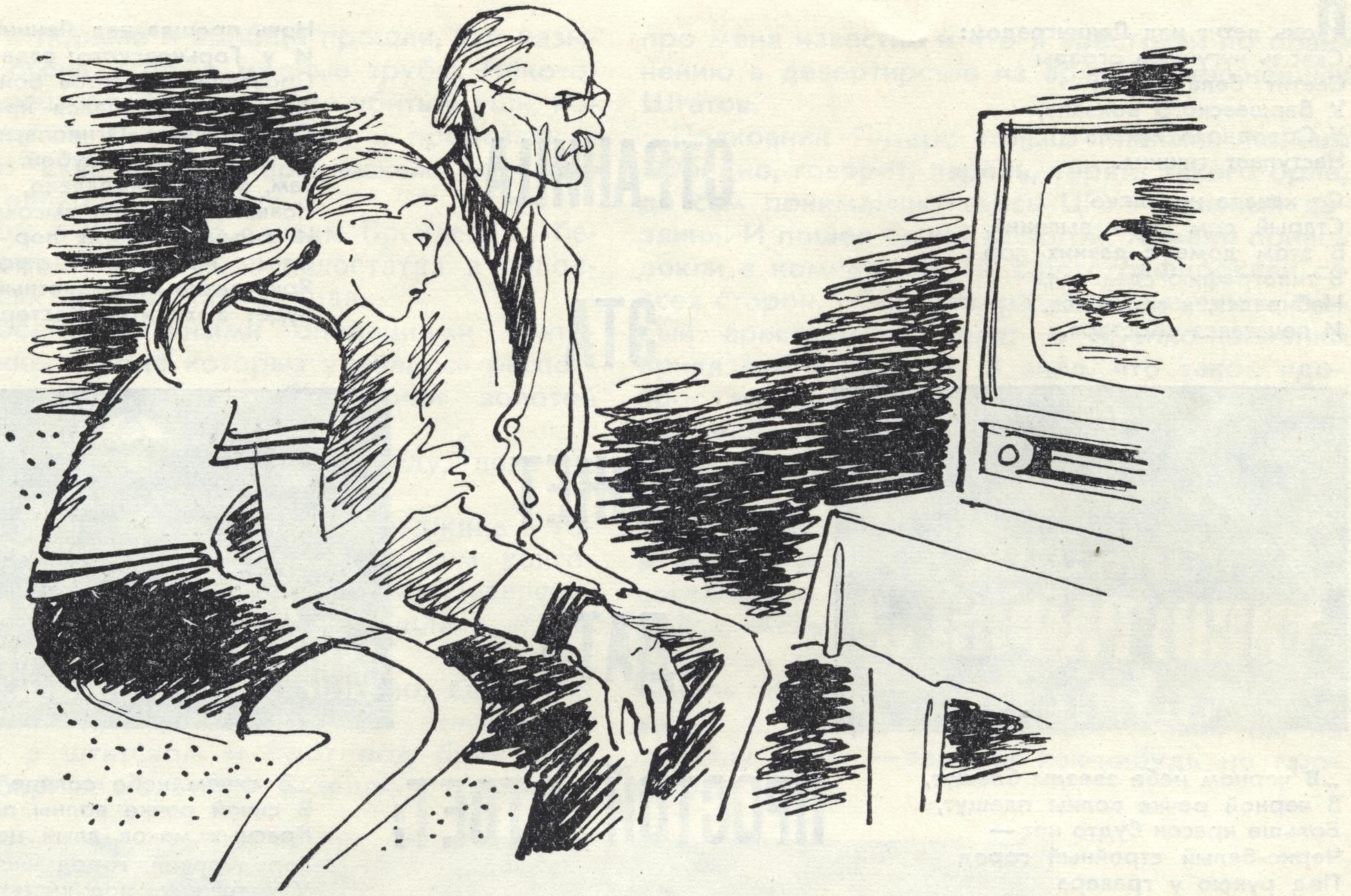
...В синем небе солнце блещет,
В синей речке волны плещут,
Красных маков алый цвет —
Город яркий, город чистый
У художника под кистью
Появляется на свет:
Разноцветная картина —
Ярко-желтая равнина,
Темно-бурая гора,
Красно-белый дом на взморье,
И зеленый парк у моря,
И багряный свет костра...

РАНЬШЕ В «КОСТРЕ» БЫЛИ ЦВЕТНЫМИ ТОЛЬКО ОБЛОЖКИ И ВКЛЕЙКИ. ТЕПЕРЬ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ 32 СТРАНИЦЫ БУДУТ ДВУХЦВЕТНЫМИ И 32 — МНОГОЦВЕТНЫМИ.

Дальше — все как будто в сказке:
Колорист мешает краски
(Ищет верный тон и цвет),
Покрывает в темной ванне
Форму никелем гальваник
(Дело тонкое: офсет!)

Как в народе говорится, —
Дело мастера боится!

И пришла сказать пора:
За терпенье и заботу,
За умелую работу —
Вам спасибо, мастера!

Вот придет Тасенька

РАССКАЗ

Е. Шереметьева

Рисунки И. Харкевича

По субботам бабушка и дедушка, каждый про себя, думали: придет ли нынче Тасенька? К ужину в этот день всегда были припасены ее любимые шпроты и сосиски или зажарена курочка, испечен сладкий пирог и непременно куплено двести граммов «Грильяжа» или «Белочки».

Если Тася не приходила, скрывая друг от друга огорчение, говорили:

— Ну, видно, культпоход или другое что помешало.

Разогревали на ужин гречневую кашу, а любимые Тасенькины шпроты и сосиски оставались в холодильнике: может быть, завтра забежит внучка.

Вечер проходил тихо, телевизор не включался.

В одну из весенних пятниц, возвратясь с работы, старики пообедали, Прасковья Даниловна вымыла тарелки, кастрюли, потом тихонько выставила из буфета всю посуду, банки с крупой, мукой, сахаром, начала протирать полки и стенки буфета смоченной в уксусе тряпкой.

Александр Степанович заворочался, зашуршала газета.

— Кажись, опять дело нашла. Отдохнула бы. Никакой еще грязи нет, тебе одной видится.

— Раз видится, значит, хоть маленько, да есть.

— До завтра бы отложила — выходной — все легче.

— И на завтра делов хватит: балкон откроем, зимнее, коли погода постоит, посушить — убрать пора; кухонный стол перебрать-протереть; обед на два дня сготовить — надо или нет?

— Тасенька завтра на «Клуб кинопутешественников» прибежит, — долго ли девчушке нагнуться раз-другой, и на антресоли слазать не в труд. Крепкая, рослая...

— Каждую, никак, пятницу у нас с тобой один разговор. Уж как определила себе, так и стану делать и нынче и завтра.

— Так на воскресенье чего-нибудь оставь.

Прасковья Даниловна залилась молодым смехом:

— А постирает бурый мишка из зоопарка?

Когда Тасеньке было всего четыре года, она гостила у бабы Пани и деда, пока в квартире матери шел ремонт. «А кто же умываться ста-

нет и в постель ложиться?» — спросила Прасковья Даниловна заигравшуюся внучку. Девочка хитро прищурилась: «Наверное, бурый мишка из зоопарка».

В субботу с утра старики открыли балкон, и пока муж ходил за продуктами, Прасковья Даниловна вымыла балкон, дверь, стекла до блеска, почистила и разложила на стульях зимние пальто, рукавицы, мужнину шапку и успела даже прибрать и на кухне, и в комнате, и в прихожей. Проворство молодых лет осталось, только одолевала одышка и сердце тукало, будто сердилось.

Часов около пяти раздался громкий, отрывистый с переливами звонок. Старики в один голос сказали:

— Тасенька пришла.

И оба радовались ясным веселым глазам, милому голосу: — «Соскучилась! Ужас!» — бурной ласковости, прохладе нежных щек, прижимавшихся к их лицам.

Тася обошла всю квартиру, включила телевизор, поиграла выключателем люстры, подошла к балконной двери:

— Как у вас хорошо! Уже балкон открыли? Солнце и ветер — продуется одежка. Ужас, как у вас хорошо!

— Кушать-то хочешь или попозже?

— Как вы, баба Паня? Если можно, после кинопутешественников?

— Почему нельзя? Все в наших руках. — Прасковья Даниловна уходит в кухню, дело-то всегда найдется.

Тася подсела к деду на тахту и звонко рассказывает: по географии — двойка. Влипла, не прочла даже, не ждала, что спросят. Придется исправлять, значит, даже старое повторять — кошмар! На физике с Белкой заспорили принципиально про детективы, и Белку тут же к Лельке Травкиной, а Тасе, вместо Белки, этого правильного Копытова подсадили. Из него на уроке слова не выколотишь — тоска! Да еще объясняй ему в переменку. Он с алгеброй в конфликте.

— Товарищу помогать надо. А разговаривать на уроке не полагается, хоть и принципиально.

— Дедуля, когда интересно, молчим как рыбки. На математике я и рта не открою. А если скука зеле-еная в крапинку?

Радует и смех ее, и болтовня. Конечно, ленится, могла бы и в отличницы выйти, да не все добро в отметках. Погорячей бы к людям, делом бы любила, не только словами ласковыми да поцелуями. Правда, и то ладно, другие и слова доброго не умеют выговорить.

В открытую дверь Прасковье Даниловне видны спины сидящих в обнимку деда и внучки, экран телевизора, иногда и речь доносится.

— Дедуля, это моржи? Клыки-то какие страшные. Как они моржат своих клыками не задевают? Ведь даже убить можно.

— Зверь он чувствует, как с клыками поворачиваться. Он зря зла не сделает. А уж дитяти своему...

Мелькают на экране пальмы, темные тела в набедренных повязках, причудливые храмы.

— Зачем умершей такую красоту? Дурак этот царь — ей же все равно не видно.

— Да как же это ты? Ведь он любил ее. И умерла — забыть не мог. Хотел и могилу украсить.

Тася молчит. Ей, конечно, не понять. И на отцову-то могилу раз в год свезут, если погода хорошая. С дедом и бабой Паней не отпустят: «Она нервная, с вами расстроится». Зато и она стала отвечать: «Вы мне нервную систему портите». А и правда — через каждую минуту: «ну где ты села», «ну как ты встала», и взяла не то, и положила не туда, и уроки не в свое время делает — со стороны невтерпеж. А она принукалась, не слышит, не слушает никого.

— А это мы уже видели в прошлом году, но я люблю про животных.

— А про людей, — спрашивает дед, — не нравится?

— Про шпионов или смешное — очень! А уж любовь, война — скука. Ой, сейчас эту косулю разорвут — не могу. Деда, почему вот людей в кино убивают, и мне — ничего. А Мухтара, вообще собак и эту косуленьку — жалко-жалко. Я выключу?..

Прасковья Даниловна, держась за стол, села на табуретку.

— Как это? Людей еще крепче надо жалеть, — и старик-то разволновался. — Человек это... разве животное так переживает, как человек? Животное — всяк за себя — выкормит маленького, научит самостоятельности и иди он на все четыре стороны, ни отец, ни мать не вспомянут, не побеспокоятся. А человек и обо внуках, и о правнуках, и о чужом заботится, ночью другой раз не уснет. И ум у человека, и руки... Как ты это говоришь — человека не жалко?

— А собаки? Людей защищают, спасают, стада охраняют, преступников ловят. Вот Мухтар...

— А кто его добру научил? Люди хорошие. Другую собаку злыдень какой-нибудь приучит на каждого незнакомого кидаться — чем же она хорошая?

Ладно дедок с ней разговаривает, ладно.

— А дельфины? Никто их не учит, а умнее и добрее людей.

Не понять: всерьез или смехом, а не сдается девчонка.

— Про дельфинов это люди пишут, а дельфины пока еще про людей писать не могут. Что ласковы они, так ведь и ученые к ним с добром идут.

— А они и вовсе незнакомых в океане от акул спасают.

Много нынче ребята знают, многому выучены, а не всему.

— Может быть, дельфины добрые, мне то неизвестно. А может, акула — зверь хищный — им природный враг? Это еще они человеку не сообщили. А только я тебе скажу: человек, если захочет, сам себя образует. А зверю без человека до того не дойти. Человек он есть и будет — царь природы.

— А цари-то и глупые, и жестокие бывали, и даже вовсе ненормальные.

За словом в карман не лезет, поговори-ка с ней.

— Про ненормальных что говорить. А нормальные — ты, скажем, тебе хоть нет еще тринадцати, а ведь уже понимаешь, как по-хорошему с людьми жить, как учиться, как посуду вымыть и комнату прибрать, и другое. Была б охота, всему научишься, все сумеешь.

Ну-ка, что скажешь, Тасенька?

— Ой, деда, я вдруг есть захотела. А ты?

Вот она как повернула, не любит эту самую, как она говорит, пропаганду.

— Баба Панечка, если не возражаете, мы готовы ужинать!

— Теперь обождете маленько, пока уберу.

— Обождем, обождем! — Тасенька уже в кухне. — А почему у вас тут уксусом пахнет?

— Шкафик протирала.

— Уксусом? Зачем?

— Любопытный твой нос, — чтоб жук мучной не завелся. Он чеснока да уксуса боится, я его тем и другим отваживаю.

— Как у вас все интересно. И красиво! — Тасенька оглядывает кухню, смотрит, как бабушка, нагибаясь, убирает в шкафик коробки, банки с толчеными сухарями, крупой, с корицей, гвоздикой. — Это что? А это? А это? Мы здесь будем ужинать, да? Мне очень здесь нравится.

— Коли ты не жук, духу уксусного не боишься...

Как весело она засмеялась — и бегом:

— Дедусь, я похожа на жука? — и опять смеется там с дедом.

Все убрано, и к ужину накрыто. Только вот спина разболелась у Прасковьи Даниловны и сердце жмет. Шестьдесят никуда не скинешь.

— Ну, «господа», пожалуйте к столу.

Александр Степанович улавливает сквозь шутку жены чуть приметное раздражение. День насквозь не присела. Надо было Тасеньке сказать: «Помоги бабе Пане, ведь устала, ведь уж лет-то не мало, а все работает. А тебе — трудно ли». Почему не сказал?

Ужин с Тасенькой — веселье. Все-то ей у деда и бабы Пани — особенное. И шпрот таких в жизни не ела, а уж курочка, а пирог с яблоками, вообще на свете таких не бывает. А варенье — объедение!

— Никогда столько дома не ем, а у вас, — Тасенька отваливается от стола как младенец от материнской груди, — уж очень все вкусно. Теперь можно конфетку? Вам принести?

Тася возвращается с конфетами. Баба Паня прячет остатки еды в холодильник, дед единственной рукой собирает грязные тарелки.

— Дедусь, давай — я, — девочка проворно уставляет в раковине всю грязную посуду.

— А теперь, дедуся, включим вторую программу — там эстрадный концерт.

Дед замялся было, но Тасенька, веселая и нежная, утащила его к телевизору. Прасковья Даниловна принимается мыть посуду. Шумит вода, бренчит посуда, почти не слышен эстрадный концерт, только звонкие всплески Тасиного смеха, так похожего на Андрюшин. Скоро двенадцать лет, а ясно, до каждой минуточки помнится страшный день. Думалось, вся теперь радость ушла, смертью обернулась жизнь. Думалось, не засмеяться больше нам с дедом никогда. Ох ты Тасенька наша, Тасенька, как бы тебя на отцову заботливость наладить? До всех ему было дело, никогда себя не жалел. Невестка сначала все к нам жалась, а как мать к ней переехала, вроде и отодвинулась.

Все мы совершенствуем, улучшаем, учим, и как детей растить — учим, почему ж это так случается?

Перед Октябрем с девчухами в перерыве чай пили, стала прикидывать, какой день полегче — убраться дома к празднику, и больше никакого слова не сказала, и в лоб не влетело. А в субботу утром красавицы мои явились, Рита, Валя, Нюша: «Субботник объявляем по уборке жилого помещения», — и ничего не слушают, халаты, косынки надели; оглянуться не успела, потолок, стены обмели, мебель, шкафы по верхам обтерли, полы намыли, половики выколотили. Ну, я им к празднику для вечеринки пироги красивые испекла с мясом да с яблоком.

А после Нюшина мать заходит ко мне в цех, плачет: вовсе девка от дома отбилась, ни подметет, ни мусор не вынесет, другой раз и постель свою не приберет, убежит. И слова ей

не скажи. Я — Нюше: как же ты это себе позволяешь? А она с таким сердцем:

— Душу выпилили родители драгоценные. Бить уж не смеют, а нудят. Ушла б из дому, не оглянулась.

Говорю ей: мол, замуж очертя голову пойдешь — себе назло; родителей уважать надо, не будет других. А сама думаю: разбери тут, кто виноват? Сызмалу, пока ребенку всякое дело в охотку, приучить не позаботились, набаловали, а выросла — требуют, ругают, да еще, вишь, били. Озлилась, конечно, и теперь уж самостоятельная — восемнадцать, и понимать может, а не хочет, злость ум застит. Как бы и с Тасенькой не получилось этого.

Вода не шумит, посуда вымыта. Прасковья Даниловна взяла полотенце и села, перетирать и сидя можно. Эстрадного концерта не слышно — кончился или выключили, — звонко стрекочет Тасенька:

— Ну, «Люблю я макароны» — не слыхал? Мотив хороший, а слова какие-то... Мы сами с Белкой и Лешкой придумали интереснее. Я тебе спою:

Куплю я мотоцикл,
Хоть говорят, что он меня погубит,
Куплю я мотоцикл,
Хоть мамочка моя его не любит.

Голос славный, поет приятно, а глупость какая-то.

— Нет, я тебе другой куплет:

Заправлю бак бензином,
Сам сяду на седло.
Поймет она всем сердцем,
Какое это чудо,
Хотя сломался тормоз
И нас уж понесло.

— Смешно, да?

Ишь как весело. А мы смолоду глупостей не пели? Такие уж были сурьезные, как в шестьдесят? Забыли, да ни за что их ругаем, разговоры про эту этику разговариваем, надоедаем, а как ее, эту самую этику, делать?

Тасенька вдруг схватилась:

— Ой, уже пора мне. А то попадет.

И уходила нехотя, прощалась раз, и другой, и третий...

Затихла квартира.

Прасковья Даниловна открыла балкон, внесла в комнату одежду и стулья.

— Оставь, утром уберем, — виновато сказал Александр Степанович. — Устала ведь, куда ж на антресоли еще лазать. Ты почему Тасеньке не сказала?

— А ты почему не сказал?

Александр Степанович хмурится:

— Да ведь как-то неловко. Что ж она не видит, не понимает?..

— А мне того неловче, самой просить — помоги. И жалко девчонке веселье сбивать. Да еще подумаю, что она, как матери, прогундосит: «Се-ейча-ас», — да поплетется нога за ногу, да с кислыми глазами, так лучше три раза самой сделать.

Александр Степанович ходит по комнате, растирает рукой контуженный бок и короткую культю:

— И как так: ведь и ласковая, и умница...

— Как так, как так! И ремеслу одними словами, хоть сто лет учи, не научишь. К станку подошла, к мастеру пригляделась, да сама челнок в руки взяла — вот и начало ученья. Ты своим токарятам лекции какие, доклады, что ль, читаешь?

Александр Степанович останавливается:

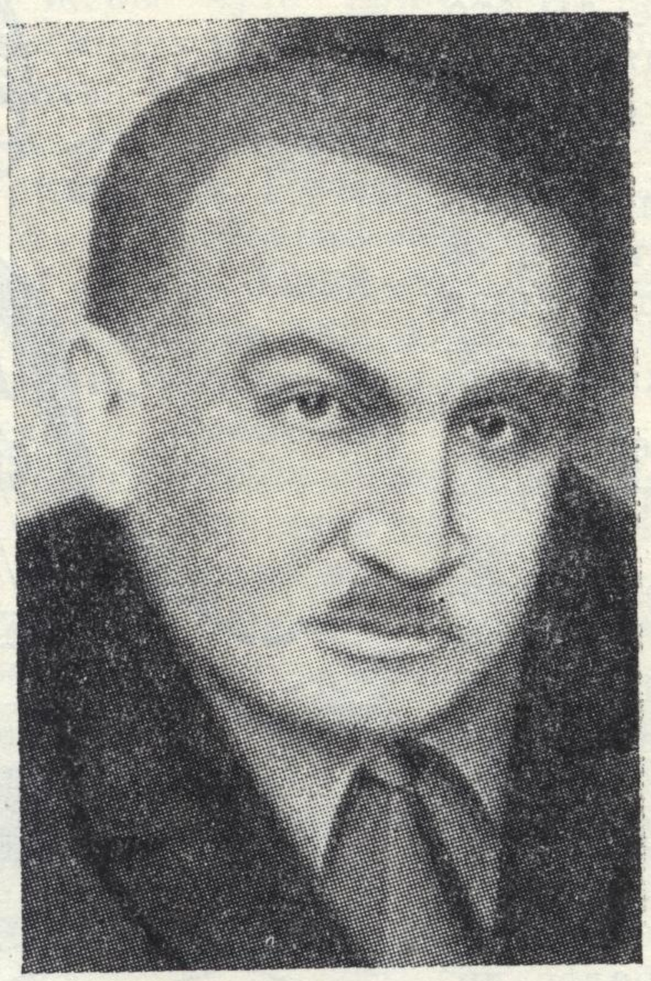
— Вот теперь, как придет, заставлю чего-нибудь... Ну, хоть посуду...

Прасковья Даниловна усмехается:

— Ну-ну!

СТРАНА ПОЭЗИЯ

БОРИС СЛУЦКИЙ

Когда убивали солдата, писарь посылал его семье похоронку — документ, где было правдиво сказано: «Пал смертью храбрых в борьбе за свободу и независимость нашей Родины».

Умирая, солдат знал: по похоронке семье выдадут пенсию.

А товарищи погибшего и его командиры ставили на могилке памятник. Обычно это была фанерная пирамидка с жестяной пятиконечной звездочкой.

Умирая, солдат знал: поставят ему монумент, пирамидку со звездой и надписью.

Война была долгая и битвы в ней — жестокие. До сих пор на лесных полянах, и на холмиках, и на высоких горах стоят пирамидки с жестяными звездочками. Это солдатские памятники не только погибшим, но и живым.

...Находили скульптора, самого прославленного в городе или в целом государстве. Выбирали модель. Обычно совсем молодого солдата 25 года рождения, двадцатилетнего, но обязательно высокого, статного, ладного, русого, голубоглазого.

Через несколько месяцев в городе на самом высоком холме стоял этот самый солдат. Но только бронзовый.

Два трогательных памятника я видел в Белграде на городском кладбище. Там похоронено много солдат и офицеров, погибших в бою за город — более восьмисот. На каждой могиле — камень с фамилией, именем, отчеством, воинским званием. Но есть два особых камня. На одном написано «Сидоровна», на другом — «Танкист Мишка». Долго стоял я у эитх камней. Кто схоронен под ними?

Сидоровна, наверно, была немолодая женщина, иначе белградцы запомнили бы ее не по отчеству, а по имени. Была она, наверно, пекарихой в дивизионном хлебозаводе, а может быть, прачкой или санитаркой. В армию пошла еще осенью 1943 года, где-нибудь на Украине, на Кировоградщине. Год стряпала на бойцов, обстирывала их, перевязывала им раны. А в Белграде, в октябре 1944 года, догнала ее пуля или настиг осколок, да еще не у себя в части, а где-нибудь в переулке, где она жила и где местные женщины знали ее как Сидоровну.

А танкист Мишка? Город освобождал целый механизированный корпус, и танкистов там было много. Однако Мишка был, наверно, очень молод, если представлялся уменьшительным именем.

Послали его танк помогать какому-нибудь партизанскому взводу — с нами вместе город освобождали югославские войска, а танков у них не было.

И сгорел танк, а с ним и Мишка, и похоронили его не свои — мы бы обязательно написали и фамилию и войсковое звание, а партизаны, которых он прикрыл сначала своей броней, а потом своей жизнью.

Вот какие истории припоминаются, когда смотришь на солдатские памятники.

Б. Слуцкий

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мерзлому,
мертвому,
мокрому
камню,
Но вышло,
что та высота высока мне.
И пал я тогда. И затих до поры.

Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я Родине нужен,
Что славное дело,
почетная служба,
Большая задача поручена мне.
— Да я уже с пылью подножной смешался!
Да я уж травой придорожной пророс!
— Вставай, поднимайся!
Я встал и поднялся.
И скульптор размеры на камень нанес.

Гримасу лица, искаженного криком,
Расправил, разгладил резцом ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.

Расту из хребта,
как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю,
И ниже меня остается крутая,
не взятая мною в бою
высота.
Здесь скалы
от имени камня стоят.

Здесь сокол
от имени неба летает.
Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.

От имени Родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!
Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы
освобожденной страны,
Где графские земли
вручал
батракам я,
Где тюрьмы раскрыл,
где голодных кормил,
Где в скалах не сыщется
малого камня,
Которого б кровью своей не кропил.
Стою над землей
как пример и маяк.
И в этом
посмертная
служба
моя.

Гравюра Р. Попова

ДЕЛАЙ, КАК Я!

Школа «Спринт» проводит открытый фотоурок.

Занятия ведет преподаватель-корреспондент Лев Евгеньевич Поляков.

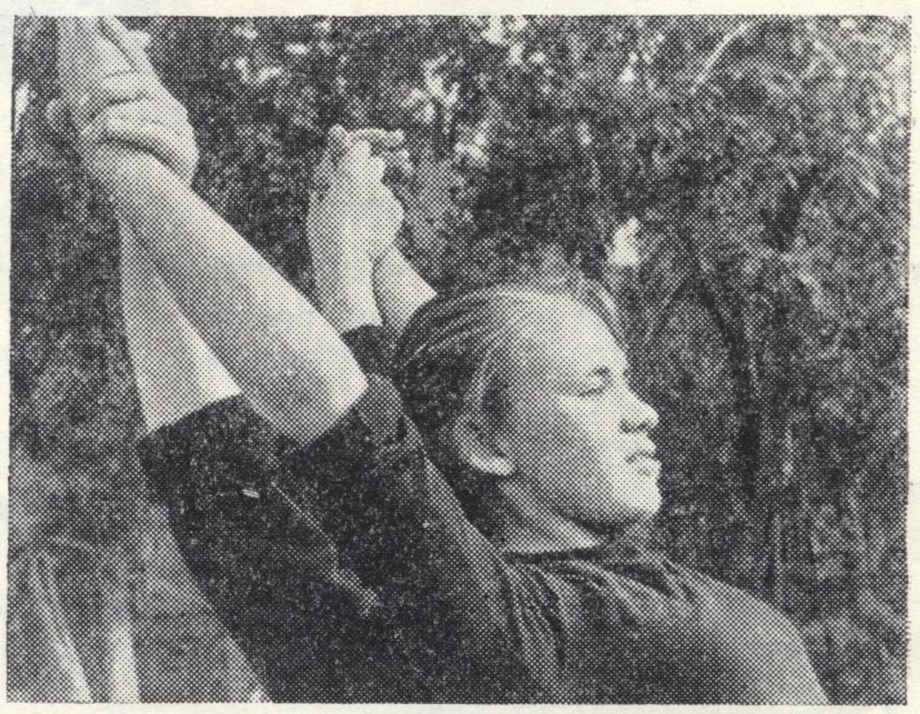
На занятиях присутствуют: юные спринтеры города Рубцовска и все читатели этого выпуска школы «Спринт».

Основа тренировки спринтера — бег. Люда Бабкина делает пробежку в легком прогулочном темпе, а потом перейдет к ускорениям. На тренировку Люда нередко берет с собой соседских ребят — у нее уже шестеро подопечных.

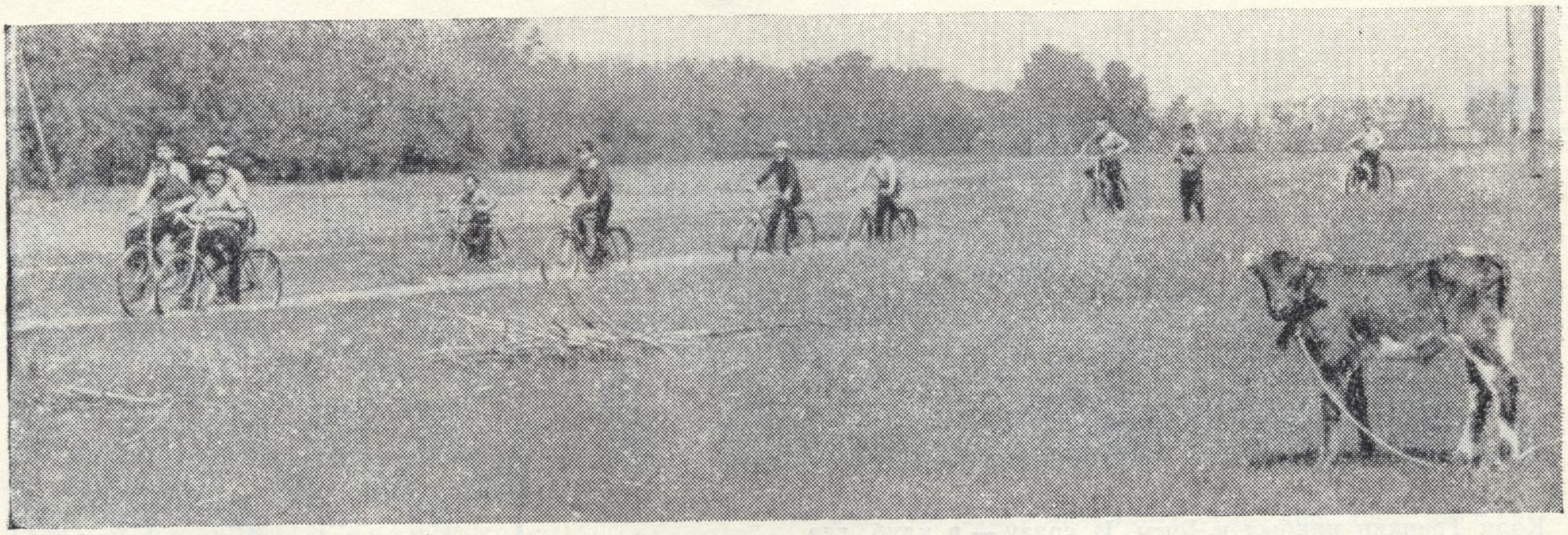
Внимательно наблюдают Валя и Таня за бегом своих подруг. На занятиях надо подмечать недостатки в технике бега и поразмыслить, как избавиться от этих ошибок.

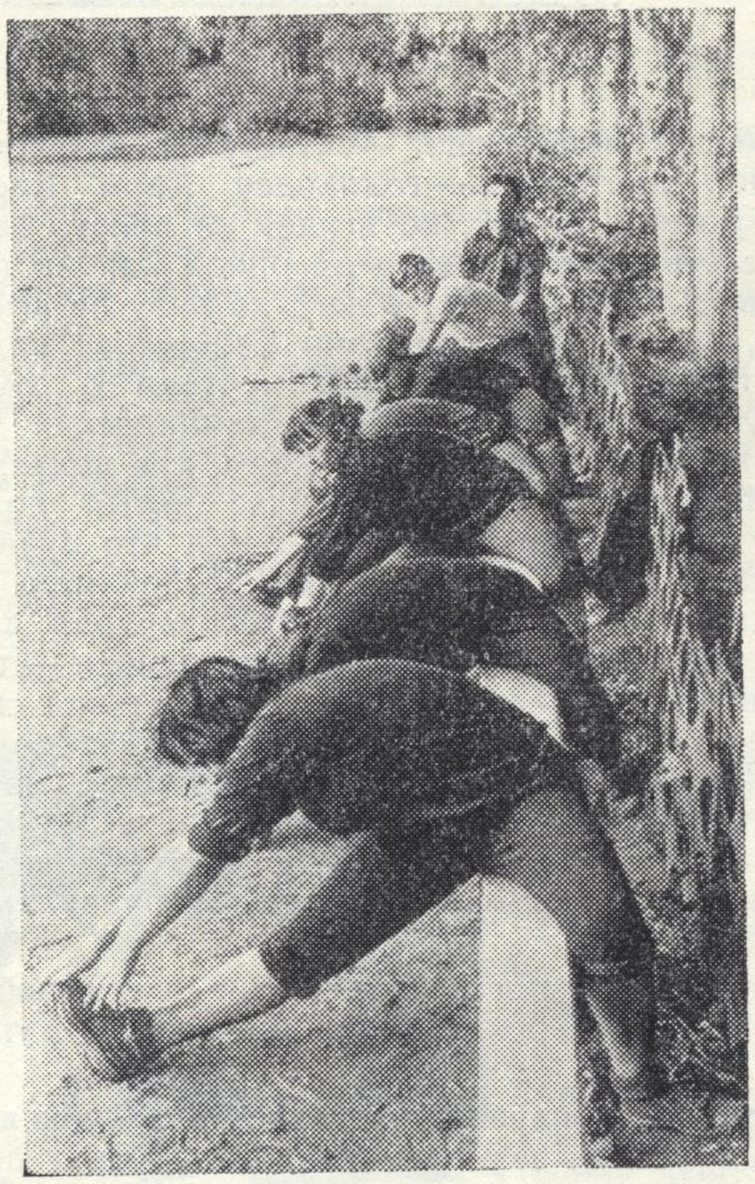
Насколько интереснее заниматься вдвоем! Парные упражнения развивают гибкость, силу, ловкость, да и нагрузки спортсменами переносятся легче, ребята как бы не замечают утомления.

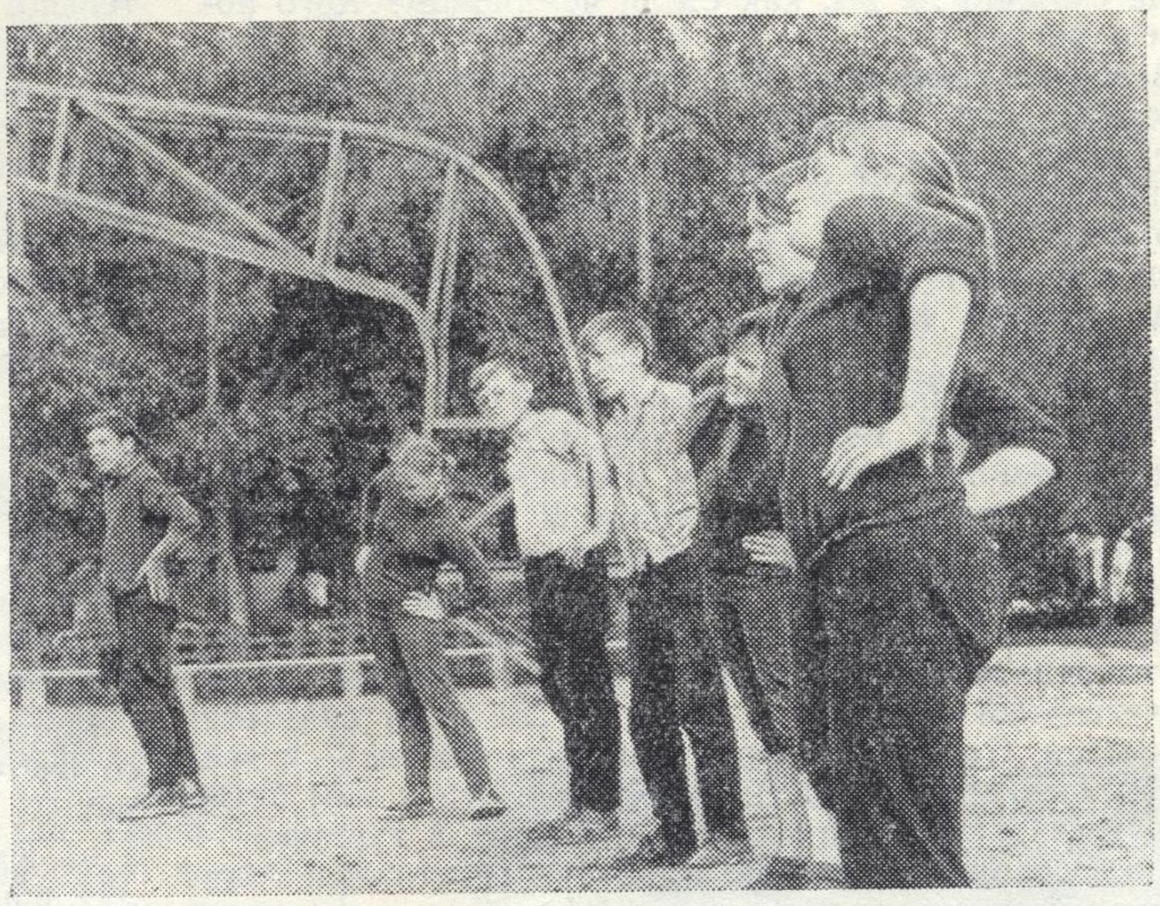
Показывают Валя Косолапова и Таня Шмакова.

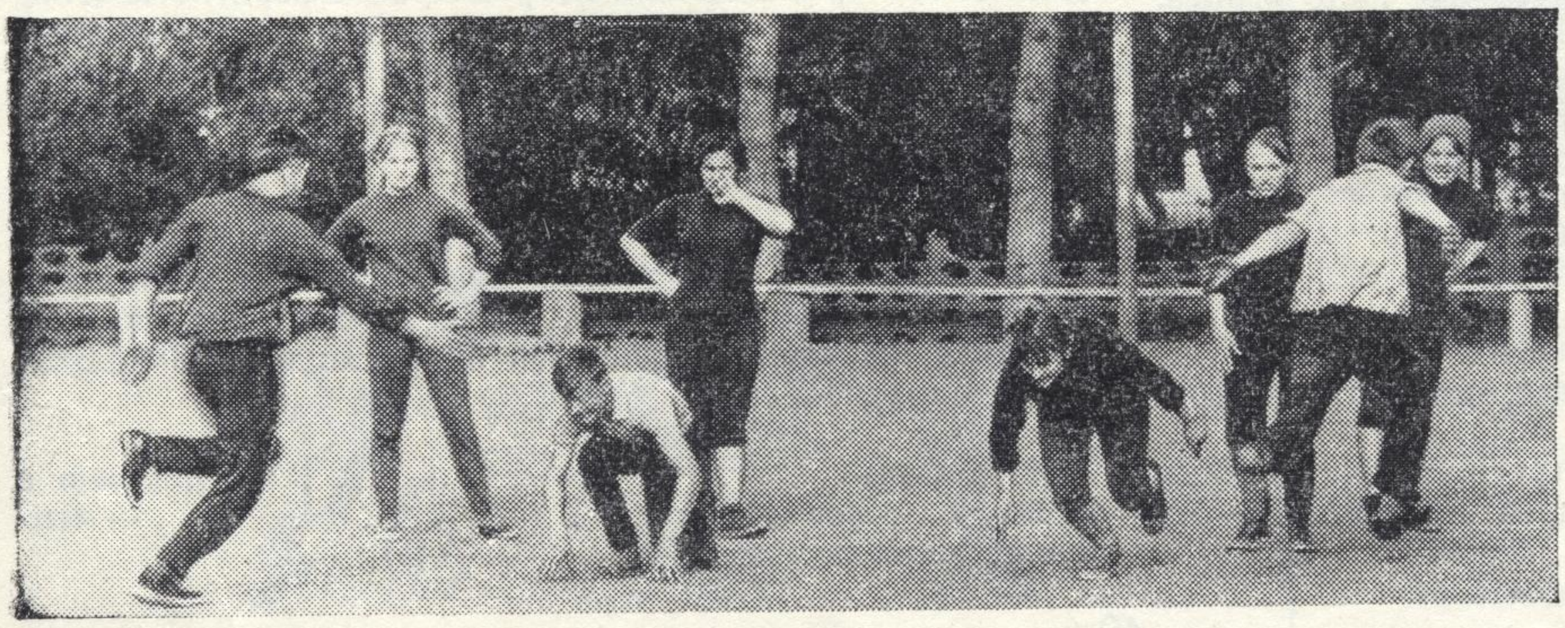

Только бегать — иногда надоедает. Длительные многокилометровые прогулки — летом на велосипедах, зимой на лыжах — вырабатывают выносливость, а короткие стремительные броски-«спурты» — неплохое средство для развития быстроты. На велосипедах вся группа отправляется иногда в ближайший лес, на тренировку.

Разминку лучше делать совместно всей группой и лишь потом переходить к занятиям по индивидуальным планам. Оля Зарина, Сережа Аршинов, Оля Просвирина, Саша Болдырев и другие ребята уже не первый год занимаются в нашей заочной школе, поэтому они выбирают для предстартовой разминки трудные, но очень полезные упражнения.

Из всех видов состязаний эстафетный бег, пожалуй, самый увлекательный. Правила эстафеты, длину этапов, число участников можно устанавливать по взаимному уговору. Совсем не обязательно проводить эстафету на беговой дорожке. Встречные, кольцевые, звездные, комбинированные эстафеты можно организовать на улице, на футбольном поле, на лугу, на лесной поляне.

Часто ребята и не подозревают, что в их местности есть и другие ячейки школы «Спринт». Надо приглядываться — не тренируются ли где поблизости юные бегуны. Узнать об этом можно и через редакцию «Костра».

НА СТА КЛЕТКАХ

Коля Травкин прибыл в Ригу. И сразу — в клуб, где сражались советская и голландская команды. Да, тут собрались сильнейшие! Нашу команду возглавлял, как гласила надпись на столике, сам чемпион мира гроссмейстер Андрис Андрейко.

— Я — рыцаренок из АРЧЕБЕКА, — представился ему Коля, когда тот сделал ход и отошел от столика.

— Слыхал, слыхал о вашей доблестной Армии! — улыбнулся гроссмейстер. — Что же ты хочешь?

— Не скажете ли вы, как стали чемпионом? Кого победили в матче?

— В матче, говоришь? Ты, видно, меряешь шахматной меркой: там, действительно, чемпион мира всегда определяется в матче, то есть в борьбе один на один. Но в шашках не так. У нас чемпион выявляется не только в матче, но и в турнире: он обязан быть сильнейшим и в том и в другом.

— А разве не все равно — матч или турнир? Ведь шашки те же!

— Э, нет! Борьба турнирная от матчевой отличается! В матче ты целый месяц изо дня в день сражаешься с одним и тем же противником и можешь хорошо изучить его. А в турнире играют сразу 20 человек. С каждым надо сыграть только по одной партии. А ведь у любого своя манера игры: один уклоняется от риска; другой, наоборот, такие ходы делает, словно на острие ножа танцевать хочет; третий стремится только к ничьей; четвертый — только к победе... Да и по силе все различаются. Сядешь с очередным противником — и все тебе неясно: каков он? Как выгоднее вести с ним бой?

— И вы, значит, стали чемпионом мира в турнире?

— Да, в турнире, который проходил в прошлом году в итальянском городе Больцано. А вообще первенство мира по шашкам разыгрывается так. В високосные годы проводится турнир, называемый Олимпийским. Победитель его провозглашается чемпионом мира и до нового Олимпийского турнира должен защищать свой титул в матчах. Право вызвать его на матч предоставляется, в первую очередь, прежнему чемпиону, утерявшему в турнире титул. А им был вон тот шашист из нашей команды. Поговори с ним, а то мне надо играть.

Коля подошел ко второй доске. «Экс-чемпион мира, гроссмейстер Исер Куперман» — было там написано.

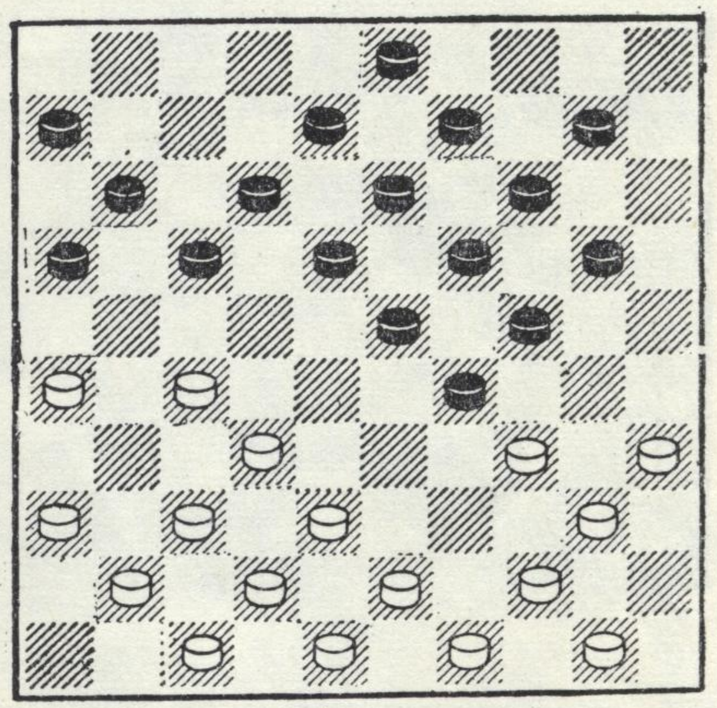
— Вы вызвали Андриса Андрейко на матч? — спросил Коля.

— Вызвал! И как раз вчера подписали соглашение о том, что матч будем играть в октябре этого года в Москве. Сыграем 20 партий. Кто наберет 10,5 очка — тот победитель.

— А если у обоих будет по 10?

— Тогда победителя в матче нет, но титул сохранится за Андрейко.

— Ясно. А скажите, товарищ гроссмейстер: почему за ваш столик — не на ваш стул, а на другой — сел какой-то мальчишка?

— Какой еще мальчишка? — оглянулся Куперман. — Это же мой противник — голландец Харм Виерсма! Правда, ему всего 15 лет, но играет он просто замечательно! Здесь в Риге я у него ни одной партии не могу выиграть. Да и Андрейко у него ни разу не выиграл. Ведь Харм, как и 19-летний Тони Сейбрандс, надежда шашистов Голландии. Голландцы мечтают о том, что Тони или Харм вернут их стране чемпионский титул. И кто знает? Ведь в свои 15 лет Харм, как показал последний Олимпийский турнир, сейчас пятый по силе шашист на нашей планете! Шутка ли! А что будет еще через год-два? Давай я тебя с ним познакомлю.

С помощью переводчика Коля разговаривал с Хармом, и тот рассказал, что в Голландии шашки — третий по значению (после велосипеда и футбола) вид спорта, что даже во многих школах введены занятия по шашкам. А узнав об АРЧЕБЕКЕ, Харм передал свою позицию. «Пусть ваши рыцари попробуют найти тут комбинацию за белых!» — сказал он. Хотя доска стоклеточная, но комбинация проводится по русским правилам (*см. диаграмму*).

Когда встреча команд закончилась — наши победили со счетом 15,5:14,5 — Коля опять подошел к Куперману:

— Как же это, товарищ гроссмейстер? У них в школах шашки изучают, а у нас? Так они отберут первенство мира!

— Ничего, ничего... Пока не так страшно... У них — в школах, а у нас зато в Домах пионеров. А в вашем АРЧЕБЕКЕ?! У вас же есть, например, арчебековец Боря Шавердян из Тбилиси! Он учится в 7-м классе, ему только что исполнилось 13 лет, а ведь он уже добился огромных успехов: выполнил норму кандидата в мастера, завоевал второй приз в первенстве Тбилиси среди взрослых, победил в турнире на Всесоюзном сборе юношей, опередив нескольких мастеров спорта! Разве нельзя надеяться, что через пару лет он догонит Харма? А другие ваши рыцари! Разве они будут сидеть сложа руки?!

Коля Травкин был в Риге в июле, когда матч на первенство мира еще только предстоял. Но сейчас — в ноябре — он уже закончен, и тот, кто следит за этим состязанием, сможет дописать и прислать в АРЧЕБЕК это поздравление:

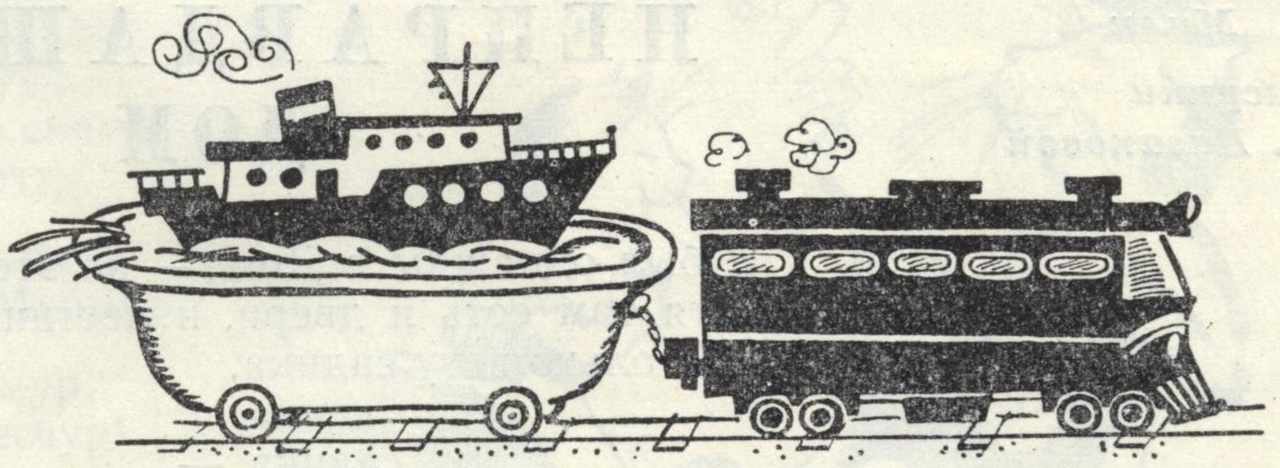
Я, рыцарь . . . . . , поздравляю с победой гроссмейстера . . . . . — чемпиона мира по шашкам!

Озеро сделал завод

Рабочие Ленинградского завода гидромеханического оборудования изготовили для строителей Красноярской гидроэлектростанции гигантскую ванну. Она весит восемьсот тонн.

Стальную ванну отвезут на Енисей, наполнят водой, и она превратится в огромное озеро. Самые большие речные суда смогут свободно заходить в него.

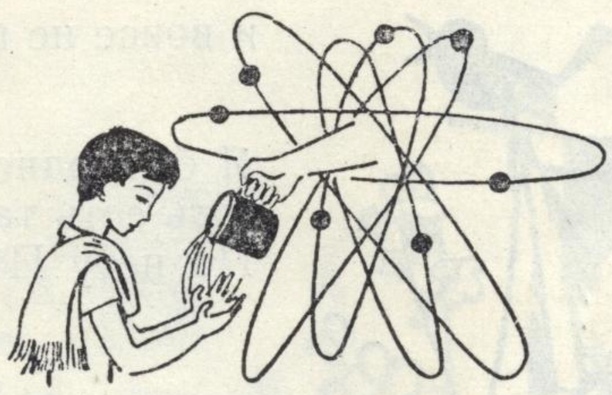
Ванна имеет колеса, и, значит, озеро сможет перемещаться. Да для этого оно и сделано. Оно будет принимать суда, дошедшие до плотины на Енисее, перевозить их по суше и снова выпускать в реку уже за плотиной.

Атом осветит, атом напоит

Высокую оценку специалистов получила модель советской атомной электростанции, которую установят на полуострове Мангышлак.

Станция не только даст свет городу Шевченко и его окрестностям. Жители пустыни будут иметь каждый день 120 тысяч кубических метров питьевой воды, которую шесть специальных опреснителей, входящих в комплекс электростанции, получат из соленой, морской.

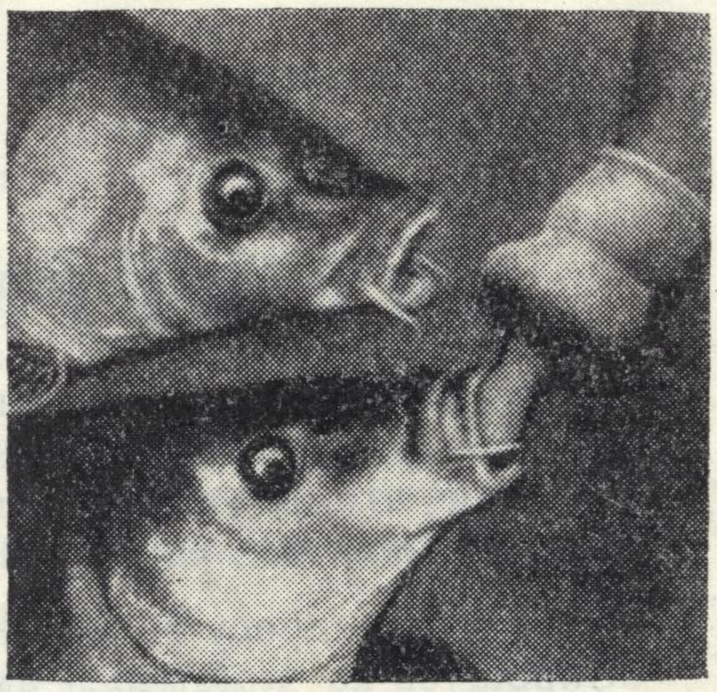
„Восток" — комбинат в море

Со стапелей Адмиралтейского судостроительного завода в Ленинграде сошло самое крупное в мире рыболовное судно «Восток». По сути дела, это огромный комбинат. Четыре месяца «Восток» сможет трудиться в море, не приставая к берегу и обеспечивая работой 14 меньших рыболовных судов.

Лазер в роли строителя

Энергия лучей лазера способна размельчать камни. В настоящее время ученые пытаются использовать эту энергию для рытья туннелей. Такой метод строительства будет значительно дешевле, чем сегодняшний, при помощи динамита.

Где кипел вулкан

Этот необычный огород находится на одном из Канарских островов. Тридцать два года назад Августин Эрнандес Торрес тщательно обработал землю на дне кратера потухшего вулкана. Каждую осень он собирает со своего огорода отличные урожаи.

Дайте рыбе соску

Ученые западногерманского города Гамбурга стали кормить рыб особо ценных видов из специальных бутылок с соской. Полученные данные показали: рыбы стали расти значительно быстрее.

А. Милн

Рисунки
И. Казаковой

НЕПРАВДАШНИЙ ДОМ

Я был однажды в Доме — но это был не Дом,
хотя там есть и двери, и лестница винтом...
Но только нету садика,
садика,
садика, —
и вовсе не похоже
на Дом!

Я был однажды в Доме, — но это был не Дом,
хоть там и дуб, и тополь растут в саду густом...
Но нету белой вишенки,
вишенки,
вишенки, —
и вовсе не похоже
на Дом!

Я был однажды в Доме, — но это был не Дом,
хоть есть там сад вишневый и все бело кругом...
Но нету Птицы Черной,
черной-
пречерной,
и вовсе не похоже
на Дом!

Я был однажды в Доме — вот Настоящий Дом!
Там черный дрозд щебечет над белым
деревцом!
Но жаль — никто не слышит,
не видит,
не знает,
и знать никто не хочет о том!

КОТ МУРМУР

У кошки Мурлетты сыночек Мурмурка:
коротенький хвостик, пушистая шкурка.
И первое, что он увидел на свете,
был огненный мех на огромной Мурлетте.

Из дому без спросу не высунет носу.
«Спрошусь-ка у мамы», — мурлыкал Мурмур.

У кошки Мурлетты сыночек Мурмурка:
порядочный хвост и лохматая шкурка.
И скоро он вырос — не странно ли это? —
таким же большим, как Большая Мурлетта.

Нуждаясь в совете, бежал он к Мурлетте.
«Мы с мамой друзья», — признавался Мурмур.

У кошки Мурлетты сыночек Мурмура:
разбойничий нрав и косматая шкура.
Он вырос громадным и рыскал по свету,
оставив на кухне Большую Мурлетту.

Забыл он, что где-то горюет Мурлетта.
«Отстань от меня!» — огрызался Мурмур.

У кошки Мурлетты сыночек Мурмур.
Он стал вроде Тигра — велик чересчур!
Однажды в саду со словами привета
к нему подбежала Большая Мурлетта.
«А, крошка Мурлетка! Здорово, соседка!» —
лениво и важно промолвил Мурмур.

В ТЕМНОТЕ

Сперва был ужин.
Я сел за ужин.
И съел я ужин,
и встал.
И мне рассказали
про Замарашку
и про
королевский бал.

Потом я мылся
и чистил зубы —
я зубы чистил опять!!
Мне пожелали спокойной ночи.
Меня
отправили спать.

Нисколько не страшно во тьме одному.
Побыть одному хорошо потому,
что, кроме меня — не узнать никому,
во что я играю,
про что я мечтаю
и что я болтаю
себе самому!

И вот я играю, во что захочу,
мечтаю, про что захочу.
И вот — хохочу, над чем захочу,
о чем захочу — молчу.

Со мною дружит Кролик...
Меня зовет Пингвин...
Я заменяю СОТНЮ —
ОДИН!
Я сплю в лесу зеленом...
В пещере сплю сырой...
Я говорю с Драконом —
Герой!

Ворочаюсь в постели —
на разные бока...
Эх, поиграем завтра!
Эх, помечтаем... завтра...
Эх, по... смеемся... зав...тра...
Ура-а!
ПОКА.

Перевела с английского Н. Слепакова

ЭМИЛЬ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ

ПОВЕСТЬ

Астрид Линдгрен

Рисунки Бьёрна Берга

Ребята, вы, наверное, знаете прекрасные книжки знаменитой шведской писательницы Астрид Линдгрен: «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинный чулок» и «Мио, мой Мио». А быть может, вы читали также ее повести «Расмус-бродяга» и «Приключение знаменитого сыщика Калле Блюмквиста». В последних повестях Линдгрен «Эмиль из Лённеберги» и «Новые проделки Эмиля из Лённеберги» рассказывается о веселых проказах маленького сорванца, о том, как в недавние времена этот мальчик вносил некоторое разнообразие в сонную и скучную жизнь захолустного шведского хутора.

Эмиль из Лённеберги. Так звали мальчика, который жил на хуторе Катхульт близ Лённеберги. Это был маленький сорванец и упрямец, вовсе не такой славный, как ты. Хотя на вид симпатичный парнишка, что правда, то правда. И то пока не поднимет крика. Глазенки у него были круглые и голубые. Мордашка тоже круглая и розовощекая, волосы светлые и вьющиеся. Посмотришь на него — ну, просто ангелочек. Только не умиляйся раньше времени. Эмилю было пять лет от роду, но силой он не уступал молодому бычку. Жил он на хуторе Катхульт близ Лённеберги в провинции Смоланд. И разговаривал он, плутишка этакий, по-смоландски. Но тут уж ничего не поделаешь! Если ему хотелось надеть свой картуз, он не говорил, как ты: «Хочу картузик», а картавил: «Хоцу кагтузик!» Его картузик был всего-навсего обыкновенной кепчонкой с черным козырьком и синим верхом, страшно неказистой. Ее однажды купил отец, когда ездил в город. Эмиль обрадовался обновке и вечером, ложать спать, сказал:

— Хоцу кагтузик!

Его маме не понравилось, что Эмиль собрался спать в кепке, и она хотела повесить ее на крючок в сенях. Но Эмиль завопил так, что стало слышно по всей Лённеберге:

— Хоцу кагтузик!

И целых три недели Эмиль спал в кепке каждую ночь. Что ни говори, у него этот номер прошел, хотя для этого и пришлось ему побузить. Главное — Эмиль всегда добивался того, чего хотел. В этом он был верен себе. И уж во всяком случае никогда не делал того, чего хотела его мама. Однажды на рождество она попыталась уговорить его поесть тушеных бобов: ведь овощи так полезны детям. Но Эмиль наотрез отказался:

— Нет!

— Ты что ж, совсем не будешь есть зелень? — спросила мама.

— Буду! — ответил Эмиль. — Только взаправдашнюю зелень.

И, притаившись за рождественской елкой, Эмиль принялся грызть зеленые веточки.

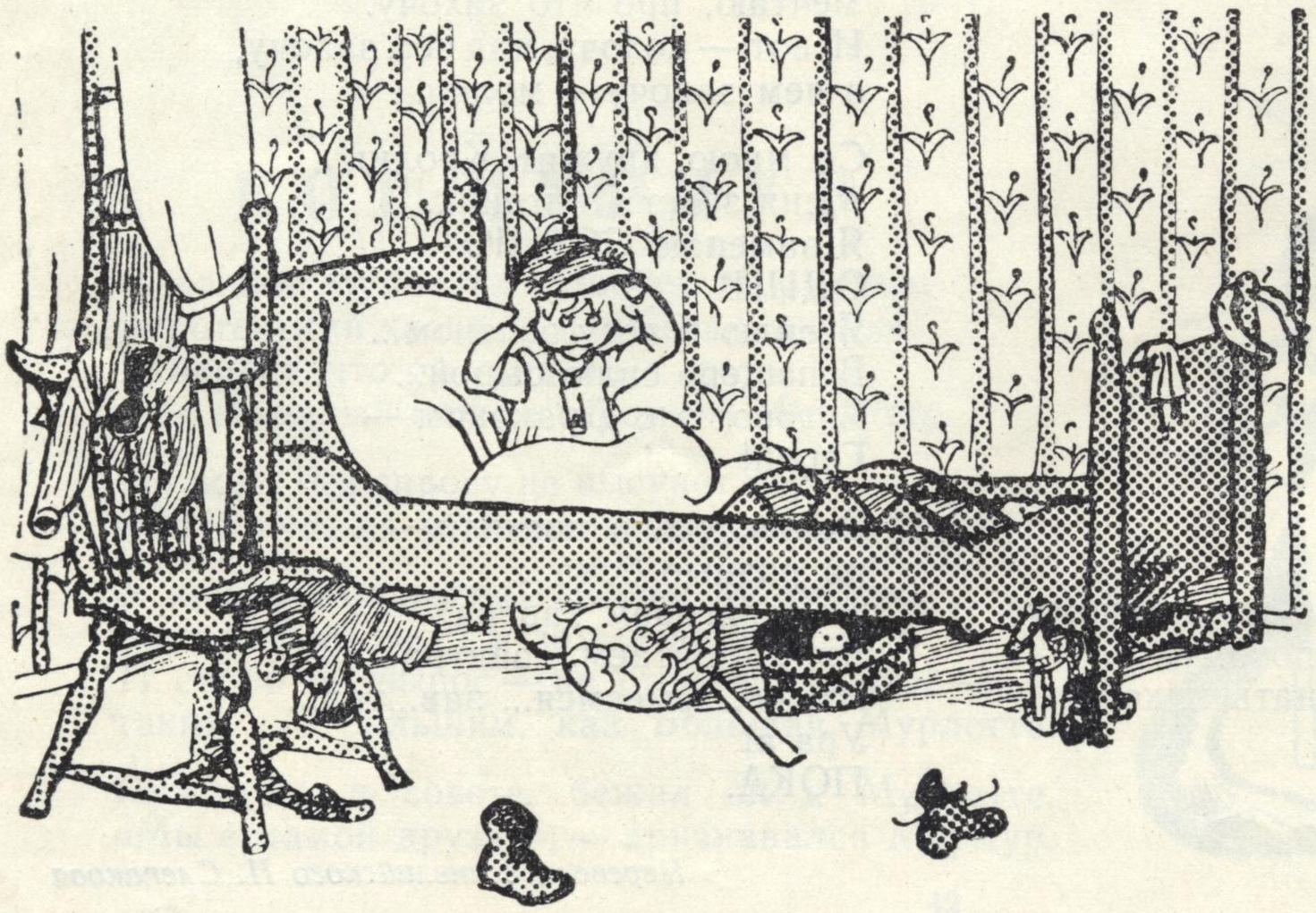
Но скоро ему надоело это занятие, уж больно кололись елочные иголки.

Упрямец был этот Эмиль. Он хотел командовать мамой и папой и всем хутором Катхульт, а может, и всей Лённебергой. Но лённебержцы не хотели ему подчиниться.

— Жаль этих Свенсонов из Катхульта, — говаривали они. — Ну и сорванец у них мальчонка! Ничего путного из него не выйдет, это уж как пить дать!

Подумать только, лённебержцы верили тому, что говорят. Представляешь! Если бы они знали наперед, что станет с Эмилем, они бы так не говорили...

Но не будем забегать вперед, а расскажем по порядку о том, что случилось, когда Эмиль был маленький и жил на хуторе Катхульт близ Лённеберги, в Смо-

ланде, со своим папой, которого звали Антоном Свенсоном, и своей мамой, которую звали Альмой Свенсон, и со своей сестренкой Идой. Был у них в Катхульте еще батрак, которого звали Альфредом, и служанка, которую звали Линой.

Теперь ты знаешь всех, кто жил в Катхульте: папу Антона, маму Альму, младшую сестренку Иду, Альфреда и Лину. Добавь к этому двух лошадей, нескольких волов, восемь коров, трех поросят, десяток овец, пятнадцать кур, петуха, кошку и собаку. Да еще Эмиля.

Катхульт был небольшим уютным хуторком. Ярко-красный хозяйский дом возвышался на холме средь яблонь и сирени, а кругом лежали поля, луга, пастбища, озеро и огромный-преогромный лес.

Как спокойно и мирно жилось бы в Катхульте, не будь там Эмиля!

— Ему бы все проказить, этому мальчишке, — сказала как-то Лина. — А коли и не проказит, все одно: с ним так и жди беды. В жизни не видывала этакого пострела.

Но мама Эмиля взяла его под защиту:

— Эмиль вовсе не плохой, — сказала она. — Смотрика, сегодня он лишь разок ущипнул Иду да пролил сливки, когда пил кофе. Вот и все проказы. Ну, еще гонялся за кошкой вокруг курятника. Нет, что ни говори, он стал куда спокойнее и добрее.

И верно, про Эмиля не скажешь, что он был злой. Он очень любил и сестренку Иду, и кошку. Но Иду ему пришлось ущипнуть, иначе она ни за что не отдала бы бутерброд с повидлом. А за кошкой он гонялся без всякого дурного умысла: просто хотел посмотреть, кто быстрее бегает, а кошка его не поняла.

Так было седьмого марта. Именно в этот день Эмиль был такой добрый, что только разок ущипнул Иду, пролил сливки и гонялся за кошкой. А теперь послушай, что приключилось с Эмилем в другие, более богатые событиями дни. Неважно, просто ли он проказил, как говорила Лина, или все получалось само собой, потому что с Эмилем вечно что-нибудь да приключалось. Итак, начинаем:

Вторник, 22-е мая

Когда Эмиль угодил головой в супницу

В тот день на обед в Катхульте был мясной суп. Лина перелила суп в расписанную цветочками супницу, и все вместе за кухонным столом с аппетитом ели суп, в особенности Эмиль. Он любил суп, и это было слышно по тому, как он его хлебал.

— Ты чего так чавкаешь? — удивленно спросила мама.

— А иначе не почувствуешь, что это суп, — ответил Эмиль.

То есть ответил он так:

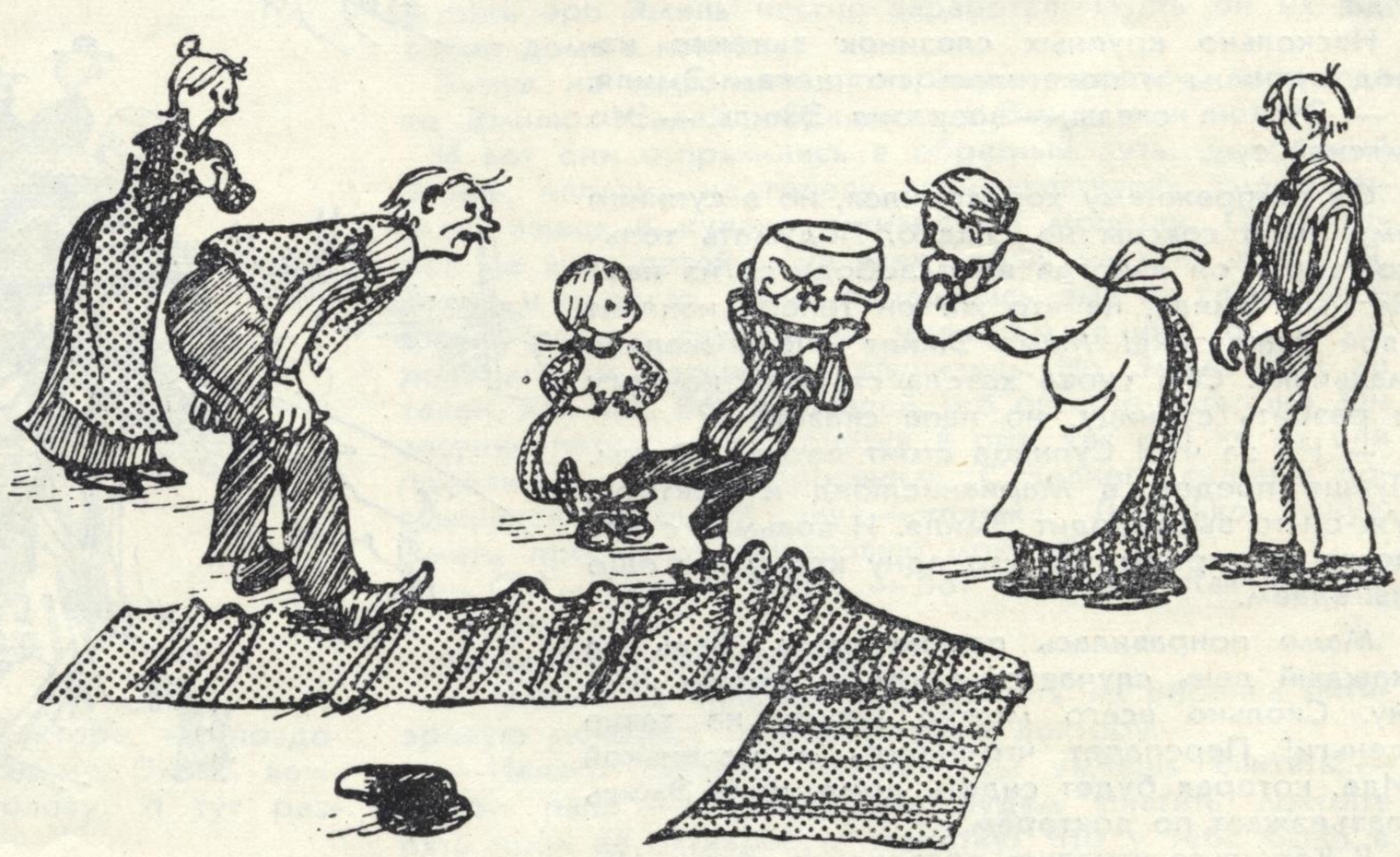
— А инаце не поцувствуешь, цто это суп.

Но что́ нам до этого смоландского говора! Послушай, что было дальше!

Все ели, кто сколько хотел, и скоро супница опустела. Лишь на донышке осталась малюсенькая капелька супу. И эту-то каплю захотел съесть Эмиль. Однако слизнуть ее можно было только всунув голову в супницу. Эмиль так и сделал, и все услыхали, как он причмокнул от удовольствия. Но можете себе представить, Эмиль не мог вытащить голову обратно. Супница плотно сидела на голове. Тут Эмиль перепугался и выскочил из-за стола. Он стоял посреди комнаты, а на голове, словно кадушка, возвышалась супница, сползавшая ему на глаза и уши. Эмиль силился стащить супницу с головы и вопил во весь голос. Лина всполошилась.

— Ах, наша чудесная супница, — запричитала она. — Наша чудесная супница с цветочками. Куда мы теперь станем наливать суп?

Раз голова Эмиля в супнице, понятно, туда уж супа

не нальешь. Это Лина сообразила, хотя вообще-то она была довольно бестолкова.

Но мама Эмиля больше думала о сыне.

— Милые мои, как же нам ребенка из беды вызволить? Давайте разобьем супницу кочергой!

— Ты что, ума лишилась? — сказал папа. — Она ведь стоила целых четыре кроны.

— Попробую-ка я, — сказал Альфред, ловкий и находчивый парень.

Ухватившись за обе ручки супницы, он с силой потянул ее вверх. Ну и что получилось? Вместе с супницей Альфред приподнял и Эмиля. Потому что Эмиль плотно застрял в супнице. Так он и повис в воздухе, болтая ногами и желая как можно скорее снова очутиться на полу.

— Отстань... пусти меня... отстань, кому говорят! — кричал он.

И Альфред поставил его на пол.

Теперь все уж окончательно расстроились. Столпившись на кухне вокруг Эмиля, они думали, что же делать. И никто, ни папа Антон, ни мама Альма, ни маленькая Ида, ни Альфред, ни Лина, — никто не мог придумать, как высвободить Эмиля из супницы.

— Ой! Эмиль плачет, — сказала маленькая Ида.

Несколько крупных слезинок вытекло из-под супницы и покатилось по щекам Эмиля.

— Это не слезы, — возразил Эмиль. — Это мясной суп.

Он по-прежнему хорохорился, но в супнице ему было совсем не сладко. Подумать только, вдруг он никогда не освободится из нее? Бедный Эмиль, на что же он теперь напялит свой «кагтузик»? Мама Эмиля очень жалела мальчика. Она снова хотела схватить кочергу и разбить супницу, но папа сказал:

— Ни за что! Супница стоит четыре кроны. Лучше поедем в Марианнелюнд к доктору. Уж он-то высвободит Эмиля. И возьмет с нас всего три кроны, так что одну крону мы еще выгадаем.

Маме понравилась папина затея. Ведь не каждый день случается выгадать целую крону. Сколько всего можно купить на такие деньги! Перепадет что-нибудь и маленькой Иде, которая будет сидеть дома, пока Эмиль разъезжает по докторам.

В Катхульте начались поспешные сборы. На-до было привести в порядок Эмиля, умыть и одеть его в праздничный костюмчик. Причесать его, разумеется, было невозможно. Правда, мама ухитрилась просунуть в супницу палец, чтобы выскрести грязь из Эмилиных ушей, но это кончилось плохо: палец тоже застрял в супнице.

— Тяни его, вот так тяни! — советовала маленькая Ида, а папа Антон здорово разозлился, хотя вообще-то был человек добрый.

— Ну, кто еще? Кому еще охота прицепиться к супнице? — закричал он. — Пожалуйста, не стесняйтесь! Я возьму большой воз из-под сена и заодно свезу к доктору в Марианнелюнд весь Катхульт!

Но тут мама Эмиля сильно дернула руку и вытащила палец из супницы.

— Видно, не мыть тебе сегодня ушей, — сказала она, подув на палец.

У края супницы мелькнула довольная улыбка, и Эмиль мрачно сказал:

— Хоть какой-то прок от этой супницы.

Тут Альфред лихо подкатил повозку к крыльцу, и Эмиль вышел из дома. Он был такой нарядный в полосатом праздничном костюмчике, в черных ботинках на пуговках и с супницей на голове. По правде говоря, супница на голове была, пожалуй, и ни к чему, но яркая и пестрая, она, если на то пошло, напоминала какую-то необычайно модную летнюю шляпку. Плохо только, что супница то и дело съезжала Эмилю на глаза.

Все готовы, пора ехать в Марианнелюнд.

— Присматривай без нас хорошенько за Идой! — закричала Лине мама Эмиля.

Она устроилась на переднем сиденье рядом с папой. На заднем сиденье восседал Эмиль с супницей на голове. Рядом с ним лежал его «кагтузик». Ведь не возвращаться же с непокрытой головой. Хорошо, что он вспомнил о своей кепчонке!

— Что стряпать на ужин? — закричала Лина, лишь только повозка тронулась в путь.

— Что хочешь! — крикнула в ответ мама. — Не до того мне сейчас!

— Тогда сготовлю мясной суп! — сказала Лина.

И тут же, увидев, как яркая, в цветочках, супница исчезает за поворотом, она вспомнила о случившемся и, обернувшись к Альфреду и маленькой Иде, грустно сказала:

— Вместо супа будет кровяная колбаса и шпиг!

Эмиль уже не раз ездил в Марианнелюнд. Ему нравилось сидеть высоко на облучке и смотреть, как петляет дорога, нравилось разглядывать хутора, мимо которых они проезжали, тамошних ребятишек, собак, лаявших у калиток, и лошадей и коров, которые паслись на лугах. Однако на этот раз поездка была не из веселых. На этот раз он сидел с супницей на голове. Она совсем закрыла ему глаза, и он ничего не видел, кроме носков своих собственных ботинок, которые с трудом различал сквозь узкую щель из-под супницы. Поминутно ему приходилось спрашивать отца:

— Где мы сейчас? Уже проехали «Блины»? Скоро «Поросенок»?

Эмиль сам придумал эти названия для всех хуторов вдоль дороги. Один он назвал «Блины», потому что однажды, проезжая мимо, видел, как двое толстых мальчишек у калитки уписывали за обе щеки блины. «Поросенком» он окрестил другой хутор в честь маленького резвого поросенка, которому иногда чесал спинку.

Теперь Эмиль мрачно сидел сзади, уставившись на носки своих ботинок, и не видел ни блинов, ни поросят. Не удивительно, что он все время ныл:

— Где мы сейчас? Скоро ли Марианнелюнд?..

В приемной у доктора было полно народа, когда туда вошел Эмиль с супницей на голове. Все, кто сидел в приемной, пожалели Эмиля, и понятно: с ребенком стряслась беда. Только один плюгавенький ехидный старикашка при виде мальчика не удержался от смеха, словно это так весело — застрять в супнице.

— Хо-хо-хо! — смеялся старикашка. — Уши у тебя, что ли, зябнут, малыш?

— Не-а, — отозвался Эмиль.

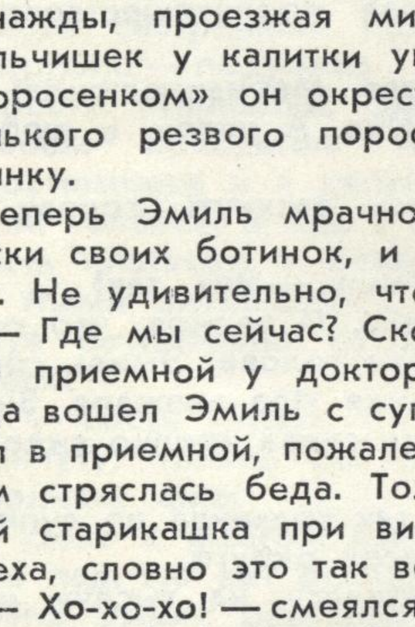
— Зачем же ты тогда нацепил этот колпак? — спросил старикашка.

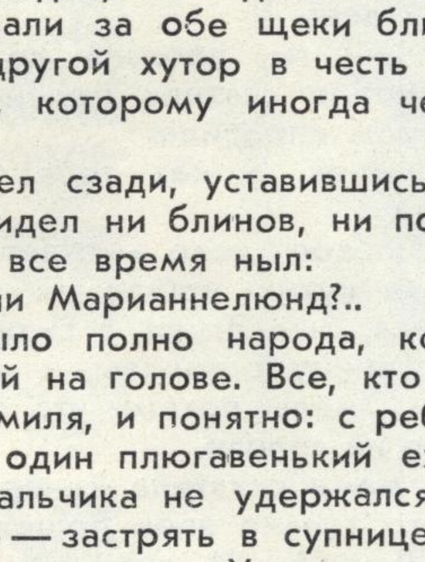
— Чтоб уши не озябли, — ответил Эмиль.

Он за словом в карман не лез, даром, что был мал.

Но тут Эмиля позвали к доктору. Доктор не смеялся, он только сказал:

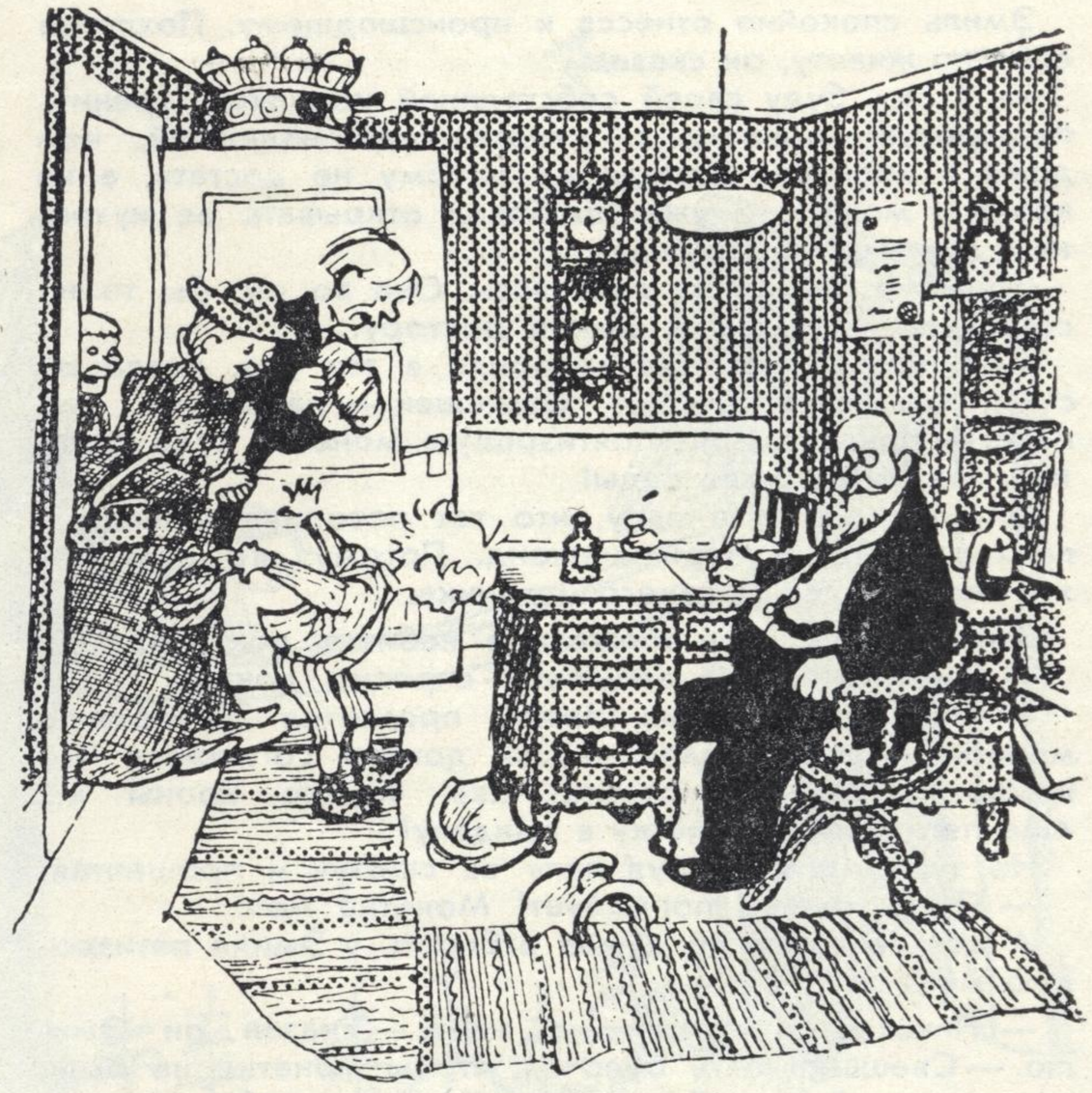
— Здравствуй, здравствуй! Что ты там делаешь, в супнице?

Эмиль не мог, конечно, видеть доктора, но поздороваться с ним было просто необходимо. Эмиль вежливо поклонился, низко склонив голову. И тут раздался звон:

— Дзинь!

Супница, расколотая на две половинки, лежала на полу. Потому что Эмиль трахнулся головой о стол доктора.

— Плакали наши четыре кроны, — тихонько сказал папа маме.

Но доктор его услыхал.

— Нет-нет, одну крону вы все-таки выгадали, — заметил он. — Когда я вытаскиваю из супниц маленьких мальчиков, я беру за это пять крон. А на этот раз он сам себя вылечил.

И папа очень обрадовался. Он даже был благодарен Эмилю за то, что тот разбил супницу и выгадал одну крону. Проворно подняв обе половинки, папа вышел из кабинета с Эмилем и его мамой. На улице мама сказала:

— Подумать только, мы о п я т ь выгадали. На что же мы истратим крону?

— Ни на что, — ответил папа. — Мы ее сбережем. А пять эре Эмиль честно заработал. Пусть он их положит дома в копилку!

Вынув из кошелька пятиэровую монетку, папа дал ее Эмилю. Угадай, обрадовался Эмиль или нет?

И вот они отправились в обратный путь. Довольный Эмиль, напялив на голову свой «кагтузик», сидел позади, зажав в кулаке пятиэровую монетку. Он смотрел на всех детей и на всех собак, на всех лошадей, коров и поросят, какие попадались ему на глаза. Будь Эмиль просто заурядным малышом, с ним бы в тот день ничего больше не случилось. Но Эмиль был не такой, как все. Вот и отгадай, что он еще натворил. Он засунул пятиэровую монетку в рот, как раз когда они проезжали мимо «Поросенка». С заднего сиденья послышался странный звук — «плюк». Легонько икнув, Эмиль проглотил пятиэровую монетку.

— Ой! — сказал Эмиль. — Вот здорово! Как быстро я ее проглотил!

Мама Эмиля запричитала:

— Милые вы мои, как нам достать из ребенка пятиэровую монетку? Едем обратно к доктору.

— Нечего сказать, здорово ты умеешь считать, — сказал папа. — Неужели мы будем платить доктору пять крон за пятиэровую монетку? Что у тебя было в школе по арифметике?

Эмиль спокойно отнесся к происшедшему. Похлопав себя по животу, он сказал:

— Я сам буду своей собственной копилкой, хранить пятиэровую монетку в животе куда надежней, чем дома в копилке. Отсюда ее никому не достать, а из копилки можно. Я уже пробовал открывать ее кухонным ножом, так что знаю...

Но мама Эмиля не сдавалась. Она во что бы то ни стало хотела показать Эмиля доктору.

— Я ведь ничего не говорила в тот раз, когда он съел все пуговицы от штанишек, — напомнила она папе. — Но переварить пятиэровую монетку куда труднее, как бы не было беды!

Она так напугала папу, что тот повернул лошадь и поехал назад в Марианнелюнд. Потому что папа тоже беспокоился за своего мальчика.

Запыхавшись, они вбежали в кабинет доктора.

— Вы что-нибудь забыли? — спросил доктор.

— Нет, только наш Эмиль проглотил пятиэровую монетку, — сказал папа. — Если доктор согласится его немножко прооперировать ...за четыре кроны и... еще пятиэровую монетку в придачу?

Но тут Эмиль дернул папу за сюртук и прошептал:

— Пусть только попробует! Монетка моя!

А доктор вовсе не думал отбирать у Эмиля пятиэровую монетку.

— Никакой операции не надо, — сказал он Эмилю. — Съешь-ка пять булочек, чтобы монетке не было скучно одной и чтобы она не оцарапала тебе животик.

Какой чудесный доктор! Ни эре не взял за совет. Папа был так доволен, что весь сиял, когда вновь вышел на улицу с Эмилем и его мамой.

Мама Эмиля тотчас собралась в булочную фрёкен Андерсон, чтобы купить Эмилю пять булочек.

— Вот еще! — сказал папа. — Булочки есть у нас дома.

Но все же папа сдался, и они пошли к фрёкен Андерсон и купили Эмилю пять булочек. Булочки были очень аппетитные, сдобные и румяные, обсыпанные сахарной пудрой. Эмиль их быстро съел.

— Самое вкусное лекарство в моей жизни, — сказал он.

А у папы на радостях голова пошла кругом. Он сам не ведал, что творил.

— Мы заработали сегодня уйму денег, — весело сказал он и, махнув на все рукой, накупил на целых пять эре мятных леденцов для маленькой Иды.

Знаешь, в те времена дети были глупы и неразумны и не задумывались над тем, беречь ли свои зубы или нет. Теперь дети в Лённеберге не едят столько конфет, зато у них зубы крепкие.

Затем хуторяне покатили обратно в Катхульт. Едва переступив порог, еще в сюртуке и шляпе, папа принялся склеивать супницу. Это было проще простого, она ведь раскололась на две равные половинки. Лина так обрадовалась, что даже запрыгала и закричала Альфреду, который распрягал лошадь:

— В Катхульте снова будет мясной суп!

Неужто Лина и вправду в это поверила? Должно быть, она забыла про Эмиля.

В тот вечер Эмиль совсем заигрался с маленькой Идой. На лужайке между громадными валунами он построил сестренке шалаш. Ей было страшно весело. А щипал он ее совсем легонько и только тогда, когда ему хотелось получить леденец.

Но тут начало смеркаться, и Эмиль с маленькой Идой стали подумывать, не пора ли спать. Они забежали на кухню посмотреть, нет ли там мамы. Ее там не было. И вообще никого там не было. Там была только супница: уже склеенная, она красовалась на столе. Эмиль и маленькая Ида, прильнув к столу, уставились на чудо-супницу, которая пропутешествовала целый день.

— Ишь ты, доехала до самого Марианнелюнда! — с завистью сказала маленькая Ида. А потом с любопытством спросила:

— Эмиль, а как тебе удалось засунуть голову в супницу?

— Плевое дело, — ответил Эмиль. — Вот так!

Тут в кухню вошла мама Эмиля. И первое, что она увидела, был Эмиль с супницей на голове. Эмиль срывал супницу с головы, а маленькая Ида визжала. Визжал и Эмиль, потому что супница снова крепко сидела у него на голове.

Тут мама схватила кочергу и так трахнула по супнице, что только звон пошел по всей округе.

— Дзинь! — И супница разлетелась на тысячу маленьких черепков. Дождь осколков окатил Эмиля.

Папа был в овчарне, но, услышав звон, кинулся на кухню. Застыв на пороге, он молча переводил взгляд то на Эмиля, то на черепки, то на кочергу в руках у мамы. Ни слова не проронил папа. Повернулся и ушел обратно в хлев.

Вот теперь ты примерно знаешь, каков был Эмиль.

Эта история с супницей случилась во вторник 22 мая. Но, может, ты захочешь услышать и о другой проделке Эмиля?

Воскресенье, 10-е июня

Когда Эмиль поднял на флагшток маленькую Иду

В воскресенье 10 июня в Катхульте был праздник. Ожидалось великое множество гостей из Лённеберги и из других мест. Мама Эмиля начала готовить угощение еще загодя.

— В копеечку влетит нам этот праздник, — сетовал папа. — Но пировать, так пировать! Нечего скряжничать! Хотя биточки можно было бы лепить чуть поменьше.

— Я делаю биточки, какие надо, — сказала мама. — В меру. В меру большие, в меру круглые, в меру поджаристые.

Так она и стряпала. Она готовила копченую грудинку, телячьи котлеты, салат с селедкой и маринованную сельдь, яблочный торт, запеченного угря, тушеное и жареное мясо, пудинги, две большущих сырных лепешки и особую, необыкновенно вкусную колбасу. Отведать этой знаменитой колбасы гости охотно приезжали издалека, даже из Виммербю и Хюльтсфреда.

Эмиль тоже очень любил эту колбасу.

Денек для праздника выдался на славу. Сияло солнце, цвели яблони и сирень, заливались птицы, и весь хутор Катхульт, раскинувшийся на холме, был прекрасен, точно сон. Всюду был наведен порядок: двор расчищен граблями, дом прибран, еда настряпана. Все было готово к приезду гостей. Не хватало только одного.

— Ой, мы забыли поднять флаг! — сказала мама.

Ее слова будто подстегнули папу. Он помчался к флагштоку, а следом за ним мчались Эмиль и малень-

кая Ида. Им хотелось посмотреть, как на верхушке флагштока взовьется флаг.

— Сдается мне, праздник нынче удастся! — сказала мама Эмиля Лине, когда они остались на кухне вдвоем.

— Только перво-наперво надо бы запереть Эмиля, так будет вернее, а то как бы чего не случилось, — заметила Лина.

Мама Эмиля укоризненно на нее посмотрела, но ничего не сказала.

Дернув головой, Лина пробормотала:

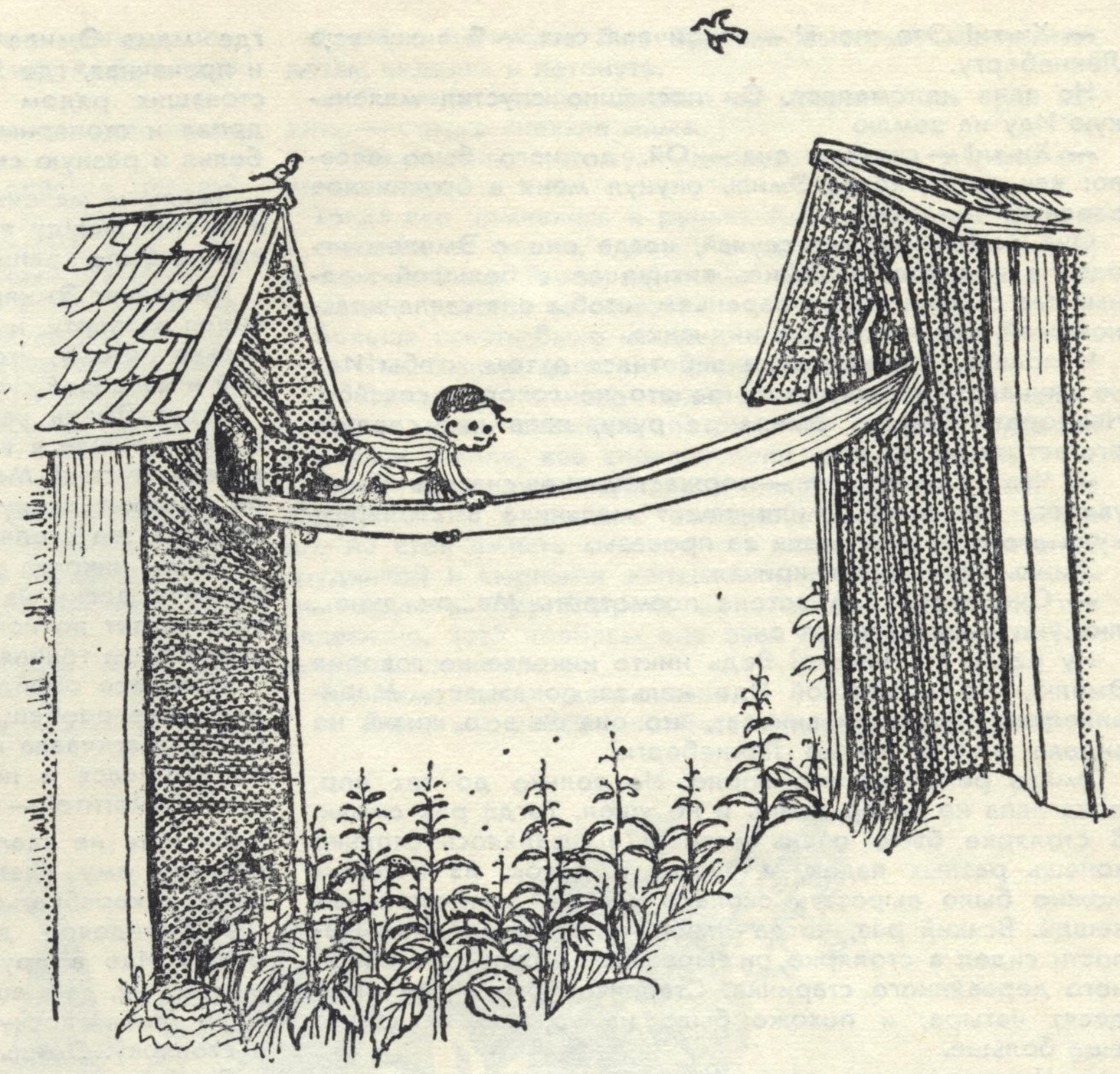
— Мне-то что! Поживем, увидим!

— Эмиль чудный малыш! — решительно заявила мама.

В окошко было видно, как «чудный малыш» носится как угорелый по лужайке, играя со своей сестренкой. «До чего оба хороши! — подумала мама. — Ну просто прелесть». Эмиль был в своем полосатом праздничном костюмчике и в кепке на кудрявой головке, а Ида в новом красном платьице с белым пояском.

Мама заулыбалась. Но, взглянув беспокойно на дорогу, сказала:

— Гости будут с минуты на минуту; только бы Антон успел поднять флаг.

Дело с флагом как будто шло на лад. Но вот досада! Не успел папа Эмиля развернуть флаг, как со скотного двора прибежал Альфред и закричал:

— Корова телится! Корова телится!

Понятно, это была Брука — ну и вредная же корова! Приспичило ей телиться, когда дел по горло и вот-вот поднимут флаг. Папа кинул флаг и помчался на скотный двор. У флагштока остались Эмиль с Идой. Закинув голову, Ида любовалась позолоченным шариком на верхушке флагштока.

— Как высоко! — сказала она. — Оттуда сверху небось все видать до самого Марианнелюнда?

Эмиль призадумался. Но ненадолго.

— А мы сейчас проверим, — сказал он. — Хочешь, я тебя туда подниму?

Маленькая Ида засмеялась от радости. Какой Эмиль добрый! И чего только он не придумает!

— Еще бы не хотеть! Увидеть Марианнелюнд! — сказала Ида.

— Сейчас увидишь, — пообещал Эмиль.

Он взял крюк, к которому прикрепляли флаг, и, крепко зацепив его за поясок Иды, обеими руками потянул за веревку.

— Ну, поехали! — сказал Эмиль.

— Хи-хи! — залилась маленькая Ида.

И поехала наверх. На самую верхушку флагштока. Затем Эмиль ловко закрепил веревку внизу, точь-в-точь как делал папа. Ему вовсе не хотелось, чтобы Ида свалилась вниз и разбилась. И вот она уже висит наверху куда надежнее и аккуратнее, чем, бывало, раньше висел флаг.

— Видишь Марианнелюнд? — закричал Эмиль.

— Не-а, — откликнулась маленькая Ида, — только Лённебергу.

— Эка невидаль, Лённеберга... тогда, может, спустить тебя вниз? — спросил Эмиль.

— Не-а, пока нет! — кричала Ида. — Смотреть на Лённебергу тоже интересно... Ой, гости едут!

И верно, в Катхульт прикатили гости. Лужайка перед скотным двором вся была уже забита повозками и лошадьми. Но вот гости хлынули во двор и чинно зашагали к дому. Впереди всех шествовала сама фру Петрель. Она приехала на дрожках из Виммербю только затем, чтобы отведать колбасу матушки Альмы. Да, фру Петрель была шикарная дама в шляпе со страусовыми перьями и вуалью.

Фру Петрель с удовольствием огляделась. Катхульт всегда был на редкость красив, а сейчас, залитый солнечным светом, в яблоневом и сиреневом цвету, он казался особенно праздничным. И даже флаг был поднят... Да, поднят. Фру Петрель увидела его, хотя и была чуть близорука.

Флаг?! Внезапно фру Петрель остановилась в замешательстве. И чего только не взбредет в голову Свенсонам из Катхульта, просто диву даешься.

Папа Эмиля как раз выходил со скотного двора, и фру Петрель крикнула ему:

— Любезный Антон, что это значит? Почему вы подняли Даннебро?

Эмиль стоял рядом с фру Петрель. Он не знал, что за штука такая Даннебро. Он понятия не имел, что так называется красно-белый флаг Дании, страны, где живут датчане. Но он отлично знал, что красно-белое на верхушке флагштока — никакой не Даннебро.

— Хи-хи! — усмехнулся Эмиль. — Это ведь маленькая Ида.

И маленькая Ида на верхушке флагштока тоже засмеялась.

— Хи-хи! Это же я! — закричала она. — Я вижу всю Лённебергу.

Но папа не смеялся. Он поспешно спустил маленькую Иду на землю

— Хи-хи! — сказала она. — Ой, до чего было весело: как тогда, когда Эмиль окунул меня в брусничное варенье!

Она вспомнила тот случай, когда они с Эмилем играли в индейцев и Эмиль пихнул ее в большой медный таз с брусничным вареньем, чтобы она стала краснокожей, как настоящая индианка.

И правда, Эмиль всегда заботился о том, чтобы Ида не скучала. Но никто ему за это не говорил спасибо. Наоборот! Схватив Эмиля за руку, папа как следует его встряхнул.

— Что я говорила, — торжествующе сказала Лина, увидев, как папа Эмиля тащит мальчика в столярку, куда его обычно сажали за проказы.

Эмиль извивался и кричал.

— Она ведь сама хотела посмотреть Ма...ри...анне... лю...унд, — всхлипывал он.

Ну разве это честно? Ведь никто никогда не говорил Эмилю, что маленькой Иде нельзя показывать Марианнелюнд. Разве он виноват, что она за всю жизнь не видела ничего, кроме Лённеберги?

Эмиль ревел во все горло. Но только до тех пор, пока папа не запер дверь и не ушел. Тогда рев смолк. В столярке было очень уютно. Там валялось сколько хочешь разных палок, и чурок, и досок, из которых можно было вырезать сколько хочешь замечательных вещей. Всякий раз, когда Эмиль после очередной шалости сидел в столярке, он вырезывал маленького смешного деревянного старичка. Старичков было уже пятьдесят четыре, и похоже было на то, что их станет еще больше.

— Чихал я на их дурацкий праздник, — сказал Эмиль. — Пусть папа сам теперь вешает флаг, без меня! А я выстругаю новенького деревянного старичка и буду всегда злой и все меня станут бояться.

Эмиль, конечно, знал, что его скоро выпустят. Долго его никогда в столярке не держали.

«Будешь сидеть до тех пор, пока хорошенько не раскаешься в своей проделке, — обычно говорил папа, — и не вздумай приниматься за старое».

Но Эмиль был настолько благоразумен, что редко повторял одну и ту же проделку дважды, он всегда придумывал новые.

Теперь он стругал своего деревянного старичка и думал об истории с флагштоком. Много времени на это у него не ушло. Нечего голову ломать, лучше уж постругать всласть.

Потом Эмилю захотелось выйти из столярки. Видно, там на празднике совсем о нем забыли. Он ждал и ждал, но никто за ним не приходил. Тогда Эмиль начал размышлять, как бы ему самому выбраться отсюда.

«Может, через окошко?» Окошко было высоко, под самой крышей, но Эмиль без труда добрался до него по доскам, наваленным грудой у самой стены.

Отворив окошко, Эмиль собрался было спрыгнуть вниз, но увидел, что земля сплошь поросла крапивой. Это ужасно — прыгать в крапиву! Однажды Эмиль уже проделал такую штуку только чтобы попробовать, как она жжется. Теперь он уже знал как, и повторяться ему не хотелось.

— Я еще в своем уме, — сказал Эмиль, — нет уж, придумаю что-нибудь получше.

Если тебе случалось бывать на таком хуторе, как Катхульт, ты сам знаешь, сколько там нагорожено всяких строений и пристроек. Стоит попасть на хутор — и сразу захочется играть в прятки. В Катхульте были не только конюшни, скотный двор, свинарник, курятник и овчарня, но и множество сараев. Была там коптильня, где мама Эмиля коптила свою знаменитую колбасу, и прачечная, где Лина стирала белье, и еще два сарая, стоявших рядом друг с другом. В одном держали дрова и столярный инструмент, а в другом каток для белья и разную снедь.

Эмиль и маленькая Ида любили по вечерам играть в прятки между всеми этими постройками. Конечно, там, где не было крапивы.

Но сейчас Эмиль вообще не мог ни во что играть. Он сидел взаперти, и нельзя было выбраться отсюда, а все только потому, что маленькая площадка между столяркой и кладовой густо заросла крапивой.

Вдруг Эмиль увидел, что окошко кладовой открыто, и ему пришла в голову необыкновенно удачная мысль, а ведь пустяк! Между окошками столярки и кладовой он положит доску и перелезет по ней. Ему порядком надоела эта столярка, и, вообще, он проголодался.

Эмиль никогда долго не раздумывал. Он мигом перекинул доску из одного окошка в другое, и вот он уже ползет по ней! Это было небезопасно, потому что доска была тонкая, а Эмиль — тяжелый.

«Если все обойдется, отдам Иде моего петрушку», — мысленно пообещал Эмиль. Доска под ним предательски потрескивала и, случайно взглянув вниз на крапиву, он испугался и потерял равновесие.

— Помогите! — завопил Эмиль.

Он чуть не свалился прямо в крапиву, но в последнюю секунду ему удалось зацепиться ногами за доску и снова вскарабкаться наверх. И вот он уже в кладовой.

— Ерундовое дело, — сказал Эмиль. — Отдам петрушку Иде в другой раз... а может, он вообще сломался... ну, да я еще погляжу.

Он пнул доску ногой, и она скатилась обратно в столярку. Эмиль любил во всем порядок.

Подбежав к двери, он подергал ее за ручку. Дверь была заперта.

— Так я и знал, — сказал Эмиль. — Но скоро они придут за колбасой и тогда... угадайте, кто тогда выскочит отсюда?

Эмиль потянул носом воздух. В кладовке пахло чем-то вкусным. Значит, найдется, чем полакомиться. Эмиль внимательно огляделся. Точно, в кладовке было полно еды. Наверху, под самым потолком, нанизанные на жердь, висели копченые окорока и круги кровяной колбасы. Папа Эмиля обожал кровяную колбасу со шпигом и белым соусом. В углу стоял ларь с караваями чудесного душистого хлеба, а рядом — складной стол: на нем лежали желтые головки сыра, красовались глиняные кувшины со свежесбитым маслом. Позади стола примостилась деревянная кадушка с соленым шпигом, а рядом в большом шкафу мама Эмиля держала малиновый сок, маринованные огурцы, чернослив и свое лучшее клубничное варенье. А свою знаменитую колбасу она хранила в шкафу, на средней полке.

Эмиль просто обожал эту колбасу.

Праздник в Катхульте был в полном разгаре. Гости уже попили кофе со сдобными булочками, и теперь все сидели и ждали, когда у них снова разыграется аппетит, чтобы начать все сначала и отведать копченой грудинки, и салата с селедкой, и колбасы, и попробовать многое-многое другое.

Тут мама как закричит:

— Ой, мы совсем забыли про Эмиля! Бедняжка, он уж давно сидит в столярке!

Папа тотчас помчался в столярку, а маленькая Ида следом за ним.

— Ну, Эмиль, выходи! — крикнул папа, отворяя дверь настежь. Угадай, удивился он или нет? В столярке никакого Эмиля не было.

— Он сбежал через окошко, плут этакий! — сказал папа.

Но, выглянув в окошко, он увидел, что крапива под окном густая и пышная, вовсе не примятая. Тут папа перепугался.

«Что-то неладно, — подумал он. — Крапива не помята, по ней никто не ходил».

Маленькая Ида разревелась. Куда девался Эмиль? Лина часто напевала грустную песенку о девочке, которая обернулась белой голубкой и улетела, чтобы не сидеть в ненавистной клетке. Эмиля тоже заперли, и кто знает, не обернулся ли он голубем и не улетел ли от них. Маленькая Ида оглянулась — не видать ли где голубя. Перед столяркой разгуливала, выклевывая червей, лишь одна-единственная жирная белая курица.

Маленькая Ида еще пуще разревелась и, указав на курицу, сказала:

— Может, это Эмиль?

Папа так не думал. Но на всякий случай побежал к маме спросить, не замечала ли она, что Эмиль умеет летать. Нет, мама этого не замечала. В Катхульте поднялся страшный переполох. Какой уж тут праздник. Все бросились на поиски Эмиля.

— Ясное дело, где же ему быть, как не в столярке, — сказала мама папе.

И все кинулись туда, чтобы обыскать все углы.

Но никакого Эмиля в столярке не было. Там было всего-навсего 55 деревянных старичков, выстроившихся рядами на полке. Фру Петрель никогда не видела столько деревянных старичков зараз и удивилась, кто бы это мог их выстругать.

— Кто же как не наш Эмиль! — сказала мама и заплакала. — Он был чудесный малыш.

— Еще бы! — поддакнула, дернув головой, Лина. А потом добавила на чистейшем смоландском наречии:

— Поглядим-ка луце в кладовке!

Для Лины это было совсем не глупо. Все ринулись в кладовую. Но и там никакого Эмиля не было!

Маленькая Ида горько и безутешно заплакала, потом тихонько подошла к белой курице и прошептала:

— Не улетай, миленький Эмиль! Я буду кормить тебя куриной едой, буду таскать тебе полные ведерки воды, только оставайся в Катхульте.

Но курица ничего определенного не пообещала. Она только закудахтала и заковыляла прочь.

Да, досталось беднягам из Катхульта! Где они только не искали! В дровяном сарае и в гладильне — но и там Эмиля не было! В конюшне, на скотном дворе и в свинарнике — но и там Эмиля не было! Тогда они заглянули в колодец — но даже там Эмиля не было. Вообще-то ничего худого пока не случилось, а хозяева и гости ревели все хором. Лённебержцы, приглашенные на праздник, перешептывались:

— Верно, чудный был мальчуган этот Эмиль! И совсем не сорванец! Уж я-то никогда его так не называл!..

— Небось он в ручей плюхнулся, — сказала Лина.

Ручей в Катхульте был бурный, быстрый, маленьким детям недолго и потонуть.

— Ты ведь знаешь, Эмилю не разрешалось туда ходить, — строго сказала мама.

— Хе, именно потому, — дернув головой, дерзко ответила Лина.

Тогда все помчались к ручью. Хотя даже там Эмиля, к счастью, не нашли, слезы у всех потекли в три ручья. А каково было Эмилиной маме! Она-то надеялась, что праздник удастся на славу.

Больше искать было негде.

— Что будем делать? — спросила мама.

— Пожалуй, немного подкрепимся, — ответил папа.

Лучше и не скажешь, потому что покуда горевали и искали Эмиля, все снова успели проголодаться.

Мама сразу же принялась накрывать на стол. Ее слезы капали в салат с селедкой, когда она ставила его на стол вместе с телячьими котлетами и копченой грудинкой и сырными лепешками, и еще многим-многим другим. Фру Петрель облизнулась. Все было так аппетитно, хотя колбасы она еще не видела и это немного беспокоило ее.

Тут мама возьми да и скажи:

— Лина, мы забыли колбасу! Неси-ка ее скорее!

Лина побежала в кладовку. Все терпеливо ждали, а фру Петрель сказала, кивнув головой:

— Наконец-то колбаса! Уж теперь мы полакомимся, несмотря на наше горе.

Тут вернулась Лина, но без колбасы.

— Идемте со мной, — таинственно сказала она. — Я вам что-то покажу.

Вид у нее был чуть странный, но ничуть не более странный, чем обычно, так что не стоило обращать на это внимания.

— Это что еще за глупости? — строго спросила мама Эмиля.

Лицо у Лины сделалось еще более странным, и она тихонько и чудно́ рассмеялась.

— Идемте со мной! — повторила она.

И все, кто был на празднике в Катхульте, последовали гуськом за ней. Слышно было, как она тихонько и чудно́ хихикает. Отворив тяжелую дверь, Лина переступила высокий порог, и все устремились за ней. Она подвела гостей к большому шкафу и, распахнув с грохотом дверцы, указала на среднюю полку, где Эмилина мама обычно хранила свою знаменитую колбасу.

Теперь там никакой колбасы не было. Там был Эмиль.

Он спал. Устроившись на полке посреди колбасной кожуры, он спал, этот чудный мальчик. А его мама так обрадовалась, словно нечаянно обнаружила в шкафу слиток золота. Эка важность, что Эмиль слопал всю колбасу! В тысячу раз лучше найти на этой полке Эмиля, чем даже несколько килограммов колбасы. И папа думал то же самое.

— Хи-хи! — залилась маленькая Ида. — Вот и Эмиль. Он вовсе и не превратился в голубя.

Подумать только, один-единственный мальчонка, нафаршированный колбасой, может осчастливить столько людей! В конце концов праздник в Катхульте удался на славу. Мама отыскала случайно уцелевший кусок колбасы, который Эмиль не в силах был доесть, и он достался фру Петрель к ее величайшей радости. Но и другие гости, которым не досталось колбасы, тоже не ушли домой голодными. Ведь на празднике угощали еще копченой грудинкой, и салатом с сельдью, и тушеным мясом, и пудингом, и запеченным угрем. А под конец гостям подали великолепнейшую сырную лепешку с клубничным вареньем и сбитыми сливками.

— Вкуснее сылной лепески ницего на свете нет, — заявил Эмиль на чистейшем смоландском наречии.

И если тебе довелось когда-нибудь отведать такой сырной лепешки, как катхультовская, ты знаешь: Эмиль сказал правду. Наступил вечер, и над Катхультом, и над всей Лённебергой, над всем Смоландом сгустились сумерки. Папа Эмиля спустил флаг. Эмиль и маленькая Ида стояли рядом и внимательно наблюдали за ним.

Так закончился праздник в Катхульте. Все стали разъезжаться по домам. Повозки одна за другой выезжали на дорогу. Последней укатила на своих дрожках фру Петрель. Эмиль и маленькая Ида слушали, как среди холмов замирает цокот копыт.

— Только бы она не обидела моего крысенка, — озабоченнно сказал Эмиль.

— Какого крысенка? — удивилась Ида.

— Которого я запихнул ей в сумку, — невозмутимо сказал Эмиль.

— А зачем? — спросила маленькая Ида.

— А мне стало жалко крысенка, — ответил Эмиль. — Он еще ничего не видел в своей жизни, кроме шкафа с колбасой. Вот я и подумал: пусть посмотрит хоть Виммербю.

— Только бы Петрелиха его не обидела, — повторила маленькая Ида.

— Как же, не обидит, жди, — сказал Эмиль.

Это случилось 10-го июня, когда Эмиль поднял на флагшток сестренку Иду и съел всю колбасу. Может, послушаешь и дальше о его проделках?

Воскресенье, 18-е июля

Когда Эмиль пожил в свое удовольствие в долине Хюльтсфред

Альфред, тот самый батрак из Катхульта, очень любил детей. Особенно Эмиля. Эмиль вытворял разные проказы и был настоящий сорванец, но Альфред все равно любил Эмиля и даже вырезал ему из дерева прекрасное ружье. С виду оно было как настоящее, хотя, ясное дело, не стреляло. Но Эмиль орал «пиф, паф», и все равно стрелял, так что катхультовские воробьи подолгу боялись показаться на дворе хутора. Эмиль обожал свое ружье и не хотел расставаться с ним даже ночью.

— Хоцу лузье! — вопил он на чистейшем смоландском наречии и совсем не радовался, когда его мама, ослышавшись, вручала ему кепку.

— Не хоцу кагтузик! — орал Эмиль. — Хоцу лузье!

И мама приносила ружье.

Да, Эмиль обожал свое ружье, а еще обожал он Альфреда, который смастерил ему ружье. И не удивительно, что Эмиль расплакался, когда Альфреду пришлось поехать в долину Хюльтсфред отбывать военную службу. Ты, верно, не знаешь, что делают, когда «отбывают военную службу»? Видишь ли, так в прежние времена назывались сборы, на которых учились быть солдатами.

— Подумать только, и надо же такому случиться, как раз когда приспело время сено возить, — сказал папа Эмиля.

Ему вовсе не улыбалось потерять Альфреда в разгар сенокоса, в самую горячую пору. Но ведь командовал не папа, а король со своими генералами. Они и решили, когда парням ехать в долину Хюльтсфред учиться быть солдатами. Правда, Альфред снова вернется домой, когда хорошенько обучится солдатскому ремеслу. А на это много времени не потребуется. Так что Эмилю незачем было реветь. Но он все равно ревел, а заодно с ним и Лина. Потому что не только Эмиль обожал Альфреда.

Альфред не плакал. Он сказал, что там, в Хюльтсфреде, можно пожить в свое удовольствие и веселиться, сколько душе угодно. А когда повозка с Альфредом покатила со двора и все опечаленные домочадцы замахали ему на прощанье, Альфред ухмыльнулся и запел, стараясь всех развеселить. Вот какой куплет он им спел:

В городе Экше в Рённской долине
Шведскую польку пляшут шутя.
А в хуторах на Хюльтсфредской равнине
Кружатся в танцах у нас до утра.
Халли-дайен балли-далли-да,
Халли-дайен балли-далли-да...

Больше из песенки Альфреда они ничего не расслышали, потому что вовсю заголосила Лина, а вскоре повозка с Альфредом скрылась за поворотом.

Мама Эмиля пыталась утешить Лину.

— Не горюй, Лина, — уговаривала она. — Успокойся, восемнадцатого июля в долине Хюльтсфред будет праздник, и мы съездим туда к Альфреду.

— Я тоже поеду в Хюльтсфред. Я тоже хочу навестить Альфреда и пожить в свое удовольствие, — заявил Эмиль.

— И я, — сказала маленькая Ида.

Но мама покачала головой:

— На этих праздниках малышам делать нечего. Вас только потеряешь в такой давке.

— Потеряться в давке все равно весело, — веско сказал Эмиль, но на маму это не подействовало.

Утром восемнадцатого июля папа, мама и Лина поехали на праздник в Хюльтсфред, оставив Эмиля и маленькую Иду дома с Крёсой-Майей, которой велели присмотреть за детьми. Крёса-Майя была совсем тщедушная старушка, иногда она приходила в Катхульт пособить по хозяйству.

Маленькая Ида была добрым и послушным ребенком. Она тотчас забралась к Крёсе-Майе на колени и потребовала жутких-прежутких сказок про привидения. Сказки отвлекли и развеселили Иду.

Другое дело Эмиль. С ружьем в руках он взобрался на пригорок, где стояла конюшня: он просто кипел от злости.

— Дудки, меня не проведешь, — сказал Эмиль. — Я тоже поеду в Хюльтсфред и поживу в свое удовольствие. Чем я хуже других. Решено. Поняла Юллана?

С этими словами он обратился к старой кобыле, которая паслась на лужайке за конюшней. Был в Катхульте и молодой жеребец, его звали Маркус. Но в эту минуту Маркус бежал по дороге в Хюльтсфред, увозя маму и папу и Лину. Да, некоторым так можно уезжать из дома и веселиться!

— Ничего! Еще кое-кто поскачет за ними следом, да так быстро, что только ветер засвистит в ушах! — сердито пробурчал Эмиль. — Едем, Юллана!

Так оно и вышло. Эмиль накинул на кобылу узду и повел ее с лужайки.

— Не бойся, — сказал он лошади. — Альфред обрадуется, когда я приеду, а ты наверняка подыщешь себе под пару какую-нибудь старую добрую кобылку. Будете вместе ржать, раз уж ты не можешь, как я, пожить в свое удовольствие.

Он подвел Юллану к калитке, потому что ему нужно было на что-нибудь влезть, чтобы вскарабкаться ей на спину. Ух, и хитер был этот мальчишка!

— О-ля! — сказал Эмиль. — Халли-дайен, халли-дайен! Да, а попрощаться с Крёсой-Майей? Ну, ладно, попрощаемся, когда вернемся назад.

Юллана затрусила вниз с холма. На спине у нее гордо восседал Эмиль, держа ружье наперевес. Ружье он, конечно, прихватил с собой. Раз Альфред солдат, то Эмиль тоже надумал пойти в солдаты. У Альфреда — винтовка, у Эмиля — ружье. Это все едино, теперь оба они солдаты. Иначе и быть не может, решил Эмиль.

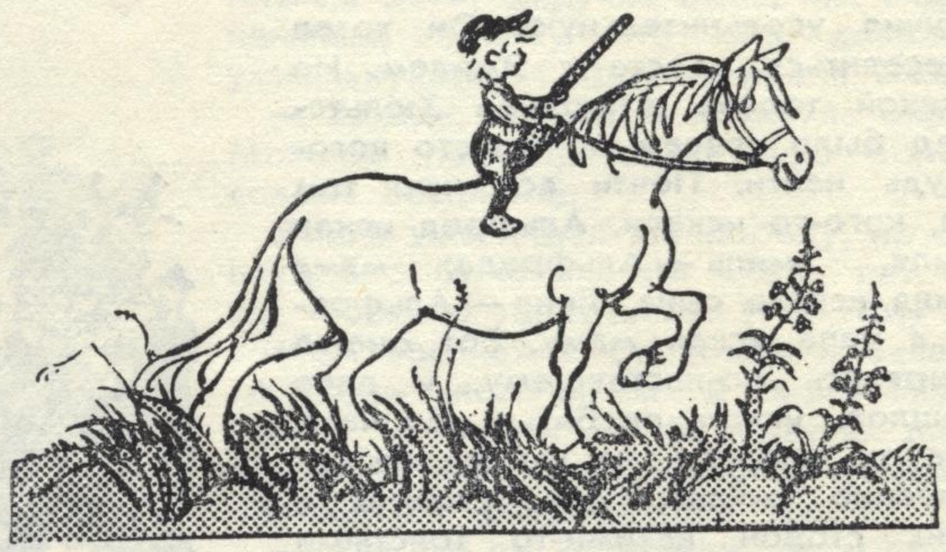
Юллана была совсем старой. Лошадка не спеша трусила по холмам, а чтобы она не утратила интереса к путешествию, Эмиль напевал ей песенку на чистейшем смоландском наречии:

Кобылка чуть тлусит лысцой.
Совсем плох конь, совсем больной.
Ну, не беда!
Везет кагтузик да меня!
Долога ловная легла!

Как Юллана ни дремала, едва переставляя копыта, и как ни спотыкалась на каждом шагу, все-таки в конце концов они с Эмилем прибыли в долину Хюльтсфред.

— Эй! — заорал Эмиль. — Ну и поживем мы теперь в свое удовольствие!

Но тут же смолк, выпучив глаза. Он знал, конечно, что людей на свете тьма-тьмущая, но не знал, что все они соберутся в одну кучу именно здесь, в долине Хюльтсфред. Никогда не доводилось ему видеть столько людей зараз. Они окружили огромную долину со всех сторон, а в долине шли военные учения. Солдаты вскидывали ружье к плечу, равнялись направо и налево и вообще делали все то, что обычно делают солдаты. Какой-то толстый злой старикашка разъезжал верхом на лошади; он орал на солдат и приказывал, а они слушались его, не возражая, и делали все, что он велел. Эмилю это показалось чудным.

— Кто же тут командует? Разве не Альфред? — спросил он стоявших поблизости крестьянских ребятишек.

Но они смотрели во все глаза на солдат и ничего не ответили.

Сначала Эмиля тоже забавляло, как солдаты вскидывают ружье к плечу. Но скоро ему это надоело, и он захотел разыскать Альфреда. Ради чего он приехал сюда? Но все солдаты были в одинаковых синих мундирах и все похожи друг на друга. Найти в этой компании Альфреда было делом нелегким.

— Ну и что ж, пусть Альфред сам меня увидит! — сказал Эмиль своей лошади. — Он засмеется, подбежит ко мне, и пусть тогда этот злющий старикашка сам вскидывает ружье к плечу сколько влезет.

Чтобы Альфред поскорее заметил его, Эмиль выехал вперед из толпы и завопил что есть мочи:

— Альфред, где ты? Выходи, давай поживем в свое удовольствие! Разве ты не видишь, что я здесь?

Конечно, Альфред увидел Эмиля. Эмиля в его «кагтузике» и с «лузьем», Эмиля верхом на старой кобыле. Но Альфред стоял в строю вместе с другими солдатами и не смел подойти к Эмилю, опасаясь этого толстого, злого старикашки, который шипел, орал и командовал без конца. Вместо Альфреда к Эмилю подъехал тот самый толстый, злой старикашка и очень добрым голосом спросил:

— Что случилось, мальчик? Ты потерялся? Где твои мама с папой?

Таких дурацких вопросов Эмиль давным-давно не слыхал.

— Это я-то потерялся? — спросил Эмиль. — Я-то здесь! Если кто и потерялся, так это мама с папой.

Эмиль был совершенно прав. Его мама сказала, что в долине Хюльтсфред маленькие дети могут потеряться. Но теперь она сама вместе с папой и Линой попала в страшную давку, и все они чувствовали себя потерянными, потому что никто из них не мог и пошевелиться.

Правда, они видели Эмиля. Ну как же, они видели, как он появился в своем «кагтузике», со своим «лузьем», верхом на старой кобыле, и папа Эмиля сказал:

— Ну, чует мое сердце, скоро стругать Эмилю нового старичка.

— Дело идет к тому! — подтвердила мама. — Но как бы нам добраться до него?

Да, это было труднее всего. Кому доводилось бывать на таком празднике в долине Хюльтсфред, поймет, что там творилось. Как только солдаты кончили маршировать и ушли, вся огромная долина оказалась битком набитой людьми, нахлынувшими со всех сторон. Началась страшная давка, о том, чтобы найти Эмиля, нечего было и думать, самому бы не потеряться. Его искали не только мама с папой, но и Альфред, который

получил увольнительную. Он хотел повеселиться вместе с Эмилем. Но в такой толчее в долине Хюльтсфред было совсем не просто кого-нибудь найти. Почти все, кто там был, кого-то искали. Альфред искал Эмиля, Эмиль — Альфреда, мама Эмиля искала сына, Лина — Альфреда, а папа искал маму. Вот она-то потерялась по-настоящему, и папе пришлось искать ее битых два часа, пока он, наконец, не увидел ее совершенно отчаявшуюся, сжатую с обеих сторон какими-то толстыми важными горожанами из Виммербю.

Но Эмиль не нашел никого и никто не нашел Эмиля. Тогда он понял, что пора пожить в свое удовольствие, иначе ничего не выйдет.

Но прежде чем начать развлекаться самостоятельно, ему надо было пристроить Юллану к какой-нибудь старой доброй кобыле, чтобы они ржали за компанию, ведь он почти обещал ей это.

Никакой старой кобылы для Юллаы Эмиль не нашел. Но зато он нашел Маркуса, а это было куда лучше. На опушке леса, крепко привязанный к дереву, Маркус жевал сено. А рядом стояла старая катхультовская повозка, которую Эмиль тотчас признал. Встретив Маркуса, Юллана заметно обрадовалась. Эмиль привязал ее к тому же самому дереву и бросил ей охапку сена из повозки, сено в такое время года всегда возили с собой, и Юллана тотчас принялась есть. Тут и Эмиль почувствовал, что от голода у него сосет под ложечкой.

— Но сена мне бы не хотелось, — сказал он.

Да и зачем ему есть сено? В долине полным-полно разных палаток, где можно купить сколько угодно бутербродов с колбасой, булочек и пряников. Если, конечно, в кармане водятся денежки.

И там было еще полным-полно всяких развлечений для тех, кто хотел пожить в свое удовольствие. Цирк и танцевальная площадка, увеселительный парк с аттракционами, ресторанчиками, каруселью и другими развлечениями. Подумать только! Там был и шпагоглотатель, который умел глотать шпаги, и огнеглотатель, который умел глотать огонь, и одна очень внушительного вида дама с окладистой бородой, которая ничего не умела глотать, кроме разве кофе с булочками. От этого, конечно, не разбогатеешь, но ей повезло: у нее была борода. Она показывала свою бороду за деньги и неплохо на этом зарабатывала.

Здесь, в долине, все стоило денег, а денег у Эмиля не было.

Зато, как вы уже знаете, он был хитрый мальчишка и хотел увидеть как можно больше. Он начал с цирка, потому что это оказалось проще всего. Надо было только взобраться на ящик по другую сторону балагана и заглянуть в дырочку в парусине. Эмиль от всего сердца смеялся над потешавшим всех клоуном, и в конце концов с грохотом свалился с ящика, головой о камень. Тогда он махнул рукой на цирк. К тому же он совсем проголодался.

— Какая уж тут без еды жизнь в свое удовольствие, — сказал Эмиль, — а без денег еду не получишь. Надо что-то придумать.

Он уже заметил, что в долине было много разных способов заработать деньги, так что наверняка каким-нибудь можно воспользоваться. Огонь и шпаги он глотать не умел, бороды у него не было, что же ему придумать?

Эмиль стоял в нерешительности и размышлял. Вдруг он увидел: посреди толпы сидит на ящике слепой старик и распевает песни. Песни были грустные и жалостные, но за них ему подавали деньги. На земле рядом с нищим лежала шапка, и добрые люди все время бросали в нее мелкие монетки.

«Так и я могу, — подумал Эмиль. — Здорово мне повезло, картузик как раз при мне».

Положив кепку на землю, он встал в позу и принялся горланить: «Кобылка чуть трусит рысцой...» Кто хотел, мог его послушать. Вокруг сразу же столпился народ.

— Какой чудный мальчуган, — говорили люди. — Наверно, он очень бедный, раз поет здесь за деньги.

В те времена было много бедных детей, которым нечего было есть. И вот одна добрая тетенька подошла к Эмилю и спросила:

— Скажи, дружок, тебя чем-нибудь кормили сегодня?

— Да ничем, кроме сена! — ответил Эмиль.

Тут все стали его жалеть. А у доброго крестьянина — коротышки из Вена — даже слезы выступили на глазах. Он плакал от жалости к этому несчастному ребенку, бедному сироте с такой красивой кудрявой головкой.

В кепку Эмиля полетели монетки в два, пять и десять эре. И добрый крестьянин — коротышка из Вена — выудил из штанов двухэровую монетку, но тотчас пожалел об этом и, пока не поздно, сунул ее обратно в карман, шепнув Эмилю:

— Если подойдешь к моей повозке, я накормлю тебя сеном вволю.

Но теперь в кепке Эмиля было полным-полно денег. Он подошел к палатке и накупил себе целую кучу булочек, пряников и морса.

Впихнув в себя всю эту еду, он за четыре кроны и двадцать эре сорок два раза прокатился на карусели. Никогда раньше Эмилю не приходилось кататься на карусели, он и не знал, что на свете бывают такие веселые развлечения.

«Ну уж теперь-то я живу в свое удовольствие, — ду-

мал он, крутясь на карусели так быстро, что его кудрявые волосы развевались по сторонам. — Много веселого было в моей жизни, но такого — никогда».

Потом он вволю насмотрелся на шпагоглотателя, на огнеглотателя и на бородатую даму. И после всех удовольствий у него осталось всего-навсего два эре. «Спеть, что ли, еще и снова набрать денег, — подумал Эмиль. — Здесь все такие добрые!»

Но тут он почувствовал, что устал. Петь ему больше не хотелось, да и не до денег было... Последнюю двухэровую монетку он отдал слепому старику.

Потом он еще немного послонялся в толпе, пытаясь найти Альфреда, но безуспешно.

Эмиль был неправ, думая, что все люди там были добрые. Попадались и злые; кое-кто из них приехал в тот день в долину Хюльтсфред. В те времена в округе бесчинствовал грозный вор, по прозвищу Воробей. Его боялся весь Смоланд, а о его дерзких выходках немало писалось в газетах, и в «Смоландском Вестнике», и в «Хюльтсфредской Почте». На всех праздниках и ярмарках, везде, где бывали люди и водились деньги, откуда ни возьмись выныривал Воробей и тащил все, что попадалось под руку. Чтобы никто не мог его признать, он всякий раз нацеплял на себя новую бороду и усы. В тот самый день он приехал в долину Хюльтсфред с черными усами и в надвинутой на глаза черной широкополой шляпе и так и шнырял повсюду в поисках добычи. Но никто не знал, что в долине рыщет Воробей, иначе бы все перепугались до смерти.

Будь Воробей поумнее, он бы не появился в хюльтсфредской долине в тот самый день, когда туда прискакал со своим ружьем Эмиль из Лённеберги. Угадай, что же там произошло?

Эмиль не спеша бродил в поисках Альфреда, и ему случилось пройти мимо балагана бородатой дамы. Сквозь приподнятый полог он увидел, что она считает деньги, проверяет, сколько заработала в этот праздничный день. Выручка была, как видно, немалая, потому что она довольно ухмыльнулась. И вдруг увидела Эмиля.

— Заходи, малыш! — крикнула она. — Можешь посмотреть на мою бороду совсем бесплатно.

Эмиль уже видел эту бороду, но ему неудобно было сказать «нет», раз его так любезно пригласили. И к тому же совсем бесплатно. Он вошел в балаган со своим «кагтузиком» и своим «лузьем» и уставился на бородатую даму. Он насмотрелся на ее бороду не меньше чем на двадцать пять эре.

— Как это вы отрастили такую красивую бороду? — вежливо спросил он.

Но бородатая дама не успела ему ответить. В ту же минуту ужасный голос прошипел:

— Выкладывай деньги, а не то бороду оторву!

Это был Воробей, который незаметно прокрался в балаган.

Бородатая дама побледнела. Бедняжка, она немедленно отдала бы все деньги Воробью, не будь с ней Эмиля. Он шепнул:

— Возьми мое лузье!

И бородатая дама схватила его ружье. В балагане было темно, и бородатая дама подумала, что ружье настоящее.

— Руки вверх, стрелять буду! — завопила бородатая дама.

Воробей побледнел и поднял руки. Он весь дрожал от страха, пока бородатая дама зычным голосом, гремевшим на всю долину Хюльтсфред, звала на помощь полицейских.

Бородатую даму хвалили и в «Смоландском Вестнике» и в «Хюльтсфредской Почте» за то, что она поймала Воробья. Но никто ни словом не обмолвился об Эмиле и о его «лузье». Так что, по-моему, настало время рассказать правду о том, как все было на самом деле.

— Повезло, что я захватил с собой в Хюльтсфред и кагтузик и лузье, — сказал Эмиль, когда полицейские повели Воробья в кутузку.

— Да, да, ты замечательный малыш! — сказала бородатая дама. — Можешь смотреть на мою бороду сколько хочешь совсем бесплатно.

Но Эмиль устал. Ему не хотелось смотреть ни на чью бороду. Ему не хотелось даже жить в свое удовольствие и вообще ничего больше не хотелось. Ему хотелось только спать. Потому что над долиной Хюльтсфред спустился вечер. Подумать только, прошел целый долгий день, а Эмиль так и не нашел Альфреда!

Папа и мама Эмиля и Лина тоже устали. Они без конца искали Эмиля, а Лина без конца искала Альфреда, и больше искать у них уже не было сил.

— О, мои ноги! — простонала мама Эмиля, а папа угрюмо покачал головой.

— Веселенький праздник, нечего сказать, — проворчал он. — Поехали домой, больше нам здесь делать нечего.

И они потащились к лесной опушке, чтобы запрячь лошадей и тронуться в путь. И тут они увидели, что к дереву рядом с Маркусом привязана Юллана и что они вместе жуют сено.

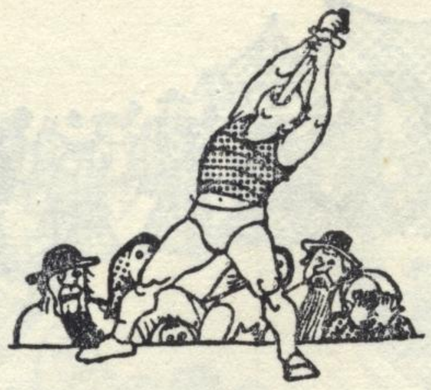
Мама зарыдала:

— Где мой маленький Эмиль? — причитала она.

Лина, дернув головой, в сердцах сказала:

— Вечно он со своими проделками, этот мальчишка! Вот уж настоящий сорванец.

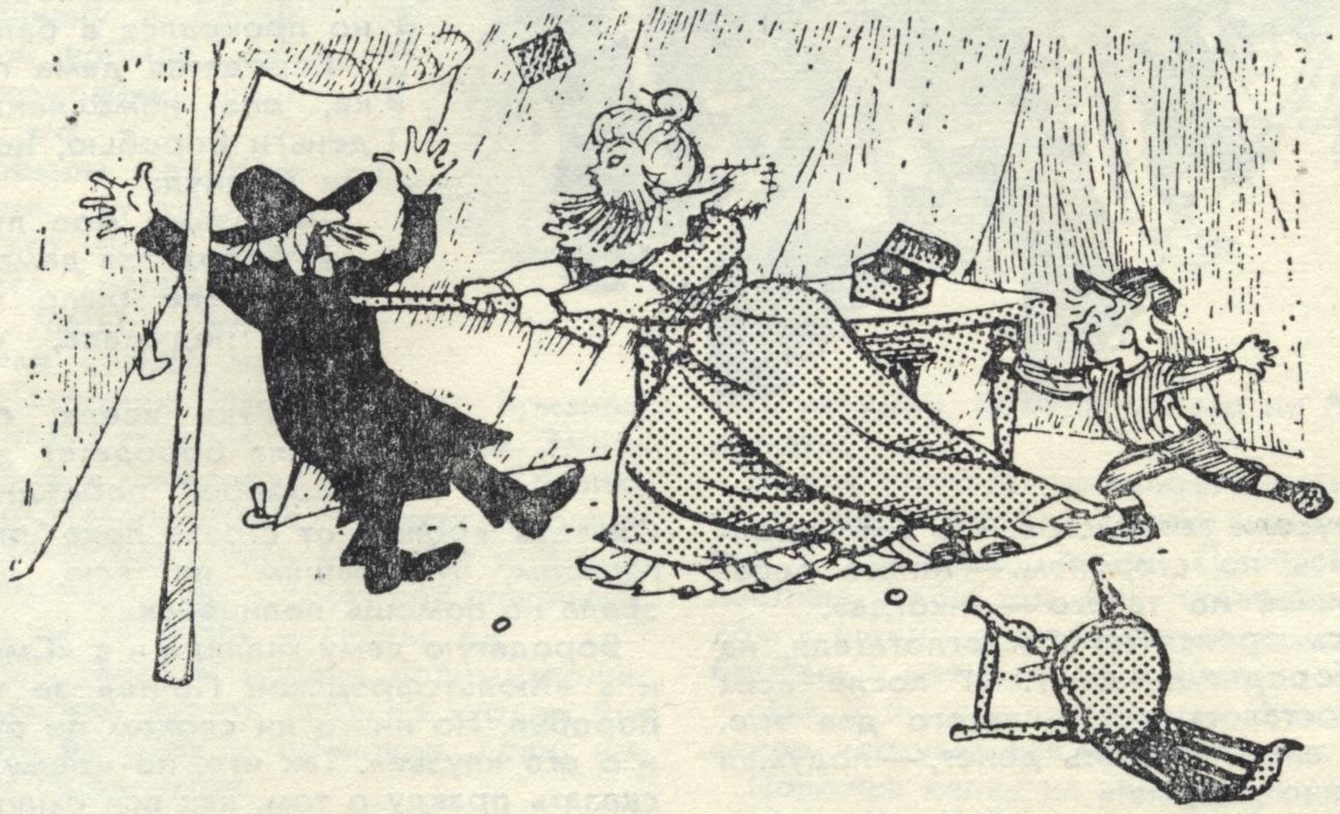
И тут вдруг все услыхали, что кто-то несется к ним во всю прыть. Это был Альфред. Он вконец запыхался.

— Где Эмиль? — спросил он. — Я искал его целый день.

— А мне-то что до него, — зло ответила Лина и полезла в повозку, чтобы ехать домой.

Подумать только! Она тут же наткнулась на Эмиля.

В повозке оставалось еще немного сена, на этом-то сене спал Эмиль. Понятно, он проснулся, когда Лина взгромоздилась на него. И тут Эмиль увидел, кто прибежал сюда в синем солдатском мундире и стоит рядом, едва переводя дух.

Эмиль обхватил шею Альфреда.

— Это ты, Альфред! — сказал он.

И тут же снова заснул.

Потом хуторяне поехали домой в Катхульт. Маркус тянул повозку, а привязанная к повозке Юллана трусила сзади. Время от времени Эмиль просыпался и видел темный лес и светлое летнее небо, он вдыхал запах сена и лошадей, чувствовал свежесть ночи, слышал, как стучат копыта и поскрипывают колеса повозки. Но все-таки большую часть пути он спал, и ему снилось, что Альфред скоро вернется домой, в Катхульт, к Эмилю. Он непременно должен вернуться.

* * *

Хотя мама и защищала всегда своего Эмиля, сама она немного беспокоилась за него. Мамы всегда беспокоятся, когда люди приходят жаловаться на их детей, а жалобам на Эмиля конца не было. И вот как-то вечером, когда Эмиль лежал в кровати со своим «кагтузиком» и своим «лузьем», она подошла и села рядом.

— Эмиль, — сказала она, — ты скоро подрастешь и пойдешь в школу. Как же ты станешь вести себя в школе, ты такой сорванец и проказам твоим нет конца.

Эмиль лежал в постели, ну просто ангелочек со своими круглыми голубыми глазенками и светлыми кудрявыми волосами.

— Халли-дайен, халли-дайен-да... — запел он. Такие разговоры он терпеть не мог.

— Эмиль, — строго повторила мама, — как ты станешь вести себя в школе?

— Хорошо, — пообещал Эмиль. — Наверное, я перестану проказничать... когда пойду в школу.

Мама Эмиля вздохнула.

— Ну что же, будем надеяться, — сказала она и пошла к двери.

Тогда Эмиль, приподняв голову и улыбнувшись, точно ангелочек, лукаво добавил:

— Но я не ручаюсь...

Окончание следует

Медаль чешским, советским и польским воинам — участникам сражения на перевале Дукля

„Благодарная Франция“ Награда бойцам Сопротивления

Старейший знак русской славы Георгиевский крест

Вот об этой медали спрашивает вас коллекционер

„Анна на шее“. С мечами — за воинские заслуги, без мечей — за штатские

ЗВЕЗДЫ НА МУНДИРАХ

Помните комедию Грибоедова «Горе от ума»? Скалозуб, солдафон и карьерист, хвастает:

«В тринадцатом году мы отличились с братом
В тридцатом егерском, а позже в сорок пятом.
...Засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне — на шею».

Врет он. И тот, кто помнил войну 1812 года, отлично это понимал. А в наше время об этом узнал исследователь истории русской армии А. Макаров. По архивным документам он выяснил, что ни тридцатый егерский, ни сорок пятый полки «в деле» не участвовали, а отсиживались в глубоком тылу. Значит, если и получил Скалозуб орден «Анны на шее», то вовсе не за храбрость в траншейных схватках, а за верную чиновничью службу. Как и Берг из «Войны и мира» Льва Толстого:

«Берг был уже полковник с Владимиром и Анной на шее и занимал все то же спокойное и приятное место помощника начальника штаба помощника первого отделения начальника штаба второго корпуса.

Он поднял осколок гранаты, которым был убит адъютант подле главнокомандующего, и поднес начальнику этот осколок... Все поверили, что надо было это сделать,— и за Финляндскую войну Берг получил две награды...»

А вот Николай Ростов из той же «Войны и мира» вернулся домой после Шенграбена и Аустерлица гусарским поручиком с солдатским «Георгием» на груди.

Солдатский «Георгий» доставался тяжело и носить его считалось за честь среди демократичных офицеров.

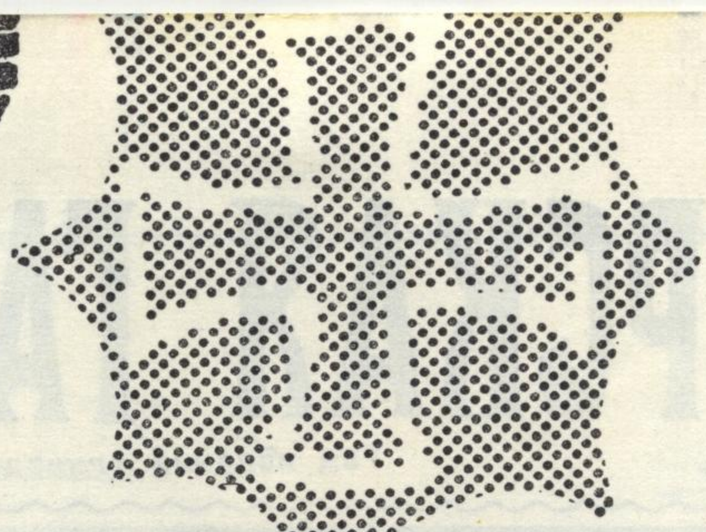
Валентин Алексеевич Горшков подошел к большому специально оборудованному под коллекцию шкафу и вынул несколько картонок с орденами.

— Вот,— Валентин Алексеевич протянул мне маленький скромный крестик,— это и есть «Георгий».

А НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ — МЕДАЛИ БОРЦАМ СОПРОТИВЛЕНИЯ РАЗНЫХ СТРАН

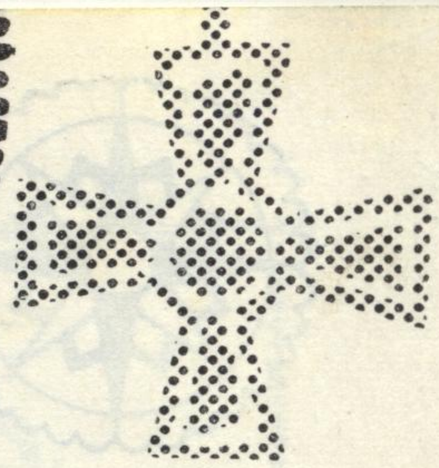

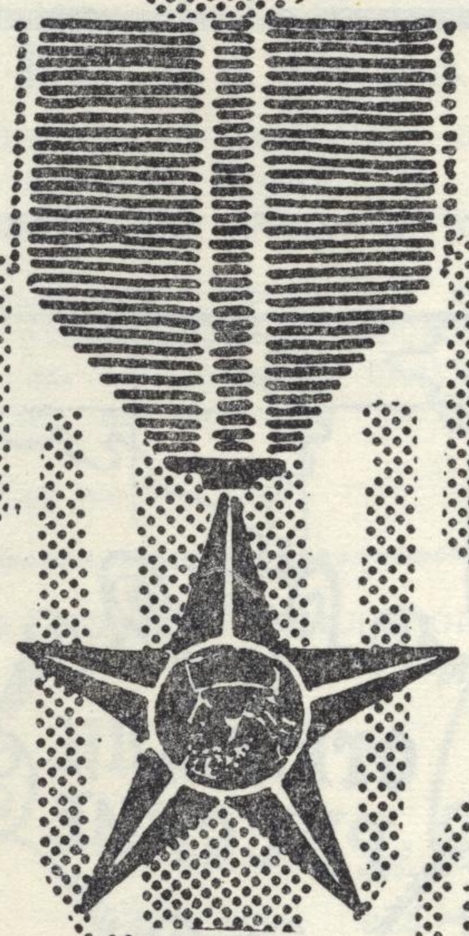
Французам — узникам фашистских концлагерей

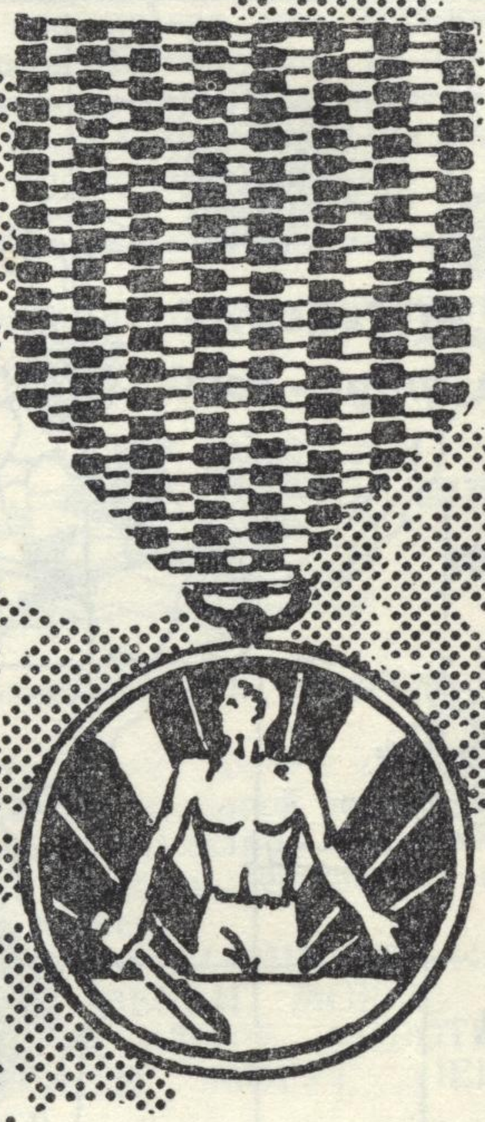

Родителям французских партизан

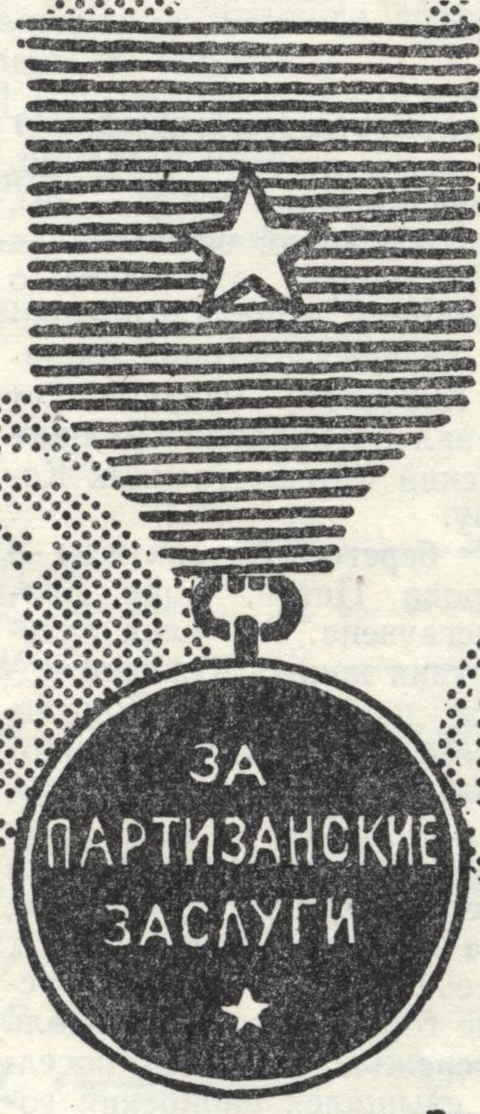

Итальянским партизанским бригадам имени Гарибальди

Голландским антифашистам

Русским и болгарским партизанам

К сожалению, в то время еще не всегда на наградах выбивали номер, и поэтому невозможно установить, кому они принадлежали. Но именно такой крест носила знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова. Та самая, что сначала участвовала в военных походах рядовым уланского полка, а потом ординарцем Кутузова. О ней рассказывает фильм «Гусарская баллада».

— Кстати, о кино. «Войну и мир» смотрели? Может, помните: когда Багратион после Аустерлица приезжает на званый обед к Ростовым, у него на мундире орден Маврикия и Лазаря. Да я вам его покажу, — Валентин Алексеевич пошел снова к своему шкафу и принес крест из блестящих колечек. — Это на мундире Багратиона. В фильме. А на самом деле русский маршал не мог иметь такую награду. Крест носили в Сардинии, а Сардинией правил тогда брат Наполеона. Ошибка допущена в фильме.

И еще один орден показал мне коллекционер. Красная звезда, серп и молот, а «Омск» почему-то написано латинскими буквами.

— Награда польских партизан, сражавшихся в Сибири в 1918 году. Какому отряду она принадлежала, как называлась, за что награждали — неизвестно. Поместите ее в журнале. Может, ваши читатели мне помогут?

По дороге домой я вспомнил одну свою знакомую. У нее огромная коллекция значков. Как-то я увидел такой: одна буква М насажена на другую. Я спросил, что это за значок. «Берлинского метро», — был ответ. Я поверил. Теперь я побывал в Берлине и увидел, что знак берлинского метро вовсе не такой, а буква «U», U-bahn — подземная дорога. А приехав в Лейпциг, узнал, что «двухэтажное М» — символ Международной Лейпцигской ярмарки и значит «ярмарка-выставка», и метро тут ни при чем.

И я подумал о том, что надо бы этой моей «коллекционерке» поучиться у Горшкова...

О. Вовин

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания тринадцатый

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

Эта карта необычная. На ней всего десяток названий. Океан узнается сразу — это, конечно, Тихий океан.

Но говорит эта карта о многом. В центральной части океана — острова Рюрика, Кутузова, Суворова. Тут плавал на корабле «Рюрик» русский путешественник Коцебу.

У берегов Антарктиды — острова Петра, море Беллинсгаузена. Это след путешествия вокруг Южного полюса парусников «Восток» и «Мирный». Ими командовали Лазарев и Беллинсгаузен.

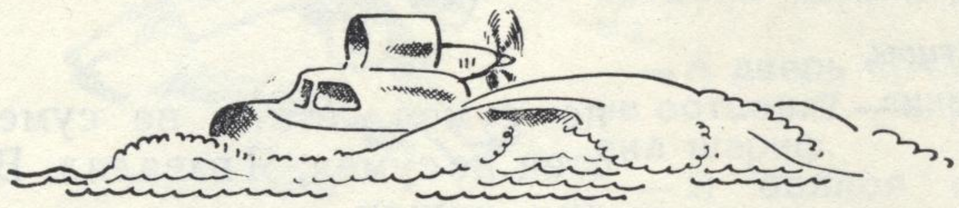
На северо-американском берегу — остров Баранова, гора Счастья, форт Росс... Здесь когда-то стояли русские города, цепочкой вдоль побережья теснились поселки, слышался сибирский говорок.

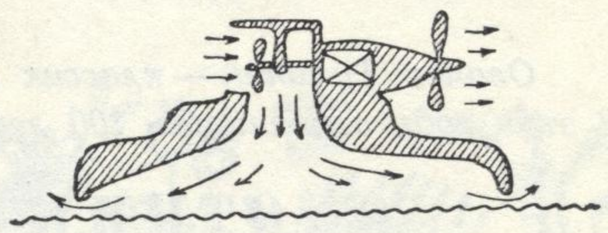
Эта карта говорит о русских открытиях в Тихом океане. В его бескрайних просторах трудились на благо науки и Родины наши предки.

Ну, а советские ученые? Им-то открывать уже нечего, поди, все, что можно было открыть в Тихом океане, открыто давно?

Совсем нет. Недавно советские ученые опубликовали первую в мире полную карту дна Тихого океана. На ней тоже горы, хребты, долины. Их открыли, измеряя шаг за шагом глубину дна.

Наш век — это тоже век открытий.

КАК ИХ НАЗЫВАТЬ?

Из-за мыса показался катер. Он шел медленно, теснил широким тупым носом воду, натужно ревел мотором. Но вот изменились обороты мотора, он запел тонко, нос катера приподнялся, белая пена выметнулась по сторонам суденышка. Катер весь вылез из воды и помчался, оседлав белую пенную подушку.

— Ого, вот это скорость! — сказал кто-то на берегу. — А посмотришь: киля нет, на лапоть похож.

— Киля нет, — согласился стоявший рядом моряк. — Аэроход — судно на воздушной подушке. Идет не по воде, а по воздуху.

— Как же это так?

И все, кто стоял рядом, стали спорить.

Как скользит над водой катер — ясно из рисунка. А вот как его называть — аэроходом или судном на воздушной подушке, спорят инженеры до сих пор.

И еще они спорят, как говорить про такое судно: оно плывет или летит?

абвгдежзийкламнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийкл

ШКОЛА ЮНГ

— Включают ли корабли прожекторы днем?

— Ну, зачем? Днем и так светло.

— Светло, да порой не все ясно. А так — включишь прожектор, поморгаешь им, сам новости передашь, чужие узнаешь — сразу полная ясность.

ПРОЖЕКТОРОМ ПИШУТ, ИСПОЛЬЗУЯ ЗНАКИ АЗБУКИ МОРЗЕ: ДЛИННАЯ ВСПЫШКА — ТИРЕ, КОРОТКАЯ — ТОЧКА. ЮНГИ МОГУТ ПЕРЕГОВАРИВАТЬСЯ.

А •—	Л •—••	Х ••••	1 •————
Б —•••	М ——	Ц —•—•	2 ••———
В •——	Н —•	Ч ———•	3 •••——
Г ——•	О ———	Ш ————	4 ••••—
Д —••	П •——•	Щ ——•—	5 •••••
Е •	Р •—•	Ъ, Ь —••—	6 —••••
Ж •••—	С •••	Ы —•——	7 ——•••
З ——••	Т —	Э ••—••	8 ———••
И ••	У ••—	Ю ••——	9 ————•
К —•—	Ф ••—•	Я •—•—	0 —————

абвгдежзийкламнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийкл

СРЕДИ ВОЛН

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Начало см. № 7—10

— Отчего это так много пузырей идет со дна? — удивился командир пограничного корабля, смотря за борт.

Вдруг среди пузырей показалась голова Паутинкина.

— Надо их всех арестовать! — сказал отважный сыщик, показывая пальцем вниз.

Окончание следует

Ованес Туман ян

СКАЗКИ

Ованес Туманян — классик армянской литературы. В этом году исполнилось 100 лет со дня его рождения.

ОХОТНИК-ВРУН

На отцовы крестины и на мамашины родины собрались мы как-то, пять-шесть душ, с ружьями, шашками — на охоту пошли. Было нас: Ади, Юди, Чати, Мати, отец мой да я.

По горам, по долам прямехонько шли. Где дичь была — молчком-молчком, где боязно было — ползком-ползком.

Шли, шли, долго ли, коротко ли, видим — три озера: два сухих, одно совсем без воды. Глядим, в том озере, что без воды, три белые утки плещутся, крякают: две подохшие, одна неживая.

— Давай, давай, Ади!
— Ружья нет.
— Давай, давай, Юди!
— И у меня нет.
— Чати, Мати!
— И у нас нет.
— Что же нам делать?

В руках отца короткая и длинная, толстая и тонкая дубинка. Поднял он ее к глазам, прицелился да как — трах! — выстрелит! Он выстрелил, а я ударил. Как ударил, так утка и распласталась; каждое крыло — пять аршин с половиной.

— Ади, нож!
— Нету ножа.
— Юди, у тебя?
— И у меня нет.
— Чати, Мати!
— И у нас нет.
— Так что ж нам делать?
— У отца есть нож, только лезвия нет.

Ади резнул — не сумел, Юди резнул — не сумел, Чати не сумел, Мати не сумел, и отец не смог. Я резнул — убил.

Убил, на землю кинул. И уткой не назовешь — буйвол! Ади хотел на себя взвалить — не сумел, Юди не сумел, Чати не сумел, Мати не сумел и отец не сумел. Я взвалил. Взвалил, пошли.

Шли, шли — дошли до одного места. Смотрим, три села: двух совсем не видно, в третьем — ни одного дома. В этом бездомном селе туда пошли, сюда пошли — один дом нашли. В нем три старухи: две мертвые, а третья не дышит.

— Ребята, — говорим, — давайте плов с уткой приготовим.

Та старуха, что не дышала, пошла, тут поискала, там поискала, полрисинки нашла, три котла принесла — два с дырками, а у третьего и дна нет.

В этот котел без дна и налили воды, рис и утку положили, без огня сварили. Варили, варили — рис и утка выварились, одна вода осталась.

С охоты люди вернулись голодные, как накинулись! Ели, ели, и глаза не видали, и в рот не попало...

БРАТЕЦ-ТОПОР

Однажды какой-то мужичок в поисках работы отправился в дальние края. Попал он в одно село, видит — люди руками ломают деревья на топливо.

— Братцы, — спрашивает он, — чего это вы руками ломаете деревья, неужто у вас нет топора?

— А что такое топор? — удивились крестьяне.

Путник достал из-за кушака топор, наколол дров и сложил их в поленницы. А крестьяне побежали на площадь и заголосили:

— Эй, люди, сюда! Поглядите, что выделывает братец-топор!

Обступили крестьяне мужика, упрашивали его, молили, задабривали и получили от него топор.

Запаслись топором и решили по очереди колоть себе дрова. Первым унес к себе топор староста. Размахнулся, да как тяпнет себя по ноге, и завыл:

— Эй, люди, сюда, сюда, братец-топор взбесился, он укусил меня за ногу!

Прибежали крестьяне, схватились за палки и ну дубасить топор. Били, били, да толку мало.

Тут они завалили топор дровами и подожгли.

Вспыхнуло пламя, и запылал костер. Когда дрова прогорели, разрыли угли и видят: топор стал огненным. Принялись еще сильнее кричать:

— Ребята, братец-топор сердится — поглядите, как он раскраснелся! Долго ли до беды. Что делать?

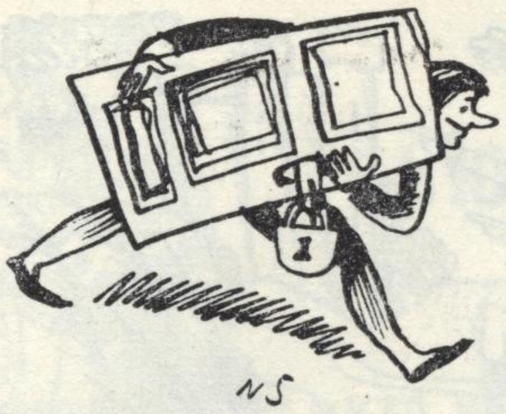
Посудили, порядили и придумали: засадить топор в темницу.

Взяли и забросили его в старостин овин. Овин был битком набит соломой. Как попал топор в солому — пламя так и взвилось столбом.

Перепуганные крестьяне кинулись за мужиком:

— Поди, бога ради, угомони топор!

Перевели с армянского А. Гюльназарянц и Я. Хачатрянц

— А почему тащишь на себе дверь?

— Потому, что я оставил деньги дома.

— А дверь почему не оставил? — спросил шериф.

— Я боялся воров. А если дверь будет всегда со мной, они не смогут сломать замок.

— Ах ты дубина! — сказал шериф. — Было бы безопаснее оставить дверь дома, а деньги взять с собой.

— Ну да?! — закричал человек с дверью. — В самом деле? А я и не подумал об этом. Вы самый умный человек, которого я когда-нибудь встречал!

Шериф ехал дальше, и каждый, кто попадался навстречу, вел себя очень глупо.

— Теперь я вижу, что все жители Гоутхема — набитые дураки, — сказал один из всадников.

— Это правда, — ответил другой. — Было бы стыдно наказывать таких простых людей.

— Давайте вернемся в Лондон и все расскажем про них королю, — сказал шериф.

Так они вернулись в Лондон и рассказали королю, какой этот Гоутхем — город набитых дураков. Король расхохотался и сказал, что даже если бы их вина была доказана, он бы не стал им мстить. Пусть остаются с носами!

Перевел с английского
Л. Прыгунов

Уголёк № 11

ПОЧЕМУ?

С. Погореловский

Я краску желтую достал,
и солнце я нарисовал.

И уже—гляди, гляди-ка!
Собираются вокруг
мак, подсолнух и гвоздика,
пчелка, бабочка и жук.

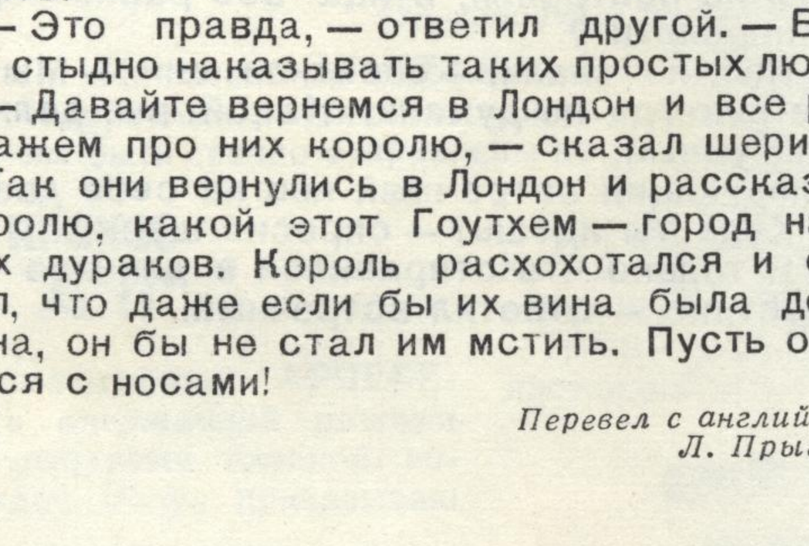
Я краску белую достал
и Пекаря нарисовал.

жадность и жестокость. Если он попадет к ним в город, им придется кормить и устраивать на ночлег всю его свиту. А все, что ему понравится, он отберет у горожан как свою собственность.

Что же им было делать?

— Давайте вырубим в лесу большие деревья и завалим ими все дороги, ведущие в город! — сказал один гоутхемец.

— Давайте, — ответили остальные.

Взяли они топоры, и скоро все дороги и тропинки вокруг города были завалены бревнами и ветками. Теперь королевским всадникам придется либо прокладывать новую дорогу, а на это уйдет очень много времени, либо вовсе отказаться от визита в Гоутхем и ехать дальше другим путем.

Король был взбешен, когда наткнулся на деревья. „Кто это сделал?“ — гневно спросил он у двух деревенских пастухов.

— Люди из Гоутхема, — ответили они.

— Ах так, — сказал король. — Ну что ж, пойдите и скажите людям Гоутхема, что я пошлю к ним своего шерифа с приказом по-отрезать им всем носы!

Пастухи примчались в город и рассказали о приказе короля.

— Наша смекалка не пустила короля в город, — сказал один из жителей Гоутхема. — Пусть теперь наши мозги спасают нам носы.

— Да, да, — поддержали другие.—Но что нам придумать?

И тогда один из самых умных горожан, по имени Доббин, предложил:

— Чаще всего человека наказывают за ум. Но я никогда еще не слышал, чтобы

И уже бегут вприпрыжку,
знай спешат со всех сторон
каравай, калач, коврижка,
сушка, пышка и батон.

Я краску серую достал
И ЛОДЫРЯ нарисовал.

Погляжу-ка я, узнаю —
кто придет к нему, лентяю?
Не идет никто к нему...
Ты не знаешь, почэму?

кого-то посылали на виселицу только за то, что он дурак. Поэтому, когда появится королевский шериф, давайте будем вести себя как дураки!

— Прекрасно! Великолепно! — закричали остальные. — Мы будем действовать как дураки!

Пока люди короля с трудом расчищали дорогу, королю надоело ждать, и он вернулся в Лондон. А на рассвете отряд вооруженных всадников во главе с шерифом проехал через лес и направился к Гоутхему. И тут же остановился, увидев странную картину: старики вкатывали в гору большие камни, а молодые и здоровые парни прыгали вокруг них с громким визгом и хрюканьем.

Шериф спросил, что они делают.

— Мы вкатываем камни на гору, чтобы помочь взойти солнцу, — сказал один старик.

— Ну и глупец! — расхохотался шериф. — Ты что, не знаешь, что солнце всходит без всякой помощи?

— Да неужто? — удивился старик. — Гм, никогда об этом не думал. Ну и умный же вы.

— А вы чэм занимаетесь? — спросил шериф у молодых.

— Мы прыгаем, визжим и хрюкаем, пока наши отцы работают! — закричали они хором.

— Понятно, —сказал шериф. — Дураки и бездельники везде одинаковы.

Вскоре они въехали на поле, где группа мужчин строила каменную стену.

— Что это вы тут делаете? — спросил шериф.

— Ну как же, господин, — ответили они. — В поле спряталась кукушка, и мы строим вокруг нее стену, чтобы она не ускользнула.

— Ну и болваны, — сказал шериф. — Вы что, не знаете, что какую бы высокую стену вы ни построили, птица все равно через нее перелетит?

— Нет, не знали. — ответили они. — Мы об этом никогда не думали. Какой вы, должно быть, умный!

Следующий встречный нес на себе дверь.

— Куда ты идешь? — спросил шериф.

— Я только что отправился в длинное путешествие, — ответил встречный.

МУДРЕЦЫ ИЗ ГОУТХЕМА

У разных народов есть сказки о веселых городах дураков. Только, конечно, на самом деле жители этих городов большие умники и хитрецы. Они прикидываются глупцами, чтобы околпачивать незваных гостей и жестоких правителей.

Вы, наверно, слыхали о немецких шильдбюргерах и болгарском городе Габрово. А сейчас почитайте, что пишет американский писатель Джеймс Болдуин об англичанах из Гоутхема.

Однажды жителям Гоутхема стало известно, что король, проезжая по стране, собирается остановиться в их городе. Это ничуть их не обрадовало. Они ненавидели короля за

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

КТО НЕГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК—ТОТ ВСТУПАЕТ В АРЧЕБЕК

Хочешь стать лучшим шахматистом или шашистом в классе?

Хочешь консультироваться у гроссмейстера или даже у чемпиона мира?

Хочешь получить спортивный разряд?

Хочешь бороться за приз?

Или, может быть, еще только хочешь научиться играть?

Во всех этих случаях дорога ведет в Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток!

Как туда вступить? Как туда вступить??

Быстро, немедленно, сейчас же! Бери бумагу, перо, пиши! Не забудь указать фамилию, имя, класс, адрес и на конверте пометить — «АРЧЕБЕК». Принят или нет, узнаешь в «Костре» № 12.

Шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

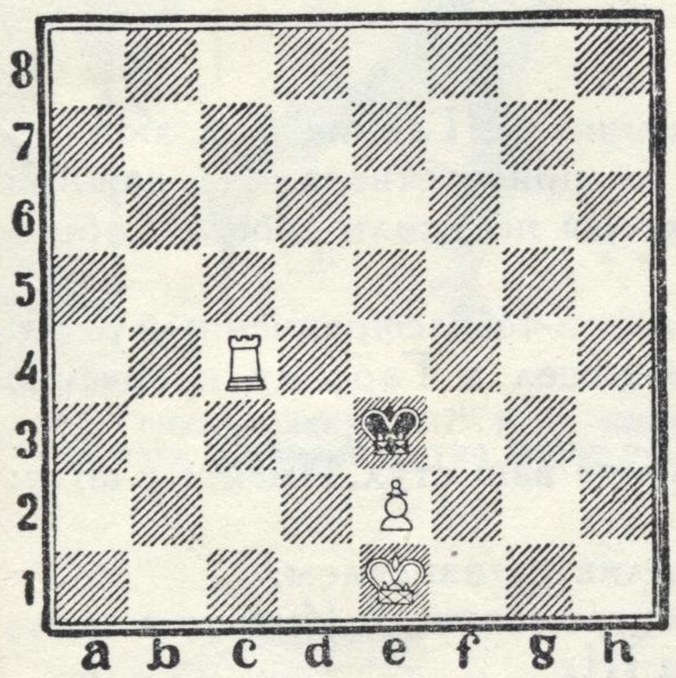
СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

Из штаба АРЧЕБЕКА сообщают, что подсчет очков у рыцарей для присуждения спортивных разрядов и призов продолжается. Еще не высланные почетные знаки должны быть срочно отправлены на имя шахмат-адмирала Ферзьбери.

ПРИКАЗ № 11

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, в честь одержанной нашими доблестными рыцарями славной победы над бандой Шефа приказываю

произвести салют тремя прицельными залпами из быстроматов; цель — черный король.

Первый залп в позиции — белые: Крс5,Фg2,Ка6; черные: Кра7, п.g3; дистанция — в 2 хода.

Второй залп в позиции — белые: Крf7,Ла6,Лf8; черные: Крh7,Cg7; дистанция — в 3 хода.

Третий залп в позиции диаграммы; дистанция — в 4 хода.

СДАЙТЕ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

— Следующие трое — к доске! — скомандовал шахмат-капитан Пешкоедов.

Вышли три рыцаренка — Знай, Незнай и Полузнай.

— Когда не разрешается рокировать? — спросил Пешкоедов. Словно горох, посыпались ответы рыцарят.

— Когда король во время игры падал на пол!

— Когда королю раньше был шах, от которого он закрылся!

— Когда другая ладья уже побита!

— Когда король находится под шахом!

— Когда король или ладья уже двигались!

— Когда противник крикнул: «Чур, не рокировать!»

— Когда ладье придется перейти через поле, атакованное вражеской фигурой!

— Когда королю придется перейти через поле, атакованное вражеской фигурой!

Так отвечали рыцарята. А вы? Хотите сдать экзамен Пешкоедову? Перепишите их ответы, подчеркните те, которые, по-вашему, давал Знай, и отправьте в АРЧЕБЕК.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 7 награждены дипломами — *Валерий Томницкий* (Сусловка), *Миша Фейман* (Свердловск), *Леня Горелик, Гриша Фиглин* (оба — Гомель), *Толя Степин* (Новосибирск), *Миша Бержанер, Саша Шапиро* (оба — Ленинград), *Саша Колядин* (х. Рябовский), *Женя Логинов* (Перетрясово), *Игорь Усенко* (Киев), *Сережа Хабаров* (Путивль), *Алексей Коломенский* (Горловка), *Саша* и *Андрей Рудометовы* (Пермь), *Сережа Вдовик* (Кемерово), *Павел Грабарник* (Миасс), *Коля Загайнов* (п. Майский), *Антанас Ракицкас* (Валюляй), *Миша Тимошков* (Рудня), *Володя Фещенко* (Калуга).

17 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

В матче-реванше Ботвинник вернул ранее отобранный у него Смысловым титул чемпиона мира. А в 1960 году состоялась встреча Ботвинника с необычайно быстро выдвинувшимся гроссмейстером Михаилом Талем. Выиграв матч, Таль стал восьмым в истории шахмат-чемпионом.

Таль остроумен как в шахматах, так и в жизни. Однажды, играя с гроссмейстером Паулем Keресом, он уже на первых ходах предложил жертву фигуры. Керес думал, думал и, наконец, решил принять жертву. Но прежде чем сделать ход, он снял и повесил на спинку стула свой пиджак. Партию выиграл Керес.

— Миша, — спросил он Таля, — вы ошиблись в расчетах?

— Ну что вы! — бодро ответил никогда не унывающий Таль. — Расчет вариантов был точен! Но я лишь одного не предусмотрел: что вы снимете пиджак.

ПОЛУНОЧНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Только часы на башне парламента пробили полночь, художник Хогарт услышал за дверью голос, до жути замогильный и до боли знакомый:

— Хогарт, напиши мой портрет!

Не веря своим ушам, художник отворил дверь. Ему открылась страшная картина: на пороге стоял не кто иной, как его покойный друг писатель Филдинг!

— Меня отпустили с того света только на пятнадцать минут, — простонал призрак. — Поторопись! Рисуй!..

Уильям Хогарт знал цену россказням о привидениях и не ставил эти россказни ни в грош. Его разум и теперь отказывался принять всерьез ночное происшествие. Но рисунок в альбоме, словно дразня вольнодумца Хогарта, подтверждал справедливость самых нелепых старушечьих суеверий.

Спустя несколько дней в мастерскую Хогарта наведался знаменитый актер Давид Гаррик. Перед портретом Филдинга Гаррик произнес со вздохом:

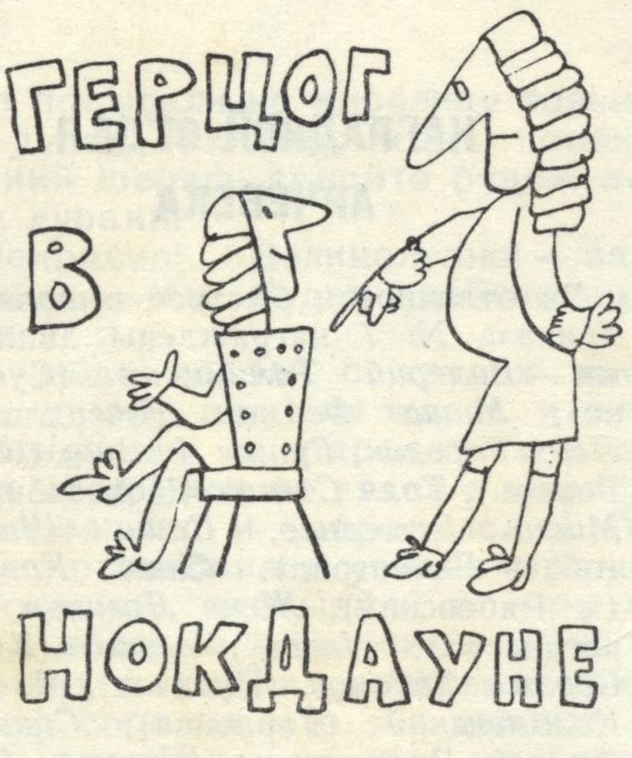
— Филдинг был моим лучшим другом. Продай мне этот портрет.

— Не знаю, захочешь ли ты повесить его у себя, если узнаешь, как он был создан, — ответил Хогарт и рассказал, как было дело.

— Откровенность за откровенность, — улыбнулся Гаррик.— Прошу тебя, не сердись, это был не Филдинг, это был... я! Мне так хотелось, чтобы ты написал его портрет, но, что делать, я не нашел другого способа подтолкнуть твою кисть.

Давид Гаррик недаром славился умением принимать любой образ.

ГЕРЦОГ В НОКДАУНЕ

Подобно всем своим соотечественникам, Гаррик был любителем и знатоком бокса. Однажды он присутствовал на важном матче, собравшем пол-Англии. Боксеры посадили своего любимца поближе к рингу.

Вместе с гонгом в зал вступил какой-то расфранченный лорд. Не найдя свободного места, он подошел к Гаррику и спесиво произнес:

— Сэр, соблаговолите уступить мне ваш стул. Имейте в виду: я — герцог Куинсберри.

Актер окинул вельможу насмешливым взглядом:

— Сэр, меня изумляет ваша бесцеремонность. Имейте в виду: сегодня вечером я — король Ричард III.

Рисунок на обложке Г. Ковенчука
На третьей странице обложки рисунок Б. Семенова
На четвертой странице обложки рисунок М. Беломлинского
На четвертой вклейке оформление А. Орлова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская *(ответственный секретарь),* ***Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан*** *(зам. редактора)*

Художник-редактор ***Ю. П. Мезерницкий*** | Корректор *В. А. Маевская* | Технический редактор ***А. А. Двораковская***

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград. С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-40424 Подписано к печати 10/X 1969 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 4+1 вкл. 6,56 усл. печ. л. 8,8 уч-изд. л.
Тираж 370 000 экз. Зак. № 273. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

... И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

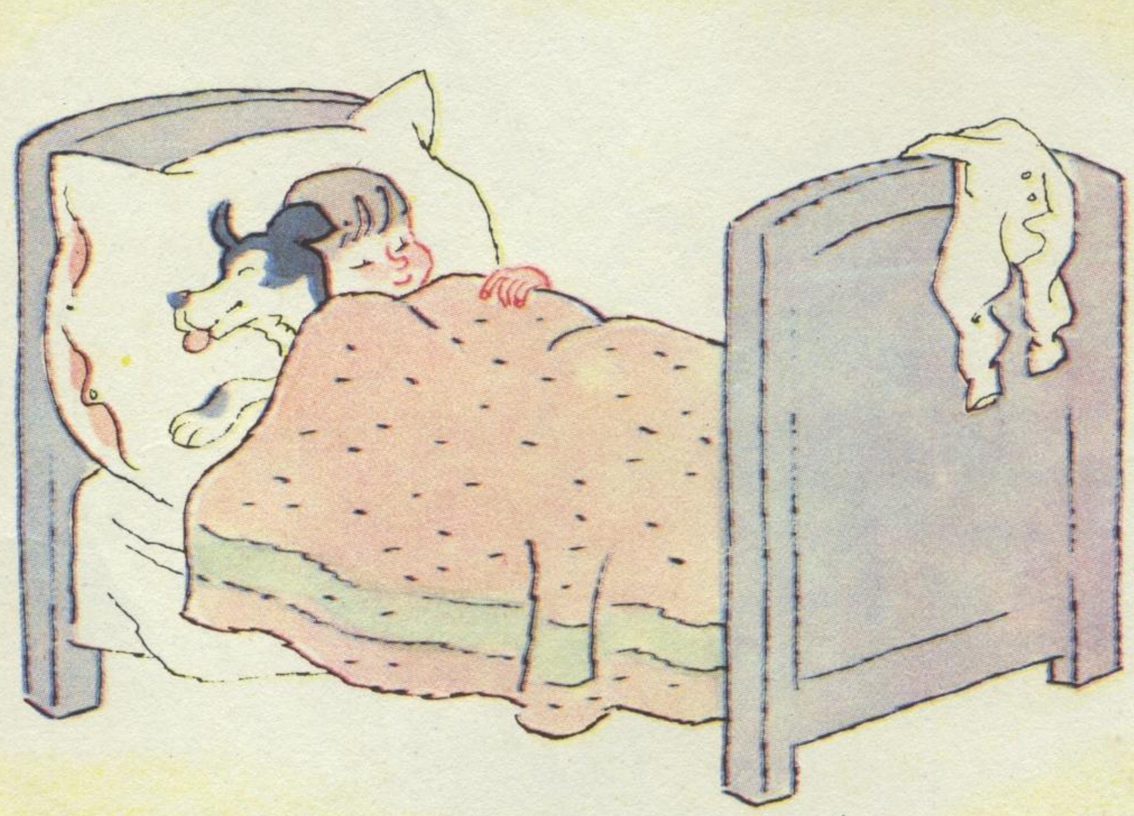
Как много, скажите, здесь надо ума,
чтоб кошка со страху лишилась ума?
Ответ, вероятно, один и простой:
„Не больше, чем в банке консервной пустой...“

„Кто плюнет искусней?“ Наверно, верблюд:
они ведь с младенчества ловко плюют!

Хорош, конечно, этот пес, —
но тут встает один вопрос:
„А стоит ли Тотошку
кормить своею ложкой?“

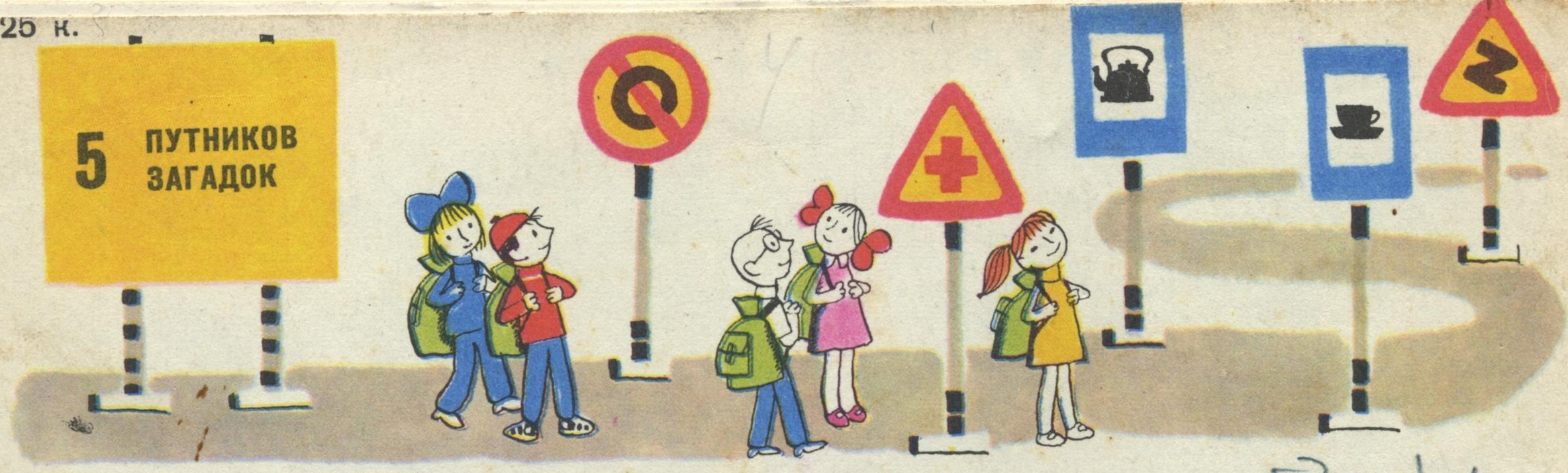
Он друга уложил в кровать!
Он очень любит зверя!..
А завтра с другом ляжет спать
на коврике у двери?

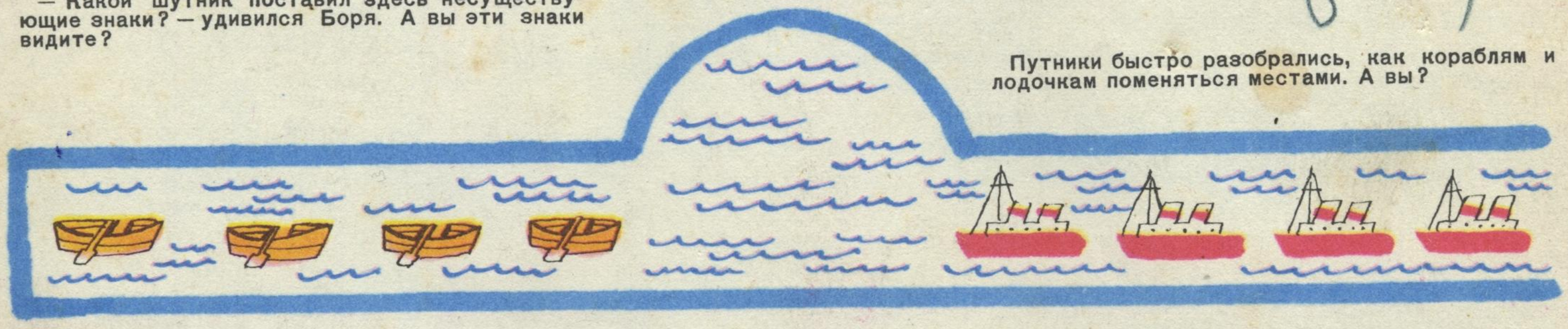
Учитель считает себя остряком, —
но что получилось? Смотри:
сейчас попугай назовет „дураком“ —
кого же? Поди, разбери...

25 к.

5 ПУТНИКОВ ЗАГАДОК

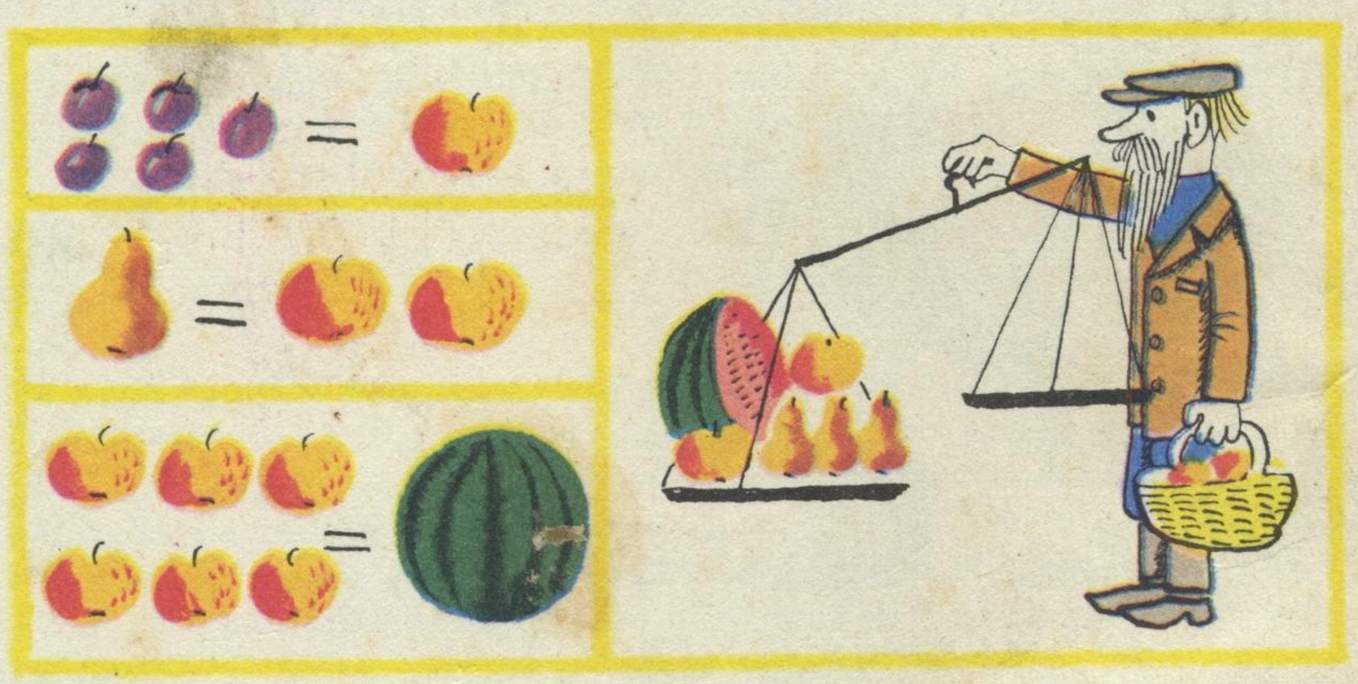
— Какой шутник поставил здесь несуществующие знаки? — удивился Боря. А вы эти знаки видите?

Путники быстро разобрались, как кораблям и лодочкам поменяться местами. А вы?

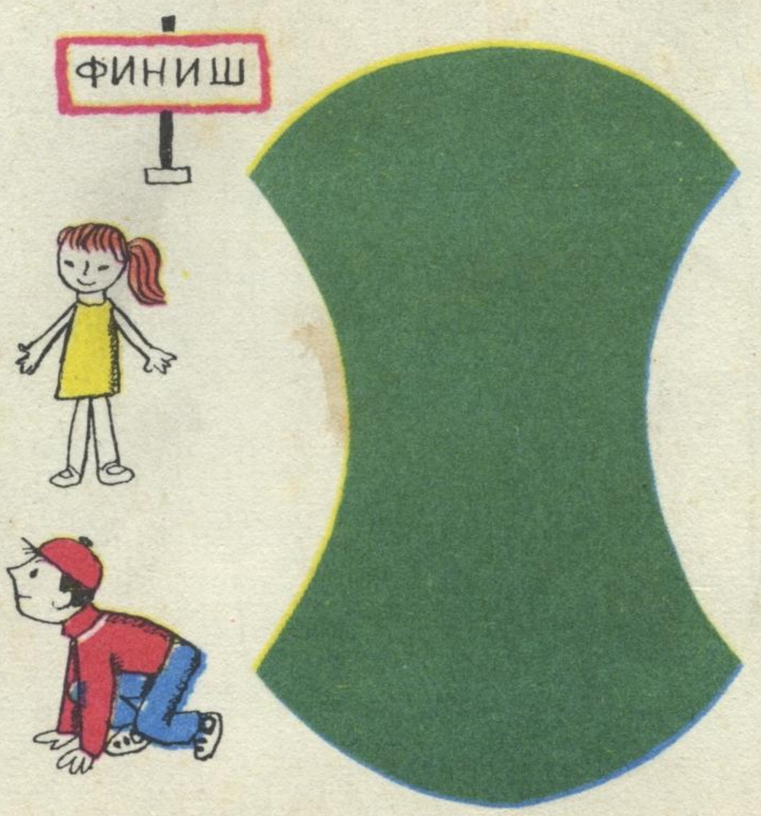
— Ах! — авторучка оказалась неисправной, и счет, который Юля взяла для школы в магазине учебных пособий — испорчен! Попробуйте его восстановить.

— Хотите полакомиться? — хитро спросил путников старик Полуяныч. — Тогда скажите сначала, сколько надо положить слив, чтобы уравновесить весы?

Лева и Боря на старте. Каждому надо пробежать по диагонали до противоположного угла лужайки. Определите на глаз, у кого дистанция длиннее.

Ответы в следующем номере

Индекс
70445